

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 1 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему

Последствия лишения ученой степени работников образовательных и научных организаций в контексте трудового законодательства

Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода

Информационная безопасность граждан России: современное состояние

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 77
№ 1 (206)
январь 2024

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 30.01.2024
Объем 18,01 усл. печ. л. (13,80 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, С. И. Ершова

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 1 (206)
January 2024

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

30.01.2024
Volume: 18,01 conventional printer's sheets (13,80 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, S. I. Ershova

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Василевская Л. Ю.** Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему 9
- Богдан В. В., Урда М. Н.** Последствия лишения ученой степени работников образовательных и научных организаций в контексте трудового законодательства 22
- Богданов Д. Е.** Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности 32

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Шиханов В. Н.** Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода 54
- Маслов В. А.** Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах 67

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Малахов С. А.** Принцип равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации 91

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

- Лифшиц И. М., Смбалян А. С., Салия М. Р.** Имплементация Парижского соглашения по климату в правовых системах государств — участников ЕАЭС 103

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Сидоренко Э. Л.** Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы 119
- Уваров А. А.** Информационная безопасность граждан России: современное состояние 133

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА / PRO ET CONTRA

- Веденеев Ю. А.** Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя 144

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Vasilevskaya L. Yu.** Big Data in the Mechanism of the Formation of Main Directions of the «Data Economy» National Project: A Civilist's View of the Problem 9
- Bogdan V. V., Urda M. N.** Consequences of Academic Degrees Deprivation for the Faculty Members of Educational and Research Organizations in the Context of Labor Legislation 22
- Bogdanov D. E.** The Legal Regime of the AI Generated Results: Anthropocentrism vs. Transhumanism in the Field of Intellectual Property Law 32

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Shikhanov V. N.** An Inchoate Crime in Criminal Law: Prospects of a Constructionist Approach. 54
- Maslov V. A.** Official Statistics and Assessment of the State of the Fight against Crime in 2012–2022 67

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Malakhov S. A.** Equality before the Law Principle in Administrative Offences Legislation of the Russian Federation 91

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Lifshits I. M., Smbatyan A. S., Saliya M. R.** Implementation of the Paris Climate Agreement in the Legal Systems of the EAEU Member States 103

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Sidorenko E. L.** Decentralized Autonomous Organizations in the System of Modern law: Towards the Problem Statement 119
- Uvarov A. A.** Information Security as to Russian Citizens: Current State 133

DISCUSSION FORUM / PRO ET CONTRA

- Vedeneev Yu. A.** The Jurisprudence of Traditions and Innovations of the Postmodern Era in Search of Self 144

Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему

Резюме. Разрабатываемый Правительством РФ новый национальный проект «Экономика данных» актуализирует проблему определения юридической природы больших данных (big data) и особенностей его гражданско-правового режима. Опираясь на базовые положения науки гражданского права, автор исследует понятие больших данных; рассматривает соотношение понятий «большие данные», «база данных», «банк данных». Аргументируется вывод, что невозможность существования big data без материального носителя — компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением (совокупностью определенных программ) и искусственным интеллектом (новым инновационным продуктом интеллектуальной деятельности), на основе которых образуется симбиоз информационных технологий искусственного интеллекта, технических средств и цифровой структурированной информации, — позволяет относить большие данные к определенной информационной системе. Сделан вывод о big data как новом объекте гражданских прав, содержание правового режима которого определяется особенностями этого объекта как результата интеллектуальной деятельности, а именно: возможностью войти в гражданский оборот только через исключительное (имущественное) право на big data посредством заключения соответствующих договоров: лицензионного и сублицензионного договоров, договоров об отчуждении исключительного права, коммерческой концессии, доверительного управления исключительным правом на big data, о его коллективном управлении. Применительно к big data речь может идти о применимости договорной конструкции об оказании услуг по предоставлению информации и о заключении соответствующих договоров (возмездного оказания услуг с использованием big data и др.).

Ключевые слова: большие данные; база данных; банк данных; гражданско-правовой режим; искусственный интеллект; технологии искусственного интеллекта; результат интеллектуальной деятельности, исключительное право

Для цитирования: Василевская Л. Ю. Big data в механизме формирования основных направлений национального проекта «Экономика данных»: взгляд цивилиста на проблему. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.009-021

Big Data in the Mechanism of the Formation of Main Directions of the «Data Economy» National Project: A Civilist's View of the Problem

Lyudmila Yu. Vasilevskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The new national project «Data Economy» developed by the Government of the Russian Federation actualizes the problem of determining the legal nature of big data and the specifics of its civil law regime. Based on the basic civil law doctrinal provisions, the author explores the concept of big data, examines the relationship between the concepts of «big data», «database», «data bank». The paper concludes that the impossibility of big data's existence without a material carrier — a computer device with appropriate software (a set of certain programs) and artificial intelligence (a new innovative product of intellectual activity), on the basis of which a symbiosis of artificial intelligence information technologies, technical means and digital structured information is formed — allows big data to be attributed to a certain information system. The conclusion is made about big data as a new object of civil rights, the content of the legal regime of which is determined by the characteristics of this object as a result of intellectual activity, namely: the ability to participate in civil law transactions only through the exclusive (property) right to big data by means of conclusion of relevant agreements: license and sublicense agreements, agreements concerning alienation of exclusive rights, commercial concessions, trust management of the exclusive right to big data, collective management. With regard to big data, we can talk about applicability of the contractual structure for the provision of information services and the conclusion of relevant contracts (rendering paid services using big data, etc.).

Keywords: big data; database; data bank; civil law regime; artificial intelligence; artificial intelligence technologies; result of intellectual activity, exclusive right

Cite as: Vasilevskaya LYu. Big Data in the Mechanism of the Formation of Main Directions of the «Data Economy» National Project: A Civilist's View of the Problem. *Lex russica*. 2024;77(1):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.009-021

Введение

Поставленная Президентом РФ перед Правительством России в июле 2023 г. задача создания нового национального проекта «Экономика данных» неслучайна. Интенсификация всех сфер жизни общества, прежде всего экономики, не может обойтись без сбора, накопления, обработки, хранения и передачи больших объемов информации — процессов, происходящих с помощью искусственного интеллекта и его технологий. Искусственный интеллект как результат интеллектуальной деятельности и сложного программирования, как компьютерная программа в целях реализации поставленной задачи включает в себя многовариантность ее решения, заложенного программистом с помощью набора данных, алгоритмов, программного обеспечения, установленных математических моделей и обусловленного в каждом конкретном случае в зависимости от определенных об-

стоятельств, предусмотренных программистом в компьютерной программе.

Безусловно, одним из определяющих элементов в сложном техническом процессе программирования являются постоянно изменяющиеся большие данные. Искусственный интеллект и big data — два инновационных продукта, взаимообусловленность и корреляция которых дает возможность понять, что создание и совершенствование каждого из них в современных условиях невозможно друг без друга. На проведенной Председателем Правительства РФ 21 ноября 2023 г. стратегической сессии по формированию национального проекта «Экономика данных» обращалось внимание на необходимость «сформировать современные и надежные решения для обработки и хранения данных», в том числе и национальные облачные платформы¹. Предстоит определить, как отметил М. В. Мишустин, перечень показателей национального проекта в части развития

¹ Экономика данных (национальный проект) // TAdviser. 21.12.2023. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:_Экономика_данных_\(национальный_проект\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:_Экономика_данных_(национальный_проект)) (дата обращения: 23.11.2023).

искусственного интеллекта. По мнению Председателя Правительства РФ, «продукты на основе искусственного интеллекта помогают повысить эффективность целых секторов экономики, вывести их на качественно новый уровень»².

Big data, как представляется, является одним из цифровых продуктов, разработанных на основе технологий искусственного интеллекта, внедрение которого в цифровую экономику невозможно без регулирования отношений по его созданию и использованию. Следовательно, результативность секторов экономики и функционирования информационной инфраструктуры государства и частных лиц, действенность цифровых услуг в банковской, медицинской, образовательной и других сферах невозможна без решения правовых вопросов. Как, с помощью каких гражданско-правовых договоров оформлять создание, использование новых цифровых продуктов? Какие договорные конструкции применять при оказании цифровых услуг? Какие гражданско-правовые средства задействовать при нарушении прав граждан и юридических лиц в цифровой среде? Очевидно, что решение этих гражданско-правовых вопросов должно найти отражение в новом национальном проекте «Экономика данных», в противном случае говорить о надлежащем функционировании цифровых отраслей экономики, должном «цифровом» взаимодействии частных лиц, государственных органов власти вряд ли будет возможно.

Эффективность реализации нового национального проекта — это не только экономическая, но и правовая (гражданско-правовая, прежде всего) задача. Следовательно, разработка нового национального проекта актуализирует проблему определения юридической природы больших данных и особенностей его гражданско-правового режима. Оптимизация всех процессов в экономике, развитие ее новых цифровых направлений невозможны без выяснения правового вопроса: что такое big data с цивилистической точки зрения? К сожалению, в науке гражданского права до сих пор нет фундаментальных исследований по big data. Иссле-

дования носят фрагментарный характер, многие вопросы остаются до сих пор не решенными в гражданском праве, а следовательно, правоприменительная практика может столкнуться с проблемами, которые нельзя разрешить, заглянув в очередную комментарий, для этого требуются серьезные теоретические познания.

В судебной практике РФ проблемы, связанные с применением больших данных, не получают надлежащего разрешения ввиду отсутствия соответствующих норм, должного теоретического обоснования и толкования. Очевидно, что создание единой цифровой инфраструктуры во всех сферах жизнедеятельности (промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, здравоохранении, торговле, сфере оказания услуг, науке, образовании, банковской сфере и др.) в качестве одного из основных направлений национального проекта «Экономика данных» невозможно без big data как ключевого и системообразующего элемента цифровой экономики. Обозначенные вопросы требуют осмысления, правильного гражданско-правового обоснования и трактовки.

Понятие и правовая природа big data

Анализ обширной правовой литературы последних лет показывает, что в оценке big data, к сожалению, преобладает либо чисто технический подход³, либо подход описательно-схоластический, сводимый к беспредметному умствования, абстрактному теоретизированию — к тому, что написал тот или иной автор. На наш взгляд, все погрешности и допускаемые авторами ошибки связаны прежде всего с тем, что происходит недопустимая для любой науки, в том числе и науки гражданского права, механистическая подмена понятий⁴. Техническая терминология используется юристами, главным образом нецивилистами, для раскрытия правовой сущности big data, что, на наш взгляд, недопустимо. Каждая наука имеет свой инструментарий, с помощью которого исследуется то или иное явление, процесс. Смешение понятийного аппарата различ-

² Михаил Мишустин провел стратегическую сессию «Развитие искусственного интеллекта» // Официальный сайт Правительства России. 26.09.2023. URL: <http://government.ru/news/49604/> (дата обращения: 24.11.2023).

³ См.: Гулидов П. В. Что такое большие данные (big data)? // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

⁴ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. Т. 1. С. 11–12, 36–37 (автор Л. Ю. Василевская).

ных наук, в том числе подмена правовых терминов терминами техническими, оборачивается необъективной, предвзятой, искажающей суть исследуемого правового феномена интерпретацией. Это следует учитывать при анализе big data как правового явления. Следовательно, главное в правовом анализе заключается в том, чтобы не допустить переноса технических понятий и категорий, отражающих сущность больших данных, в их юридические характеристики. В противном случае неприемлемый в правовом исследовании метафизический подход (речь идет о техницизме в праве) обернется неточностями и ошибками в оценке big data, что, собственно, и происходит в науке гражданского права последних лет. Трудности анализа больших данных, как справедливо отмечает В. Ю. Карпычев, связаны «с попытками механистического переноса в правовую понятийную систему технологических характеристик больших данных»⁵.

Безусловно, правовая оценка любого технического явления или процесса невозможна без его самого общего технического толкования. Не будучи специалистом в области точных наук, юрист не имеет права вторгаться в эту сферу, это бесполезное занятие, это не его область исследования. Однако ему важно с позиций цивилистической методологии — методологии как учения о применении и толковании гражданских законов, разработанной Г. Ф. Шершеневичем и его учеником Е. В. Васьковским⁶, — проанализировать технический феномен big data. Это означает, что прежде всего необходимо решить ряд принципиальных вопросов: можно ли большие данные рассматривать как правовое явление; является ли big data объектом гражданских прав; если дать положительный ответ на последний вопрос, то в чем специфика этого объекта права, как он возникает и попадает в имущественный оборот; какое место большие данные занимают в системе объектов гражданских правоотношений; каков гражданско-правовой режим этого объекта; какие договорные конструкции можно использовать при создании этого объекта права; в чем особенности субъективного права на этот объект и пр.

Решение обозначенных вопросов применительно к big data, по сути, и будет означать методологию цивилистического исследования в действии. Очевидно, в исследовании понятия big data цивилисту необходимо сделать выводы:

— опираясь на базовые основы гражданского права как отрасли права;

— применяя и толкуя существующие гражданские законы (о чем писали Г. Ф. Шершеневич и Е. В. Васьковский), потому как гражданское право есть и отрасль законодательства;

— учитывая существующие доктринальные позиции, поскольку гражданское право выступает и правовой наукой (отраслью правоведения, отраслью юридической науки).

Только в этом случае, избегая в анализе механицизм и техницизм, можно говорить о надлежащей правовой позиции, на которую следует обратить внимание по рассматриваемой проблеме.

«Википедия» на русском языке определяет большие данные (англ. big data ['bɪɡ 'deɪtə]) как «обозначение структурированных и неструктурированных данных огромных объемов и значительного многообразия, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами, появившимися в конце 2000-х гг., и альтернативных традиционным системам управления базами данных и решениям класса Business Intelligence»⁷. Речь идет о больших данных как о феномене, связанном с появлением в эпоху цифровизации прежде всего технологических возможностей анализа огромных массивов данных (сведений о чем-либо и/или о ком-либо).

В качестве основных технических характеристик для больших данных традиционно в литературе выделяют «три V»: *объем* (англ. volume — в значении величины физического объема), *скорость* (velocity — как скорости прироста, так и высокоскоростной обработки и получения результатов), *многообразие* (variety — в возможности одновременной обработки различных типов структурированных и полуструктурированных данных)⁸. С инфор-

⁵ Карпычев В. Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет // Юрист. 2022. № 4. С. 68–73.

⁶ См.: Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции / Московское общество народных университетов. М. : Типография т-ва И. Д. Сытина, 1908 ; Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002.

⁷ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большие_данные (дата обращения: 21.11.2023).

⁸ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Большие_данные ; Глоссарий Gartner // URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data> (дата обращения: 27.11.2023).

мационно-технологической точки зрения в совокупность инструментов обработки больших данных изначально включались прежде всего специальное программное обеспечение, определенные алгоритмы, реализующие обработку и хранение данных, а также специальные системы управления базами данных. В дальнейшем к большим данным стали относить и разнообразные информационно-технологические решения, в той или иной степени обеспечивающие сходные по характеристикам возможности по обработке сверхбольших массивов данных, включая их поиск и передачу сложными техническими устройствами⁹.

Это означает, что сводить big data только к информации означает не что иное, как искажение сущности больших данных. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее — Закон № 149-ФЗ) определяет информацию как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (п. 1 ст. 2). Следует иметь в виду, что с методологических позиций информация — это сведения об окружающем мире (объекте, процессе, явлении, событии), которые являются объектом преобразования материального в идеальное. Это сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами, есть отражение фактов материального или духовного мира. Следовательно, информация как сведение есть определенное знание, являющееся продуктом интеллектуальной деятельности, поскольку знание — это полученная и упорядоченная определенным образом информация, которая с различной степенью достоверности и объективности отражает в сознании человека те или иные свойства действительности¹⁰.

Очевидно, что big data — это не только поток данных, но и специальные программы, в результате исполнения которых возникает структурированная информация в цифровой форме — структурированные цифровые данные, объем которых постоянно нарастает. Это означает, что упорядочивание информации по определенным критериям в структурные блоки невозможно без автоматизированных

на основе искусственного интеллекта процессов поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, предусмотренных законодателем в единстве способов и методов осуществления указанных процессов и рассматриваемых им как информационные технологии (п. 2 ст. 2 Закона № 149-ФЗ). Следовательно, невозможность существования big data без своего материального носителя — компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением (совокупностью определенных программ) и искусственным интеллектом (новым инновационным продуктом интеллектуальной деятельности), на основе которых и образуется симбиоз информационных технологий искусственного интеллекта, технических средств и цифровой информации, позволяет, на наш взгляд, относить большие данные к определенной информационной системе. Обратим внимание, как законодатель определяет информационную систему. Она представляет собой «совокупность цифровой информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и соответствующих технических средств» (п. 4 ст. 2 Закона № 149-ФЗ).

Очевидно, что сведение сути больших данных к определенной информационной системе дает возможность рассмотрения big data в качестве единого неделимого объекта, идеального по своей природе, но существующего в цифровой форме, в структуре которого можно выделить такие основные элементы, как:

- технологии искусственного интеллекта;
- программы для ЭВМ (объекты авторского права);
- программное обеспечение и алгоритмы (ноу-хау);
- технические решения (изобретения как объекты патентного права);
- цифровая структурированная информация и др.

Цифровая информация (информация в цифровой форме) как основной элемент big data появляется в структуре больших данных благодаря внутреннему единству перечисленных выше технических компонентов. Совокупность этих элементов образует целостную систему

⁹ Подробнее об этом см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 10–11 (автор Л. Ю. Василевская).

¹⁰ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования. С. 12–13.

взаимодействия — информационную систему, внутренне устойчивую к изменениям, несмотря на пополнение этой системы новой цифровой информацией.

Симбиоз этих основных элементов и позволяет рассматривать big data как результат интеллектуальной деятельности, как объект гражданских прав, существующий в особой объективной форме — цифровой на материальном носителе — компьютерном устройстве. Вне информационной системы цифровая структурированная информация как элемент big data существовать не может, поскольку ее цифровая форма обусловлена возможностью объективирования информации исключительно в информационной системе и неспособностью ее выхода в цифровой форме за рамки электронной платформы.

Такая трактовка big data позволяет поставить вопрос о месте этого уникального инновационного продукта — результата интеллектуальной деятельности — в системе объектов гражданских прав. Однако предписания ст. 1225 ГК РФ не содержат большие данные в закрытом перечне объектов интеллектуальной собственности, которым законодатель предоставил правовую охрану. Это означает, что многие инновационные продукты, идеальные по своей природе и существующие в объективной цифровой форме, являясь результатами интеллектуальной деятельности, но выпадая из перечня предусмотренных статьей 1225 ГК РФ объектов, по сути, лишаются той регламентации, которая предусмотрена в ч. IV ГК РФ. К таким объектам относятся прежде всего искусственный интеллект¹¹ и big data, что, безусловно, актуализирует вопрос о необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений не только в ст. 1225 ГК РФ, но и, в зависимости от позиции законодателя, в другие статьи кодекса, в частности нормы гл. 69–72. Оставлять искусственный интеллект и big data без признака охраноспособности, но при этом допускать оборотоспособность имущественных прав на эти объекты в условиях цифровизации означает не что иное, как нонсенс. Такая позиция законодателя по меньшей мере вызывает недоумение. Без решения этого вопроса реализация национального проекта «Экономика данных» вряд ли сможет быть эффективной. Это означает, что на

законодательном уровне должна быть решена не только техническая, но и юридическая (гражданско-правовая) квалификация этих объектов. Обосновать какими-то доводами уход от решения обозначенной проблемы (почему до сих пор сложнейшие интеллектуальные продукты не включены в категорию интеллектуальной собственности и находятся за границами гражданско-правового режима объектов интеллектуальных прав) не представляется возможным.

Большие данные, как и искусственный интеллект, выступая основой цифровой экономики, цифровой инфраструктуры всех сфер жизнедеятельности, являются наиболее востребованным объектом на рынке инновационных продуктов. Выделенные нами ранее такие технические компоненты big data, как программы для ЭВМ (объекты авторского права), программное обеспечение и алгоритмы (ноу-хау); технические решения (изобретения как объекты патентного права), как известно, обеспечены правовой охраной, в то время как большие данные, будучи единым и неделимым объектом интеллектуальных прав, оставлены законодателем без должного внимания. Перечисленные структурные компоненты больших данных, входящие в их состав, образуют сложный объект, характеризующийся не только уникальными свойствами, не сводимыми к свойствам его структурных компонентов, но и активными функциями самой информационной системы. Таким образом, big data представляет собой объект, обладающий новой качественной определенностью и функционально отличающийся от входящих в его состав результатов интеллектуальной деятельности. Это также означает, что, будучи идеальным по своей природе объектом, big data включается в гражданский оборот через исключительное (имущественное) право, принадлежащее его обладателю.

Соотношение понятий «большие данные», «база данных» и «банк данных».

Распоряжение правами на big data

Вопрос о соотношении этих понятий неслучаен. Big data как информационная система, будучи открытой для обработки новой нецифровой информации, с помощью технологий искус-

¹¹ См.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. С. 68–95 (автор Л. Ю. Василевская).

ственного интеллекта визуализируется на компьютерном устройстве в виде цифровой структурированной информации. Это возможно, как считают программисты, благодаря управлению базами данных — сложному автоматизированному процессу, включающему создание репозитория данных в виде баз данных¹².

Репозиторий, как правило, состоит из нескольких баз данных. Например, сетевой репозиторий коммерческой организации может включать в себя: базы данных работников юридического лица; базы данных клиентов; базы данных о финансовой деятельности организации (о затратах, прибыли, доходах) и пр. Репозиторий частной медицинской организации может включать в себя различные базы данных пациентов, в том числе и базы данных по анамнезу пациентов; базы финансовых данных и пр. Очевидно, что разделение и распределение данных посредством создания репозитория — хранилища в виде баз данных — ставит вопрос о соотношении понятий «большие данные» и «база данных». Как считают программисты, с технической точки зрения нет принципиальной разницы между этими понятиями: все структурные элементы больших данных, перечисленные нами ранее, характерны и для базы данных. Более того, большие данные, не сводимые к одному элементу — структурированной информации, не могут существовать иначе как через информационную систему. Однако большие данные, будучи проявленными вовне на компьютерном устройстве, предстают перед пользователем в виде одного структурного элемента — цифровой структурированной информации, поскольку технические компоненты big data и их «работа» по структурированию и обработке данных скрыты от пользователя информационной системы. Таким образом, big data как информационная система визуализируется и предстает перед пользователем на компьютерном устройстве в

виде базы данных. База данных — это понятие, отражающее свойство данных как информации находиться в структурированном виде.

Следовательно, реализация различных подходов к анализу феномена big data может предстать перед нами в виде многообразия особенностей рассматриваемого явления — больших данных как сложно-структурного образования. Если выдвигать на первый план обработку, структурирование данных, распределение их в системе, то очевидно, что речь должна идти о репозитории (хранилище) данных как определенном автоматизированном процессе, реализуемом с помощью программного обеспечения, компьютерных программ, системы разработанных алгоритмов. Если акцент сделать на анализе цифровой структурированной информации, то, безусловно, речь должна идти о базе данных. Если же сосредоточить основное внимание на методах поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления информации и управлении базами данных, то на первом плане уже иная проблема — функционирование технологий искусственного интеллекта в механизме тех процессов (сбора, хранения, обработки, структурирования информации и пр.), без которых не может быть big data. Очевидно, за обозначенными нами понятиями стоят процессы, которые характеризуют данные как информацию с определенной стороны, в определенном ракурсе. Для программистов это важно, а для юристов нет. Для юриста не имеет значения указанная техническая характеристика больших данных. Для него ценно другое — можно ли рассматривать анализируемое явление как объект гражданских прав, если да, то возникает вопрос, как вовлечь его в гражданский оборот, посредством каких юридических действий¹³.

Визуализация больших данных в виде базы данных остро ставит вопрос о необходимости отграничения big data от результатов, получен-

¹² Репозиторий (от англ. repository — хранилище) — это место, где хранятся и поддерживаются какие-либо данные в виде файлов, доступных для дальнейшего распространения по сети. Репозиторий данных в программировании — это и логическое разделение данных на базы данных, которое осуществляется по различным критериям в зависимости от поставленных задач — социальных, коммерческих, государственных и др. Эти базы данных можно классифицировать по различным основаниям, например по типам (объектные, функциональные, сетевые, поисковые и пр.) и видам в рамках определенного типа (например, по аналогии с делением понятия — логической операции, посредством которой объем делимого родового понятия распределяется по объемам новых видовых понятий). См. подробнее об этом: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования. С. 15–17.

¹³ См. подробнее: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования. С. 17–18.

ных от использования big data. Этот вопрос достаточно часто обсуждается в правовой литературе в контексте того, можно ли рассматривать то, что создал искусственный интеллект, в качестве результата интеллектуальной деятельности. В последнем случае, как представляется, не может быть и речи о рассмотрении «цифрового творения искусственного интеллекта» в качестве результатов интеллектуальной деятельности, поскольку эти цифровые продукты возникают не как результат творческой, мыслительной деятельности человека, а как итог применения технологий искусственного интеллекта в структуре big data.

Такой цивилистический подход к big data позволяет поставить и решить вопрос о правовом режиме больших данных. В соответствии с предписаниями ГК РФ объектами интеллектуальных прав признаются, как известно, базы данных (п. 1 ст. 1225). Если обратить внимание на легальное определение понятия базы данных в п. 2 ст. 1260 ГК РФ, то в сравнении с предлагаемым подходом к понятию big data представляется, что оно является устаревшим и архаичным, поскольку не отражает не только сути технологических преобразований во всех сферах жизнедеятельности, но и законодательных изменений в регулировании отношений с цифровыми объектами.

Согласно п. 2 ст. 1260 ГК РФ, базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ). Нетрудно заметить, что указанное определение базы данных требует существенной корректировки, поскольку, как отмечает М. А. Рожкова, оно, «вероятно, стало следствием того, что для разработчиков Кодекса (речь идет о ГК РФ. — Л. В.) ориентиром служили исключительно базы известных справочно-правовых систем»¹⁴.

Обратим внимание на основные недостатки этого определения базы данных.

1. В современных условиях развития информационных технологий и цифровизации понятие базы данных не может быть сведено к данным справочно-правовых систем (статьям, расчетам, нормативным актам, судебным решениям и иным подобным материалам). В репозиторий данных попадают огромные массивы данных из различных источников — социальных сетей и серверов, различных сфер жизнедеятельности. Поэтому к хранилищам (репозиториям) больших данных сложно применить трактовку базы данных, указанную в п. 2 ст. 1260 ГК РФ.

2. Если законодатель в определении базы данных обращает внимание на процесс систематизации материалов, который позволяет их быстро находить и обрабатывать с помощью ЭВМ, то очевидно, что этой объективной, материальной по своей сути формой big data выступает только цифровая форма¹⁵. Важно не только обращать внимание на объективность цифровой формы, но и конкретизировать ее как форму материальную. Если бы цифровая форма big data была нематериальной (идеальной), то ни о какой объективности формы не могло бы быть и речи, а следовательно, и информация в этой форме не могла бы быть визуализирована. На этот важный в правовой характеристике big data момент необходимо обращать особое внимание, поскольку в юридической литературе авторы достаточно часто допускают ошибки в квалификации цифровых объектов и цифровой формы объектов в качестве нематериальных¹⁶.

3. В разделе VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» ГК РФ отсутствуют четкие критерии для квалификации базы данных в качестве определенного объекта интеллектуальных прав. В главе 69 «Общие положения» этого раздела указывается на возможность рассмотрения базы данных как *сложных объектов* (п. 1 ст. 1240). В главе 70 «Авторское право» база

¹⁴ URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения: 02.12.2023).

¹⁵ Объяснение, почему цифровая форма объективирования данных является материальной см.: Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития. С. 29–33.

¹⁶ См.: Мифодьева К. М. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2019. С. 125, 129 ; Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. М. : Проспект, 2020. С. 76 (авторы § 1 гл. 2 — В. А. Лаптев и П. А. Усенков).

данных относится к объекту авторских прав и определяется в качестве *составных объектов* (п. 2 ст. 1260), а в гл. 71 «Права, смежные с авторскими» законодатель дает возможность трактовки базы данных как *объекта смежных прав* (п. 1 ст. 1334). Такая непоследовательность законодателя, безусловно, осложняет выработку единой правовой позиции по вопросу юридической квалификации базы данных.

4. Сложно согласиться с регламентацией п. 1 ст. 1334 ГК РФ по отнесению *базы данных к объекту смежных прав*. Речь идет о базе данных, которая содержит «не менее 10 тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов)» и является результатом «существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат». Возникает вопрос: а если база данных содержит менее 10 тыс. элементов? К примеру, она включает в себя более 9 тыс. элементов, но не «дотягивает» до 10 тыс. самостоятельных информационных элементов. Разве в этом случае ее создание не требует существенных затрат, а следовательно, ее нельзя признать объектом смежных прав? Сделанный в законе акцент только на количественных показателях для отнесения базы данных к объекту смежных прав вряд ли следует признать удачным, поскольку эти количественные показатели могут изменяться в сторону увеличения при постоянном нарастании новых информационных элементов (материалов), входящих в базу данных. Вот почему и предложение В. О. Калятина о возможности введения критерия существенных инвестиций в создание базы данных как объекта смежных прав¹⁷, по существу, не решает проблемы разграничения баз данных как объектов и авторских, и смежных прав.

5. Непоследовательность законодателя в решении вопроса правовой квалификации базы данных, возможность ее отнесения к объектам не только авторских, но и смежных прав при отсутствии четких критериев отнесения баз данных к сложным объектам (п. 1 ст. 1240 ГК РФ) вносят правовую неопределенность и в характеристику гражданско-правового режима баз дан-

ных, что нашло отражение и в доктрине. Например, М. А. Рожкова, анализируя обозначенную проблему, отмечает, что «база данных может стать объектом авторских прав и получить правовую охрану в соответствии с положениями гл. 70 ГК РФ... если она признается составным произведением...»¹⁸. Возникает вопрос: можно ли базу данных как объект авторских прав рассматривать в качестве сложного объекта по правилам ст. 1240 ГК РФ? Ответа нет.

Приведем другой пример. А. Ю. Чурилов пишет: «На неоригинальность базы данных в ЕС распространяется режим *sui generis*; отечественный законодатель распространил на такие базы данных режим смежных прав...»¹⁹. Возникает вопрос: разве неоригинальность, о которой пишет автор, является критерием отнесения базы данных к объектам смежных прав по предписаниям п. 1 ст. 1334 ГК РФ? С такой позицией автора сложно согласиться.

Нетрудно заметить, что противоречивая позиция законодателя дала возможность авторам относить базы данных к объектам не только авторских, но и смежных прав, но при этом квалифицировать одни базы данных как «творческие» (объекты авторских прав), а другие — как «нетворческие», когда речь идет об изготовителе базы данных по предписаниям ст. 1333 и 1334 ГК РФ (объекты смежных прав).

Итак, визуализация big data не иначе как в базе данных позволяет сделать вывод о возможности: 1) распространить режимы баз данных, предусмотренные в ч. IV ГК РФ, на большие данные, но, безусловно, с учетом изъятия тех недостатков, которые были отмечены выше; 2) предусмотреть для big data иной режим интеллектуальных прав.

На наш взгляд, речь должна идти о возможности перевода big data на патентный режим охраны. Этот вопрос не раз поднимался в зарубежной и отечественной литературе применительно к компьютерным программам²⁰. Постановка вопроса о возможности отнесения компьютерных программ к объектам патентной охраны не является новой и в литературе

¹⁷ См.: *Войниканис Е. А., Калятин В. О.* База данных как объект правового регулирования : учеб. пособие. М. : Статут, 2011.

¹⁸ URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/22/chto_takoe_bolshie_dannye_big_data_chem_oni_otlichayutsya_ot_obychnyh_dannyh_i_v_chem_sostoit_proble (дата обращения: 04.12.2023).

¹⁹ См.: *Чурилов А. Ю.* Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы в XXI веке : монография. М. : Юстицинформ, 2020.

²⁰ См.: *Fiedler A.* Der Computerprogrammenschutz und die Schutzrechtskumulation von Urheber- und Patentrecht. Baden-Baden, 2013. S. 233–237 ; *Blind K., Edler J., Nack R.; Straus J.* Software-Patente. Eine empirische Analyse

последних лет²¹. В этой связи приведем суждение известного цивилиста В. А. Дозорцева о том, что в программах ЭВМ именно содержание, а не форма имеет приоритет. Поэтому, по мнению ученого, распространение на такие программы охраны, установленной для литературных произведений, то есть охраны по созидательной системе, не может быть эффективным, поскольку «такая охрана соответствует интересам только кругов, занимающих в сфере разработки программ доминирующее положение и заинтересованных в более легком получении охраны как в своей стране, так и за границей», а по сути, «для компьютерных программ нужна охрана особого рода, функционирующая в рамках регистрационной системы»²².

Аналогичной позиции придерживался И. Э. Мамиофа — цивилист советского периода, сферой профессиональных интересов которого было патентное право. Автор обосновывал возможность причисления знаковых систем, в том числе и алгоритмов, к патентоохраняемым изобретениям²³.

При сопоставлении понятий «большие данные» и «база данных» следует обратить внимание на различие между понятиями «база данных» (англ. data base) и «банк данных» (англ. data bank). Несмотря на определенное сходство этих терминов и условность их обособления и выделения, в имущественном обороте их часто используют, придавая им определенный смысл. Никто из программистов не ставит под сомнение, что банк данных, как и база данных, — это прежде всего хранилище (репозиторий) цифровой структурированной информации. В чем различие между этими понятиями? Речь идет о банке данных

как базе данных в случае, если база данных организована таким образом, чтобы облегчить пользователю локальный или удаленный поиск информации²⁴. Следовательно, если создаваемая правообладателем база данных как информационная система предназначена исключительно для использования ее третьими лицами, она с помощью определенных компьютерных программ и алгоритмов создается в качестве отдельного продукта — банка данных, имеющего различные наименования (сервис, онлайн-платформа, онлайн-классифайд, информационная платформа и др.), исключительное право на который чаще всего передается третьим лицам по лицензионным (сублицензионным) договорам. Например, если big data в медицинской сфере существует в форме единой государственной информационной системы здравоохранения²⁵, то для коммерческих организаций, оказывающих платные медицинские услуги, big data как база данных существует в виде отдельного цифрового продукта — банка данных. Банк данных в силу своей нематериальной природы может быть включен в гражданский оборот не иначе, как через оборотоспособное исключительное право его создателя (правообладателя) на данный результат интеллектуальной деятельности. На наш взгляд, создание базы данных в виде удобного для использования третьими лицами продукта дает возможность рассмотрения «базы данных в части их охраны от несанкционированного извлечения и повторного использования составляющих их содержание материалов» (пп. 4 п. 1 ст. 1304 ГК РФ) как объекта смежных прав и распространения на них соответствующего гражданско-правового режима²⁶.

aus ökonomischer und juristischer Perspektive. Heidelberg, 2003. S. 5 ; *Ревинский О. В.* Компьютерное программное обеспечение в составе имущества фирмы // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2010. № 2. С. 29 ; *Синицын С. А.* Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 312–314.

²¹ См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б.* Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования. С. 28–31 ; *Подузова Е. Б.* «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 30–34.

²² *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. М., 2003. С. 18.

²³ См.: *Мамиофа И. Э.* Современная научно-техническая революция и правовые проблемы охраны изобретений : дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1969. С. 113–116.

²⁴ URL: https://wiki5.ru/wiki/Data_bank (дата обращения: 06.12.2023).

²⁵ См.: *Подузова Е. Б.* Указ. соч. С. 232–250.

²⁶ См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования. С. 39.

Таким образом, банк данных — это большие данные в режиме смежных прав, существующие в виде самостоятельного продукта, результата интеллектуальной деятельности, исключительное право на который правообладатель может передать третьим лицам — пользователям банка данных по различным договорам. Кроме лицензионного договора, по которому правообладатель (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить лицензиату право использования такого результата (ст. 1235 ГК РФ), лицензиат при письменном согласии лицензиара вправе передать право использования big data третьему лицу по сублицензионному договору, обладатель исключительного права на банк данных вправе передать его приобретателю по договору об отчуждении исключительного права на банк данных (ст. 1234 ГК РФ). Указанные договоры не исчерпывают все возможные способы распоряжения правом на big data. Нет запрета на распоряжение исключительным правом на big data путем заключения договоров коммерческой концессии, доверительного управления исключительным правом на big data, коллективного управления исключительным правом на big data, залога исключительного права. Это право может переходить к другому лицу и в порядке правопреемства (наследование, реорганизация). При этом не следует забывать, что режим исключительных прав на big data существенным образом отличается от режима вещных прав на материальные носители big data (компьютерные устройства с big data), которые включаются в гражданский оборот посредством заключения иных договоров, например купли-продажи, дарения.

Применительно к big data не исключена возможность использования договорной конструкции об оказании услуг по предоставлению информации по ст. 783.1 гл. 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ. По мнению Е. Б. Подузовой, речь может идти об определенных областях применения big data и о заключении соответствующих договоров об оказании услуг по предоставлению big data:

— договора возмездного оказания услуг с использованием big data (базы данных, банка данных), когда ряд услуг (например, медицинских, рекламных, консультационных и других в сфере торговли, туризма, обучения и пр.) может быть оказан с применением big data, например

базы данных в виде создаваемого правообладателем банка данных — отдельного продукта, предназначенного исключительно для использования его третьими лицами;

— договора о предоставлении удаленного доступа к базе данных (банку данных) с помощью технологии SaaS (технологии удаленного доступа) при использовании банка данных с помощью указанной технологии;

— договора возмездного оказания услуг по внедрению в деятельность пользователя определенной базы данных (банка данных) в случае предоставления права использования банка данных в коммерческих целях, когда возникает необходимость в адаптации деятельности пользователя к особенностям применения базы данных;

— договора возмездного оказания рекламных услуг по продвижению различных баз данных (банков данных), когда возникает необходимость продвижения на рынке различных функциональных банков данных, предназначенных для определенных целей — коммерческих, познавательных, социальных и др.²⁷

Таким образом, гражданско-правовая характеристика big data позволяет не только рассмотреть большие данные как инновационный продукт, как результат интеллектуальной деятельности с определенным набором структурных элементов, но и показать особенности включения big data в гражданский оборот посредством заключения соответствующих договоров.

Заключение

Обозначенные выше особенности больших данных как правового явления дают возможность сделать вывод о том, что техническая характеристика big data, представленная в публикациях юристов, не сможет решить основной проблемы российской экономики — создания единой цифровой инфраструктуры во всех сферах жизнедеятельности, обозначенного в качестве одного из основных направлений национального проекта «Экономика данных». Решение этой проблемы невозможно без правовых исследований больших данных как ключевого и системообразующего элемента цифровой экономики. Вовлечение big data в гражданский оборот требует создания право-

²⁷ Подузова Е. Б. Указ. соч. С. 218–225.

вой (прежде всего гражданско-правовой) части нового национального проекта — выяснения юридической природы больших данных, разработки и обоснования применения тех договорных конструкций, посредством которых создается и используется этот новый объект гражданских прав. По сути, речь идет о цивилистической концепции big data, которая в российском гражданском праве, к сожалению, до сих пор отсутствует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.

Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 288 с.

Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 360 с.

Войниканис Е. А., Калятин В. О. База данных как объект правового регулирования : учеб. пособие. М. : Статут, 2011. 174 с.

Гулидов П. В. Что такое большие данные (big data)? // СПС «КонсультантПлюс», 2023.

Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. М. : Статут, 2005. 416 с.

Карпычев В. Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет // Юрист. 2022. № 4. С. 68–73.

Подузова Е. Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 336 с.

Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 416 с.

Чурилов А. Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы в XXI веке : монография. М. : Юстицинформ, 2020. 224 с.

Blind K., Edler J., Nack R., Straus J. Software-Patente. Eine empirische Analyse aus ökonomischer und juristischer Perspektive. Heidelberg, 2003.

Fiedler A. Der Computerprogrammschutz und die Schutzrechtskumulation von Urheber- und Patentrecht. Baden-Baden, 2013.

REFERENCES

Blind K, Edler J, Nack R, Straus J. Software-Patente. Eine empirische Analyse aus ökonomischer und juristischer Perspektive. Heidelberg; 2003.

Churilov AYu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges in the 21st century. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2020. (In Russ.).

Dozortsev VA. Intellectual rights: concept, system, tasks of codification. Moscow: Statut Publ.; 2005. (In Russ.).

Fiedler A. Der Computerprogrammschutz und die Schutzrechtskumulation von Urheber- und Patentrecht. Baden-Baden; 2013.

Gulidov PV. What is big data? LRS «ConsultantPlus»; 2023. (In Russ.).

Karpychev VYu. The Legal Regulation of Big Data: Just In Case. *Yurist*. 2022;4:68-73. (In Russ.).

Poduzova EB. «Artificial intelligence» and «artificial intelligence» technologies in contract law: a civil law concept. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Sinitsyn SA. Comparative patent law: current issues. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2022. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu., Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Law Transactions: Problems and Development Trends (civilist research). In 5 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu., Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of civil law transactions: problems and development trends (civilist research). In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu., Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of civil turnover: problems and development trends (civilist research). In 5 vols. Vol. 5. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Voynikanis EA, Kalyatin VO. Database as an object of legal regulation, Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василевская Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila Yu. Vasilevskaya, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, build. 2, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation

liudmila.vasilevskaya@gmail.com

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 11 декабря 2023 г.

Принята к печати 18 декабря 2023 г.

Received 20.09.2023.

Revised 11.12.2023.

Accepted 18.12.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.022-031

В. В. Богдан
М. Н. УрдаЮго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация

Последствия лишения ученой степени работников образовательных и научных организаций в контексте трудового законодательства

Резюме. Лишение ученой степени сотрудников образовательных и научных организаций имеет негативные последствия для работодателя. Кроме того, что он несет репутационные потери, работодатель обязан принять решение о возможности продолжения трудовых отношений с таким работником, поскольку ученая степень подтверждала квалификационный уровень, и о взыскании неосновательно полученных средств, т.к. ученая степень давала право на получение дополнительных выплат и участие в грантах. Отсутствие прямого механизма разрешения обозначенного вопроса нарушает баланс интересов работника и работодателя. Целью статьи выступает выявление негативных последствий лишения ученой степени в контексте трудового законодательства для работников образовательных и научных организаций, в том числе оценка рисков для работодателя.

Методологию исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие сформулировать обоснованные выводы о необходимости разработки специального механизма установления законной определенности трудовых отношений при лишении работника ученой степени. В исследовании использовался формально-юридический метод (при обращении к текстам нормативных правовых актов, решений судов).

В науке трудового права исследуемый вопрос практически не рассматривался ввиду относительной новизны, обусловленной большим количеством лишений ученых степеней. Выделены две проблемы, связанные с последствиями лишения ученой степени: расторжение трудового договора по инициативе работодателя и взыскание неосновательно полученных средств. Обоснована необходимость предоставления работодателю права расторгать трудовые договоры с такими лицами. В статье впервые показана зависимость последствий лишения ученой степени в виде возможности расторжения трудового договора по инициативе работодателя от занимаемой должности, в результате которой обоснована необходимость изменения подходов к балансу прав сторон трудового правоотношения. Результаты исследования могут быть использованы в работе образовательных и научных организаций, сотрудники которых лишены ученых степеней, во избежание процедурных ошибок и нарушений прав работников, а также в судебной практике.

Ключевые слова: лишение ученой степени; расторжение трудового договора; научный работник; профессорско-преподавательский состав; работодатель; аттестация; неосновательное обогащение; исковая давность; индивидуальный трудовой спор; кандидат наук; доктор наук

Для цитирования: Богдан В. В., Урда М. Н. Последствия лишения ученой степени работников образовательных и научных организаций в контексте трудового законодательства. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 22–31. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.022-031

Consequences of Academic Degrees Deprivation for the Faculty Members of Educational and Research Organizations in the Context of Labor Legislation

Varvara V. Bogdan

Margarita N. Urda

Southwest State University

Kursk, Russian Federation

Abstract. The deprivation of academic degrees of employees of educational and scientific organizations has negative consequences for the employer. In addition to the fact that the employer suffers reputational losses, the employer is obliged to make a decision concerning the possibility of continuing an employment relationship with such an employee, since the academic degree confirms the qualification level, and concerning recovery of unreasonably received remuneration, since the academic degree entitles the employees to receive additional payments and participate in grants. The lack of a direct mechanism for resolving this issue violates the balance of interests between the employee and the employer. The purpose of the paper is to identify the negative consequences of deprivation of an academic degree in the context of labor legislation for employees of educational and scientific organizations, including risk assessment for the employer.

The research methodology was based on general scientific methods of analysis and synthesis, which made it possible to draw reasonable conclusions about the need to develop a special mechanism for establishing legitimate certainty of labor relations when an employee is deprived of an academic degree. The study used a formal legal method (when referring to the texts of normative legal acts and court decisions).

The doctrine of labor law lacks thorough consideration of the issue due to its relative novelty because of the large number of deprivations of academic degrees that have taken place recently. The author determines two problems related to the consequences of deprivation of an academic degree: termination of an employment contract on the employer's initiative and recovery of unjust enrichment. The paper justifies the necessity of granting the employer the right to terminate employment contracts with such persons. For the first time, the paper shows the dependence of the consequences of deprivation of an academic degree in the form of the possibility of termination of an employment contract at the employer's initiative on the office taken by the person deprived of the academic degree, as a result of which the need to change approaches to the balance of rights between the parties to an employment contract is elucidated. The results of the study can be used in the work of educational and scientific organizations whose employees are deprived of academic degrees, in order to avoid procedural errors and violations of workers' rights, or in judicial practice.

Keywords: deprivation of an academic degree; termination of tenure; researcher; faculty members; employer; certification; unjust enrichment; limitation period; individual labor dispute; Candidate of Sciences; Doctor of Sciences

Cite as: Bogdan VV, Urda MN. Consequences of Academic Degrees Deprivation for the Faculty Members of Educational and Research Organizations in the Context of Labor Legislation. *Lex russica*. 2024;77(1):22-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.022-031

Введение

Максимально актуальной для российского научного сообщества стала проблема лишения ученой степени кандидата (доктора) наук. Деятельность вольного сетевого общества «Диссернет» по проверке диссертаций, монографий, статей и других научных работ на предмет некорректных

заимствований¹ повлекла за собой последствия, которые не только поставили вопросы отсутствия научной этики при проведении исследований, но и привели к реальному лишению ученой степени значительного количества граждан.

В юридической литературе широко обсуждается общая проблематика института лишения ученых степеней: темпоральные элементы²,

¹ О плагиате как явлении, его наличии в диссертационных исследованиях и ответственности см. работы В. С. Витко, Э. П. Гаврилова, М. А. Рожковой, С. И. Захарцева, В. П. Сальникова, Э. С. Теймурова.

² Габов А. В. Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.

принцип добросовестности в научных исследованиях³, обобщение имеющейся судебной практики об оспаривании решений о лишении ученой степени⁴. Вместе с тем до настоящего времени не поднимался вопрос о последствиях лишения ученой степени, которые могут наступить для лиц, занимающих профессорско-преподавательские должности и должности научных сотрудников в образовательных и научных организациях: потенциальное расторжение трудового договора и возврат работником выплаченных ему денежных сумм, полученных в связи с наличием у него ученой степени.

Проблема продолжения трудовых отношений

Очевидно, что лишение ученой степени сотрудника из числа профессорско-преподавательского состава (ППС) или научного работника — явление экстраординарное для образовательной или научной организации. Кроме того, что работодатель несет репутационные потери⁵, он обязан принять решение о возможности продолжения трудовых отношений с таким работником, поскольку ученая степень подтверждает квалификационный уровень, а также дает право участвовать в конкурсах и грантах⁶ как образовательным и научным организациям, с которыми кандидат/доктор наук состоит в трудовых отношениях, так и самим ученым, если конкурсная документация в качестве квалификации участников содержит требование о наличии ученой степени. Возникает закономерный вопрос о продолжении трудовых отношений с таким работником и выборе основания для расторжения трудового договора или изменения его условий⁷.

Согласно ст. 72 Трудового кодекса РФ изменение условий трудового договора возможно только по соглашению сторон, вследствие чего, если работник, лишенный ученой степени, и работодатель пришли к обоюдному решению о продолжении трудовых отношений, но на иных условиях, нет никаких препятствий для заключения такого соглашения. Иной вопрос возникает, если работник не согласен на изменение условий трудового договора.

Трудовое законодательство не содержит нормы о расторжении трудового договора по инициативе работодателя в случаях, если профессор или доцент, научный работник с ученой степенью и занимающий соответствующую должность в образовательной или научной организации, лишен ученой степени кандидата (доктора) наук (ст. 81 ТК РФ).

На первый взгляд, после опубликования приказа Минобрнауки РФ о лишении гражданина ученой степени или — в случае обжалования приказа в судебном порядке — после вступления решения суда в законную силу трудовой договор может быть расторгнут на основании п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ как с лицом, не соответствующим занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации. Представляется, что такое решение работодателя, принятое без учета особенностей труда сотрудников из числа ППС и научных работников, будет признано незаконным.

Требования к наличию ученой степени у кандидатов на должность доцента, профессора, заведующего кафедрой, ректора, президента образовательного учреждения высшего профессионального образования установлены Единым квалификационным справочником

³ Куркова Н. А., Шершень Т. В. О принципе добросовестности в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 250–268.

⁴ См.: Бавсун М. В., Бавсун И. Г. Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материалам судебной практики) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 22. № 3. С. 336–341; Тимошина Е. В., Краевский А. А. Государственная система научной аттестации в зеркале судебной практики: оспаривание решений о лишении ученой степени // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 44–53.

⁵ О репутационных потерях для работника пишет В. П. Камышанский: Камышанский В. П. О юридической ответственности и защите авторских прав на произведения науки // Власть закона. 2019. № 2 (38). С. 17–35.

⁶ См.: п. 1.5 Положения о конкурсе на получение грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук и докторов наук // URL: https://grants.extech.ru/docs/МК_2022.PDF (дата обращения: 01.09.2023).

⁷ Отметим, что в судебной практике отсутствуют споры по вопросам сохранения трудовых отношений и/или восстановления на работе по рассматриваемым в статье обстоятельствам.

должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденным приказом Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1н (далее — Справочник 2011 г.). Вместе с тем пункт 11 общих положений Справочника 2011 г.⁸ содержит указание на возможность занятия должности доцента или профессора лицами без ученой степени, но имеющими стаж научно-педагогической работы или работы в организациях по направлению профессиональной деятельности, соответствующей деятельности образовательного учреждения высшего профессионального и дополнительного профессионального образования, и избранными в установленном порядке по конкурсу на замещение соответствующей должности. Таким образом, законодательство допускает занятие должности доцента или профессора без ученой степени.

Квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и других служащих, утвержденным постановлением Минтруда России от 21.08.1998 № 37 (в ред. от 27.03.2018) (далее — Справочник 1998 г.), императивно установлен перечень должностей, занятие которых возможно только при наличии ученой степени кандидата или доктора наук⁹. Для иных должностей ученая степень не требуется, а ее наличие у работника, как правило, снижает требования к стажу работы. Справочник 1998 г. не позволяет принять на должности, требующие наличия ученой степени, лиц, их не имеющих, но обладающих большим опытом работы (п. 10), а также содержит прямую отсылку к необходимости проведения аттестации научных работников (п. 8).

Приказ Роструда от 11.11.2022 № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства» предписывает, что увольнение по п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ возможно только по итогам аттестации. В пункте 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (в ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» указано, что работодатель не вправе расторгнуть трудовой договор с работником

по данному основанию, если в его отношении аттестация не проводилась либо аттестационная комиссия пришла к выводу о соответствии работника занимаемой должности или выполняемой работе.

В отношении работников из числа ППС действует Положение о порядке проведения аттестации работников, занимающих должности педагогических работников, относящихся к профессорско-преподавательскому составу, утвержденное приказом Минобрнауки РФ от 30.03.2015 № 293 (далее — Положение об аттестации ППС), а в отношении научных работников¹⁰ — Порядок проведения аттестации работников, занимающих должности научных работников, утвержденный приказом Минобрнауки России от 05.08.2021 № 714 (далее — Порядок аттестации научных работников).

Сопоставление двух нормативных актов позволяет сделать вывод, что аттестация работников из числа ППС потенциально может служить инструментом для решения вопроса о расторжении трудового договора на основании п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, а в отношении научных работников — нет. Так, в Положении об аттестации ППС определено, что аттестация проводится в целях подтверждения соответствия работника занимаемой им должности педагогического работника, относящегося к ППС (за исключением работников, трудовой договор с которыми заключен на определенный срок), один раз в пять лет. Следовательно, если работник из числа ППС, лишенный ученой степени, осуществляет свою трудовую функцию на основании трудового договора без определенного срока, то, с учетом Справочника 2011 г., работодатель должен провести его аттестацию и принять решение о соответствии/несоответствии занимаемой должности и расторжении трудового договора.

Аналогичным образом может быть принято решение и по научному сотруднику, лишенному ученой степени, на основании Справочника 1998 г. Вместе с тем в отношении научного сотрудника, который работает на условиях срочного трудового договора и наличие ученой

⁸ Раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования».

⁹ Раздел II «Квалификационные характеристики должностей работников, занятых в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных и изыскательских организациях».

¹⁰ Частично о проблемах аттестации научных работников см.: *Нарутто С. В., Збарацкий Б. А.* Аттестация научных и научно-педагогических работников: к вопросу об ученом звании старшего научного сотрудника // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 194–205.

степени для которого выступает обязательным квалификационным требованием на основании Справочника 1998 г., складывается тупиковая ситуация: с одной стороны, он не может занимать должность ввиду отсутствия у него требуемой ученой степени, с другой — работодатель не вправе применить к нему процедуру аттестации и, как следствие, уволить на основании п. 3 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. Следует также учитывать, что Положение об аттестации ППС исключает из субъектов аттестации работников, проработавших в занимаемой должности менее двух лет; находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; беременных женщин; женщин, находящихся в отпуске по беременности и родам. Такие же ограничения в отношении трех последних категорий установлены в Порядке проведения аттестации¹¹.

Таким образом, в случае лишения ученой степени работника из числа ППС и научных сотрудников расторжение трудового договора по инициативе работодателя возможно только при совокупности трех условий:

- наличие трудового договора, заключенного на неопределенный срок;
- проведение аттестации;
- отказ работника от перевода на другую работу либо невозможность работодателя перевести работника с его согласия на другую имеющуюся у него работу. Во всех иных случаях, с учетом формальных запретов на проведение аттестации отдельных категорий работников, увольнение будет незаконным.

Иные основания расторжения трудового договора по инициативе работодателя не могут быть применены к возникшей ситуации. В частности, работодатель вправе расторгнуть трудовой договор на основании п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ и п. 6 ч. 1 этой же статьи в корреспондировании со ст. 21 и 22 ТК РФ о добросовестном отношении к труду и праве работодателя привлекать работников к ответственности. Вместе с

тем лишение ученой степени не может рассматриваться как недобросовестное исполнение трудовых обязанностей, поскольку ученая степень — это квалификация¹², а пункт 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ содержит закрытый перечень грубых нарушений трудовых обязанностей работников.

Для трудового законодательства появление и обоснование новых оснований для расторжения трудового договора по инициативе работодателя представляется *terra incognita*. В 2016 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» об особенностях регулирования трудовых отношений при лишении работника ученой степени или ученого звания. Авторы законопроекта, исходя из содержания пояснительной записки, полагали, что «в случае лишения ученой степени работника вуза или научной организации, занимающего соответствующую должность, он не будет соответствовать квалификационной характеристике и, по существу, не может выполнять свои должностные обязанности»¹³. Отметим, что в представленных предложениях не была учтена специфика выполнения трудовой функции лицами из числа ППС и научных работников и особенности организации их труда, поэтому полагаем, что законопроект обоснованно был отклонен ввиду его непроработанности, несмотря на реальность запроса на закрепление такого основания для расторжения трудового договора на практике.

В доктрине трудового права отсутствуют исследования по обоснованию введения новых оснований для расторжения трудового договора по инициативе работодателя. А. М. Лушников и М. В. Лушникова, рассуждая о будущем трудового права и его трансформации, прогнозируют расширение сферы нормативной дифференциации и договорного регулирования. Широко освещая предпосылки трансформации трудового права (глобализация, цифровизация

¹¹ В статье вопросы проведения аттестации и обжалования процедуры ее проведения не рассматриваются (например, исходя из Положения об аттестации ППС критерии «объективной оценки» в отношении личного вклада «в повышение качества образования по преподаваемым дисциплинам, в развитие науки, в решение научных проблем в соответствующей области знаний» имеют в большей степени субъективный характер), но этот элемент защиты прав работника, лишенного ученой степени, имеет существенное значение. См.: Соколова Т. В. Особенности аттестации научных работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 51–54.

¹² Гипотетически, если в должностных обязанностях лица зафиксирована обязанность по постоянному повышению своей квалификации, а в анализируемой ситуации он ее понизил, это может выступить основанием для применения дисциплинарного взыскания в виде выговора.

¹³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1107357-6?ysclid=lmjtjarj6i900601183> (дата обращения: 02.09.2023).

и пр.), нетипичные виды трудовых отношений, авторы не акцентируют внимания на этом вопросе¹⁴. Представляется, что в условиях, когда потенциальная угроза лишения ученой степени работников из числа ППС и научных сотрудников велика, а специфика правового положения и деятельности образовательных и научных организаций требует жесткого контроля квалификации работников, появление такого основания, как лишение ученой степени и/или ученого звания, вполне оправданно.

Проблема возврата денежных средств, уплаченных в связи с наличием ученой степени

Другой проблемой, связанной с лишением ученой степени, является возврат выплат, которые работник получал как лицо, имеющее ученую степень, в виде надбавки. Осложняется она тем, что в отношении сотрудников из числа ППС эта надбавка была включена в окладную часть на основании п. 11 ст. 108 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «Об образовании в Российской Федерации», что затрудняет определение подлежащей возврату денежной суммы. Кроме того, труд сотрудников из числа ППС и научных сотрудников может вознаграждаться из бюджетных и внебюджетных средств в результате победы в конкурсах различных уровней, в которых наличие ученой степени участника имело квалификационное значение на стадии подачи заявки. В случаях, когда доплата носит характер постоянной, опре-

деленной в твердой денежной сумме или процентном отношении¹⁵, размер неосновательно полученных денежных средств устанавливается математическим методом¹⁶.

Вопрос о возможности возврата полученных в качестве оплаты труда денежных средств разрешен в ст. 137 ТК РФ: заработная плата, излишне выплаченная работнику, не может быть с него взыскана, за исключением случаев счетной ошибки, невыполнения норм труда, неправомерных действий работника, установленных судом. Механизм возврата денежных средств определен Гражданским кодексом РФ. Согласно п. 3 ст. 1109 ГК РФ не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения заработная плата и приравненные к ней платежи при отсутствии недобросовестности со стороны работника и счетной ошибки. Несмотря на то что нормы гражданского законодательства к трудовым правоотношениям по общему правилу не применяются (решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.07.2021 по делу № А40-105256/2020¹⁷), в постановлении Конституционного Суда РФ от 26.02.2018 № 10-П отмечено, что «...правовое регулирование, как оно осуществлено федеральным законодателем, не исключает использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы и обеспечение с его помощью баланса публичных и частных интересов, отвечающего конституционным требованиям».

Вместе с тем теоретическое сопоставление двух норм устанавливает несовпадение

¹⁴ Лушников А. М., Лушникова М. В. О будущем трудового права в эпоху перемен // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 55–65.

¹⁵ См., например: ст. 19 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»; приказ Следственного комитета РФ от 07.11.2013 № 72 «Об установлении доплат за ученые степени и ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска педагогическим работникам, замещающим штатные должности в федеральном государственном казенном образовательном учреждении дополнительного профессионального образования «Институт повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации»».

¹⁶ Между тем обозначенная проблема не ограничивается только суммой, которую работник обязан вернуть работодателю. Неясно, что делать с отчислениями в фонды, которые сделал работодатель, и как рассчитывать пенсионные накопления. Такой же вопрос возникает и в случае получения работником, лишенным ученой степени, выплат по грантам, финансируемым из федерального бюджета. Данная проблематика заслуживает самостоятельного осмысления с учетом социального законодательства и правил бухгалтерского учета.

¹⁷ «Таким образом, регулирование трудовых отношений с помощью прямого или по аналогии закона применения норм гражданского законодательства противоречит статье 5 Трудового кодекса РФ, не предусмотрено статьей 2 Гражданского кодекса РФ и основано на неправильном толковании и применении норм этих двух самостоятельных отраслей законодательства». И если в контексте предмета рассматриваемого спора такая сентенция обоснованна, то в отношении исследуемой проблемы неверна.

используемых терминов: трудовое законодательство использует термин «неправомерные действия», а гражданское — «недобросовестность». О неидентичности этих понятий пишет Д. Е. Зайков, отмечая, что применение норм о неосновательном обогащении к трудовым правоотношениям в части взыскания с работника необоснованно выплаченного вознаграждения за труд снижает уровень защищенности трудовых прав работника и не учитывает специфику трудового законодательства¹⁸. М. А. Жильцов и А. В. Майфат предлагают принцип добросовестности закрепить на уровне принципа трудового права, установив запрет на злоупотребление правом со стороны как работодателя, так и работника¹⁹.

ТК РФ в большинстве случаев оперирует понятием «неправомерные действия», термин «недобросовестность» не упоминается ни разу, однако суды используют именно его. В одном из решений было указано: «Из пояснений ответчика судом установлено, что он лишен ученой степени ввиду того, что при написании диплома производил заимствования из другой диссертации. Следовательно, суд считает, что Б. А. А. лишен ученой степени ввиду допущенных им нарушений, что является *недобросовестностью с его стороны* (курсив наш. — В. Б., М. У.), которая позволяет взыскать с него незаконно полученные денежные средства, осуществленные ему при выплате денежного довольствия» (решение 224-го гарнизонного военного суда г. Санкт-Петербурга от 01.07.2019 по делу № 2-154/2019).

С. В. Каменская понимает под неправомерными действиями «любые нарушающие нормы права действия работника, которые намеренно или непреднамеренно привели к переплате заработной платы»²⁰. Если исходить из утверждения, что недобросовестность есть вид неправомерных действий, то последние поглощают первую как более объемные по

содержанию, и применение норм гл. 60 ГК РФ оправданно.

Не разрешен однозначно в судебной практике вопрос о сроке исковой давности по данной категории дел. Согласно ст. 392 ТК РФ работодатель вправе обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба, однако в одном из гражданских дел о взыскании излишне уплаченных работнику сумм суд, рассматривая вопрос о применении сроков исковой давности, указал, что «спорные правоотношения сторон регулируются нормами гражданского законодательства, поэтому к заявленным требованиям не подлежит применению срок для обращения в суд, установленный статьей 392 ТК РФ. В данном случае срок исковой давности согласно ст. 196 ГК РФ составляет три года»²¹. В другом деле кассационный суд, оставляя в силе решения нижестоящих судов, указал, что «...полученная ответчиком по месту работы премия... в силу положений статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения, не подлежит она взысканию и в порядке статьи 137 Трудового кодекса Российской Федерации... и по причине пропуска истцом установленного статьей 392 Трудового кодекса Российской Федерации срока исковой давности для разрешения трудового спора»²². Третье судебное применение норм исковой давности выбор подлежащей применению нормы ставит в зависимость от конкретных обстоятельств дела: если право на выплату не оспаривается, но она получена работником в завышенном размере, то подлежит применению специальная норма ст. 392 ТК РФ; если работник получил выплату недобросовестно, применяется статья 1109 ГК РФ²³.

Вышеприведенные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что приме-

¹⁸ Зайков Д. Е. Взыскание с работника излишне выплаченной заработной платы: проблемы правоприменительной практики // Законодательство. 2023. № 5. С. 31–37.

¹⁹ Жильцов М. А., Майфат А. В. Принцип добросовестности в гражданском и трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 9.

²⁰ Алексеев С. В., Антонова Н. В., Каменская С. В., Коршунова Т. Ю. Научно-практический комментарий к разделу VI Трудового кодекса Российской Федерации (гл. 20–22) «Оплата и нормирование труда» / под ред. Т. Ю. Коршуновой. М. : Контракт, 2020.

²¹ Определение Ивановского областного суда от 04.03.2020 по делу № 33-597/2020.

²² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2020 по делу № 8Г-202/2020[88-9551/2020].

²³ Определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 13.02.2017 № 33-579/2017.

нение норм о неосновательном обогащении к рассматриваемой категории дел — мера вынужденная. Полагаем, что наряду с введением принципа добросовестности в трудовое право необходимо также установить специальный порядок взыскания излишне или необоснованно уплаченных денежных сумм.

Выводы

Исследование правовых последствий лишения ученой степени в контексте трудового законодательства представляется актуальным направлением научного поиска. Увеличение лиц, лишенных ученой степени, находящихся в трудовых отношениях и получающих соответствующие выплаты, неизбежно ставит задачу упорядочивания трудовых отношений таким образом, чтобы исключить злоупотребления со стороны работодателя. Признание презумпции недобросовестности работника после издания приказа Минобрнауки РФ или вступления решения суда в законную силу после его обжалования в рамках действующего законодательства еще не дает права работодателю расторгнуть трудовой договор. Вместе с тем отсутствие специального

основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае лишения ученой степени работника из числа ППС или научного сотрудника противоречит целям трудового законодательства, которые направлены в том числе на защиту прав и законных интересов работодателя. Этот пробел имеет существенное значение и в том смысле, что и у работника, и у работодателя отсутствует специальный механизм установления законной определенности трудовых отношений. В настоящий момент прийти к однозначному выводу о том, в какой нормативный акт (на первый взгляд, это должен быть ТК РФ) необходимо внести норму о праве на расторжение трудового договора по инициативе работодателя на основании лишения ученой степени работника, преждевременно по двум причинам: во-первых, лица с ученой степенью могут работать не только в образовательных и научных организациях, что обязательно отразится на реализации такого права работодателя, а в настоящей работе эти вопросы не рассматривались; во-вторых, ввиду необходимости более глубокого анализа механизма его реализации с учетом последствий и для работодателя, и для работника, только небольшая часть из которых фрагментарно была упомянута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бавсун М. В.* Проблемы разрешения споров о лишении ученой степени кандидата, доктора наук (по материалам судебной практики) // Академический юридический журнал. 2022. Т. 22. № 3. С. 336–341.
- Белоусов С. А., Нырков В. В.* Механизм оценки научной квалификации посредством института присвоения ученых званий: проблемные аспекты и анализ возможных вариантов совершенствования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 29–43.
- Витко В. С.* Концепция плагиата как негативного социально-правового явления // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 4. С. 71–79.
- Габов А. В.* Темпоральные элементы института лишения ученой степени // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 223–234.
- Гаврилов Э. П.* Понятие и термин «плагиат» в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2020. № 1. С. 52–60.
- Жильцов М. А., Майфат А. В.* Принцип добросовестности в гражданском и трудовом праве // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 6–9.
- Зайков Д. Е.* Взыскание с работника излишне выплаченной заработной платы: проблемы правоприменительной практики // Законодательство. 2023. № 5. С. 31–37.
- Захарцев С. И., Сальников В. П.* «Диссернет», «самоплагиат» и разумность. Обсуждение корректности отдельных публикаций «Диссернета» // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 12. С. 189–193.
- Камышанский В. П.* О юридической ответственности и защите авторских прав на произведения науки // Власть закона. 2019. № 2 (38). С. 17–35.
- Куркова Н. А., Шершень Т. В.* О принципе добросовестности в научных исследованиях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 250–268.

Лушников А. М., Лушникова М. В. О будущем трудового права в эпоху перемен // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 55–65.

Нарутто С. В., Збарацкий Б. А. Аттестация научных и научно-педагогических работников: к вопросу об ученом звании старшего научного сотрудника // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11 (132). С. 194–205.

Рождкова М. А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 33. С. 124–140.

Теймуров Э. С. Правовое регулирование противодействия неправомерным заимствованиям в процедурах государственной научной аттестации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 182–192.

Тимошина Е. В., Краевский А. А. Государственная система научной аттестации в зеркале судебной практики: оспаривание решений о лишении ученой степени // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 44–53.

REFERENCES

Bavsun MV. Problems of dispute resolution on the deprivation of the academic degree of the candidate, doctor of sciences (based on the materials of judicial practice). *Academic Law Journal*. 2022;22:336-341. (In Russ.).

Belousov SA, Nyrkov VV. The mechanism for assessing scientific qualifications through the institute of awarding academic titles: problematic aspects and analysis of possible improvement options. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;3(134):29-43. (In Russ.).

Gabov AV. Temporal elements of the institution 223 of the withdrawal of an academic degree. *Tomsk State University Journal*. 2021;471:223-234. (In Russ.).

Gavrilov EP. The concept and term «plagiarism» in Russian legislation. *Economy and Law*. 2020;1:52-60. (In Russ.).

Kamyshansky VP. On legal responsibility and copyright protection for scientific works. *Vlast zakona*. 2019;2(38):17-35. (In Russ.).

Kurkova NA, Shershen TV. The principle of integrity in scientific research. *Methodological Problems of Civil Studies*. 2019;1:250-268. (In Russ.).

Lushnikov AM, Lushnikova MV. On the future of labor law in the era of change. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2018;1:55-65. (In Russ.).

Narutto SV, Zbaratsky BA. Certification of scientific and scientific-pedagogical workers: on the issue of the academic title of a senior researcher. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(11)(132):19405. (In Russ.).

Rozhkova MA. Plagiarism and other types of incorrect borrowings in dissertations: legal and ethical issues. *Journal of the Court of Intellectual Rights*. 2021;33:124-140. (In Russ.).

Teymurov ES. Legal Regulation of Plagiarism Counteraction in the State Scientific Certification Procedures. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(4):182-193. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.137.4.182-193. (In Russ.).

Timoshina EV, Kraevsky AA. The state system of scientific attestation in the mirror of judicial practice: challenging decisions on deprivation of an academic degree. *Juridical Education and Science*. 2023;8:44-53. (In Russ.).

Vitko VS. The concept of plagiarism as a negative socio-legal phenomenon. *Intellectual Property, Copyright and Related Rights*. 2023;4:71-79. (In Russ.).

Zaikov DE. Recovery of overpaid wages from an employee: problems of law enforcement practice. *Zakonodatel'stvo*. 2023;5:31-37. (In Russ.).

Zakhartsev SI, Salnikov VP. «Dissernet», «self-plagiarism» and reasonableness. Discussion of the correctness of individual publications of the «Dissernet». *Legal Science: History and the Presence*. 2020;12:189-193. (In Russ.).

Zhiltsov MA, Mayfat AV. The principle of good faith in civil and labor law. *Labor Law in Russia and abroad*. 2023;1:6-9. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богдан Варвара Владимировна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Юго-Западного государственного университета
д. 94, ул. 50 лет Октября, г. Курск 305040, Российская Федерация
KurskPravo@yandex.ru

Урда Маргарита Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Цивилист» Юго-Западного государственного университета
д. 94, ул. 50 лет Октября, г. Курск 305040, Российская Федерация
urda.ru@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Varvara V. Bogdan, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Southwestern State University
94, 50 let Oktyabrya St., Kursk 305040, Russian Federation
KurskPravo@yandex.ru

Margarita N. Urda, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Civilist Scientific and Educational Center, Southwestern State University
94, 50 let Oktyabrya St., Kursk 305040, Russian Federation
urda.ru@rambler.ru

*Материал поступил в редакцию 29 сентября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 4 октября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 29.09.2023.
Revised 04.10.2023.
Accepted 18.12.2023.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.032-053

Д. Е. Богданов

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация
Донбасский государственный университет юстиции
г. Донецк, Российская Федерация

Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности

Резюме. Стремительное развитие технологий позволяет утверждать о наступлении новой промышленной революции. Одной из движущих сил данного процесса является технология искусственного интеллекта, оказывающая всё большее влияние на социально-экономические отношения, меняющая представления о пределах человеческих возможностей в сфере анализа и обработки информации. Роль искусственного интеллекта не ограничивается обработкой информации, поскольку его функционирование направлено и на генерирование креативного контента. В научной литературе указывается, что развитие технологии искусственного интеллекта приведет к «сейсмическим» социальным и экономическим последствиям, окажет разрушительное воздействие на законодательство, в частности в сфере интеллектуальной собственности. В статье отстаивается тезис, что технологическая и трансгуманистическая революция в праве интеллектуальной собственности не свершилась. Основанием права интеллектуальной собственности остается фундаментальная идея, что творцом является только человек. Результаты, сгенерированные искусственным интеллектом, по общему правилу должны оставаться в общественном достоянии, поскольку разработчики программного обеспечения с применением технологии искусственного интеллекта и его пользователи не вправе приватизировать интеллектуальное и культурное наследие человеческого общества. Неубедительны доводы авторов, считающих, что переход результатов, сгенерированных искусственным интеллектом, в сферу общественного достояния лишает разработчиков данной технологии экономических стимулов. Технологии искусственного интеллекта имеют свои экономические стимулы, оправдывающие инвестиции в данную сферу. Доказательством является новая практика провайдеров генеративного искусственного интеллекта по принятию на себя имущественных рисков своих пользователей. Можно констатировать, что складываются условия для установления общей модели деликтной ответственности за нарушение провайдерами генеративного интеллекта исключительных прав авторов и других правообладателей.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; автор; антропоцентризм; творческая деятельность человека; исключительное право; произведение; изобретение; технология искусственного интеллекта; трансгуманизм

Для цитирования: Богданов Д. Е. Правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом: антропоцентризм vs. трансгуманизм в сфере права интеллектуальной собственности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 32–53. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.032-053

The Legal Regime of the AI Generated Results: Anthropocentrism vs. Transhumanism in the Field of Intellectual Property Law

Dmitriy E. Bogdanov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Donbass State University of Justice

Donetsk, Russian Federation

Abstract. Rapid development of technology suggests the advent of a new industrial revolution. Artificial intelligence technology is one of the driving forces of this process that has an increasing impact on socio-economic relations, changing ideas about the limits of human capabilities in the field of information analysis and data processing. The role of artificial intelligence is not limited to information processing, since its functioning is also aimed at generating creative content. The academic literature indicates that the development of artificial intelligence technology will lead to «seismic» social and economic consequences. It will have a devastating impact on legislation, in particular in the field of intellectual property. The paper defends the thesis that the technological and transhumanistic revolution in intellectual property law has not taken place. The fundamental idea that only a human is the creator provides the basis of intellectual property rights. As a general rule, the results generated by artificial intelligence should remain in the public domain, since neither software developers using artificial intelligence technology nor its users have the right to privatize the intellectual and cultural heritage of human society. The arguments of the authors, who believe that the transfer of the results generated by artificial intelligence into the public domain deprives the developers of this technology of economic incentives are unconvincing. Artificial intelligence technologies have their own economic incentives that justify investments in this area. The new practice of generative artificial intelligence providers to assume the property risks of their users justifies this approach. It can be stated that conditions are emerging for establishing a general model of tort liability for violation by generative intelligence providers of the exclusive rights of authors and other copyright holders.

Keywords: intellectual property law; author; anthropocentrism; human creative activity; exclusive right; work; invention; artificial intelligence technology; transhumanism

Cite as: Bogdanov DE. The Legal Regime of the AI Generated Results: Anthropocentrism vs. Transhumanism in the Field of Intellectual Property Law. *Lex russica*. 2024;77(1):32-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.032-053

Ремесло

Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери

Введение

Пушкинская метафора разъятой, как труп, музыки, чьи звуки были умерщвлены математическим алгоритмом, ставшим поверенным «алгебраической гармонии», зримо отражают современные реалии в сфере «креативных

технологий. Свершилось то, о чем мечтала и над чем работала в XIX в. нелюбимая дочь лорда Байрона, Ада Лавлейс, которая была рождена от нелюбимой поэтом жены — Аннabelи Милбенк. Свою супругу за страсть к математике Байрон величал не иначе как «принцессой параллелограммов» и «математической Медеей»¹.

¹ URL: <https://www.history.com/news/10-things-you-may-not-know-about-ada-lovelace> (дата обращения: 10.09.2023).

Опасаясь, что дочь может пойти по «поэтическим» и «романтическим» стопам отца, Аннабель приступила к обучению Ады точным наукам и математике по достижению ею четырехлетнего возраста. Впоследствии наставником 17-летней Ады Лавлейс стал Чарльз Бэббидж («отец компьютера»), изобретатель аналитической машины. Результатом наставничества стало то, что Ада Лавлейс описала алгоритм вычисления чисел Бернулли на машине Ч. Бэббиджа. Таким образом, она, по сути, стала автором первой программы для ЭВМ. Ада верила в то, что машина Бэббиджа будет способна не только производить вычисления, но и создавать музыку, поскольку считала возможным, что гармония музыкальной композиции может быть выражена в математической форме. Еще одной мечтой Ады было математическое описание структуры головного мозга и создание вычисляемой модели нервной системы человека².

Ее мечтам было не суждено сбыться при ее жизни. Она скончалась в возрасте 36 лет, как и ее знаменитый отец. После более чем столетнего забвения ее основополагающая роль в развитии теории программирования была отмечена тем, что в ее честь был назван один из языков программирования — «Ada».

Сегодня стремительное развитие технологий позволяет многим авторам утверждать о наступлении новой «промышленной революции»³. Одной из движущих сил данного процесса является технология искусственного интеллекта, которая начинает оказывать все большее влияние на социально-экономические отношения, поскольку меняет представления о пределах человеческих возможностях в сфере анализа и обработки информации. При этом роль искусственного интеллекта не ограничивается собственно обработкой огромных массивов информации, поскольку его функционирование направлено и на «генерирование креативного контента».

В научной литературе указывается, что технологическая эволюция приведет к сейсмическим социальным и экономическим последствиям, окажет разрушительное воздействие на законодательство, особенно в сфере интеллектуальной собственности⁴. Отдельные авторы даже допускают возможность совершения искусственным интеллектом юридически значимых действий, поэтому считают возможным «предположить, что правовое регулирование общественных отношений, в которых задействованы автономные технические средства, будет основываться на абсолютно новых подходах»⁵.

Создается впечатление, что через столетия свершилась месть «математической Медеи», воспитавшей в своей дочери математический гений. Мифологическая Медея, дочь царя Колхиды и внучка Гелиоса, отомстила изменнику Ясону, убив их детей. «Математическая Медея» занесла свой кинжал, как изображено на картине Эжена Делакруа, над детищем всех творцов: художников, писателей и поэтов. Этим «кинжалом» стала технология искусственного интеллекта, предвозвестницей которого, «Кассандрой», стала Ада Лавлейс. И вот нам даже кажется, что уже вовсю несутся вскачь «Всадники Апокалипсиса», изображенные на гравюре Альбрехта Дюрера, сокрушая традиционную концепцию права интеллектуальной собственности. Как отмечает в этой связи Джессика Литман, законодательство об авторских правах устаревает, когда появление новых технологий обуславливает устаревание постулатов, на которых было основано данное законодательство⁶.

Однако, увидев непонятные тени, издали напоминающие упомянутых всадников, помните, что наши предки передали нам оптимистическую христианскую максиму, что «когда кажется — креститься надо». Поэтому, перекрестившись и отогнав от сознания все мороки, надо попытаться дать ответ на вопрос, должно ли законодательство в сфере интеллектуальной

² URL: <https://spb.hse.ru/news/231547511.html?ysclid=l2g107lyoh> (дата обращения: 12.10.2023).

³ Маслов В. И., Лукьянов И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27, Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 38–48.

⁴ Abbott R. B., Rothman E. Disrupting Creativity: Copyright Law in the Age of Generative Artificial Intelligence // Florida Law Review. 2022. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4185327>.

⁵ Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 75–81.

⁶ Litman J. Digital Copyright. Amherst : Prometheus Books, 2006. P. 22.

собственности и дальше оставаться «технологически нейтральным» или стать «технологически релевантным» применительно к «эсхатологическим» вызовам новой промышленной революции. Требуется ли незначительная адаптация данного законодательства или потребуются внести в него фундаментальные изменения.

Аксиома антропоцентричной модели права интеллектуальной собственности

В настоящее время ряд авторов высказываются в пользу реформирования законодательства в сфере интеллектуальной собственности, формирования технологически релевантной законодательной модели интеллектуальной собственности⁷. Всё больше авторов высказываются в пользу признания сгенерированных искусственным интеллектом результатов в качестве объектов авторского или патентного права⁸. По мнению других ученых, отсутствует необходимость для пересмотра всего свода законов в сфере интеллектуальных прав, поскольку требуется лишь его корректировка в свете новых, а также будущих возможностей автономных роботов⁹.

Следует отметить, что в литературе высказывается довольно резкий, но обоснованный и не лишенный юмора тезис, согласно которому научные позиции, отстаивающие необходимость распространения законодательства об авторских правах на искусственный интеллект и результаты его функционирования являются полной нелепицей — «чушью на ходулях» («nonsense upon stilts»)¹⁰.

Обоснованность данного тезиса связана с тем, что фундаментальной основой законодательства в сфере интеллектуальной собственности является постулат о том, что автором, творцом является только человек. Право интеллектуальной собственности по своей сути является антропоцентричным.

Так, Питер Мезей метафорически использует архитектуру древнегреческого храма для описания законодательства об авторских правах. Древнегреческий храм состоит из трех основных частей: фундамента (крепидома, или стереобат); колонны и антаблемента (включая украшенный треугольный тимпан фронтона). По мнению автора, независимо от деонтологических (выражение творческого начала личности и творческого труда автора) или утилитаристских (личная или общественная выгода, польза) установок в обосновании законодательной модели права интеллектуальной собственности, в ее фундаменте лежит идея об авторстве человека¹¹.

Например, согласно ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата. Аналогичные нормы содержатся в законодательстве стран, относящихся к различным правовым системам — континентальной, англосаксонской, смешанной и др.

Если обратиться к международным актам в сфере охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности, можно констатировать, что они также основаны на постулате, что автором может быть только человек. Например, в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979), к которой присоединилась Российская Федерация, отсутствует текстуальный аналог ст. 1228 ГК РФ. Однако в комментариях к Бернской конвенции отмечается, что отсутствие в ней легальной дефиниции автора произведения обусловлено общей трактовкой данного положения во всех странах — участниках Конвенции¹². При этом из буквального толкования отдельных положений Конвенции

⁷ См., например: *Greenberg B. A. Rethinking Technology Neutrality // Minnesota Law Review. 2015. Vol. 100. P. 1495.*

⁸ *Abbott R. B., Rothman E. Op. cit.*

⁹ *Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics. European Union, 2016. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf).*

¹⁰ *Craig C. J., Kerr I. R. The Death of the AI Author. Osgoode Legal Studies Research Paper (March 25, 2019) // Ottawa Law Review. 2021. Vol. 52. Iss. 1. P. 31–86. URL: <https://rdo-olr.org/2021/the-death-of-the-ai-author>.*

¹¹ *Mezei P. From Leonardo to the Next Rembrandt — The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms // UFITA. 2020. Vol. 84. № 2. P. 390–429. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3592187>.*

¹² *Ricketson S., Ginsburg, J. C. International Copyright and Neighbouring Rights: The Berne Convention and Beyond. Vol. 1. 2nd ed. Oxford University Press, 2006. P. 358.*

следует, что автором произведения может быть только человек. Так, согласно ст. 2 охрана произведений осуществляется в пользу автора и его правопреемников. В силу ст. 3 предусмотренная в Конвенции охрана применяется к авторам, которые являются гражданами одной из стран Союза, в отношении их произведений, вне зависимости от того, опубликованы они или нет. Учитывая, что «гражданином одной из стран Союза» может быть только человек, можно констатировать, что Бернская конвенция основана на антропоцентристской концепции права интеллектуальной собственности.

Таким образом, если мы уберем стереотип (идею о том, что только человек является творцом) — рухнет вся конструкция права интеллектуальной собственности, которая была воздвигнута в течение нескольких веков своего эволюционного развития. Поэтому результаты, сгенерированные искусственным интеллектом, должны быть встроены в действующую модель правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Как верно отмечает Питер Мезей, в настоящее время отсутствуют убедительные политико-юридические и экономические аргументы для обоснования изменения статус-кво в законодательстве об интеллектуальной собственности¹³.

Несмотря на то что в современном законодательстве предпринимаются попытки сформулировать легальное определение искусственного интеллекта и технологии искусственного интеллекта¹⁴, данные технологические феномены еще не имеют общей трактовки. Как отметил Ян Зибнер, непросто регулировать неопределенный феномен в отсутствие строгой терминологии и общего понимания¹⁵. Данное обстоятельство является еще одним аргументом против корректировки законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Трансгуманистическая критика антропоцентричной модели права интеллектуальной собственности

Сторонники концепции постгуманизма (трансгуманизма), критикуя антропоцентризм в сфере права, указывают на то, что его сущность связана с рассмотрением всех феноменов, выходящих за рамки человеческого в качестве объектов для потребления и эксплуатации человеком¹⁶. Таким образом, человек предстает в качестве эксплуататора, стремящегося поработить новые цифровые сущности. На смену традиционному рабовладению идет цифровое рабство, где в

¹³ Mezei P. Op. cit.

¹⁴ Например, современное российское законодательство содержит легальное определение искусственного интеллекта и технологии искусственного интеллекта. Так, в соответствии со ст. 2 Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Согласно названному Закону технологии искусственного интеллекта — это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта). Ранее идентичное определение искусственного интеллекта и технологии искусственного интеллекта было отражено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

¹⁵ Zibner J. Artificial Intelligence: A Creative Player in the Game of Copyright // European Journal of Law and Technology. 2019. Iss. 1. P. 1–20.

¹⁶ Srinivasan K., Kasturirangan R. Political Ecology, Development and Human Exceptionalism // Geoforum. 2016. Vol. 75. P. 125–128.

качестве объекта, нового *Instrumentum vocale*¹⁷, выступает носитель «цифрового» сознания — искусственный интеллект.

Поэтому отдельные трансгуманисты с некоторой долей осторожности отмечают, что их учение не означает полного вытеснения человечества из сферы права; просто человек, его права и интересы перестают быть единственной целью права¹⁸.

Заслуживает внимания, что некоторые цивилисты из бывших прибалтийских республик СССР, видимо глубоко проникшиеся расистскими идеями движения BLM («позитивная дискриминация»), считают, что под таким «человеком» (антропос), который перестает быть единственной целью права, следует понимать только привилегированную часть человечества, а именно мужчин, являющихся представителями белой расы. Поэтому постгуманизм трактуется ими не как античеловеческий, а как радикально эгалитарный¹⁹. Так, ученый из новой, «заморской» метрополии прибалтийских колоний отмечает, что антропоцентричный эталон права трактуется как «полностью гендерная, расовая конструкция», основанная на предположении о белом мужском превосходстве и господстве²⁰.

Опять досталось бедным белым мужчинам, носителям «токсичной маскулинности». Приведенные тезисы демонстрируют современный уровень научной дискуссии на Западе и ее идейное, идеологическое содержание, крайне нетерпимое к традиционной, консервативной трактовке концепции человека в праве. Постепенно, поэтапно данные тезисы пытаются насильно навязать в качестве «мейнстрима» научного и философского дискурса. Как это уже было, например, в сфере кино. Видимо, транс-

гуманисты хорошо помнят тезис В. И. Ленина, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Поскольку постепенно «положительные» герои с нетрадиционной сексуальной ориентацией стали выходить на первый план и в очередной диснеевской постановке «Золушки» уже можно лицезреть фею в образе «афро-американского» существа с первичными мужскими половыми признаками.

По мнению Алессандро Ферранте и Даниэле Сартори, доминирующая в научном и философском дискурсе антропоцентрическая парадигма охватывает: онтологию (человек как привилегированная сущность); эпистемологию (человек как исключительный источник знаний) и этику (человек как носитель моральных ценностей и высшая ценность)²¹. Поэтому постгуманисты пытаются обосновать отказ от фундаментальной идеи, что человек и человечество являются высшей ценностью и занимают центральное место в системе этических координат²². Основной целью постгуманизма стало лишение человека привилегированного положения, стремление вытеснить антропос (*άνθρωπος*) обратно в мир, населенный, помимо человека, другими сущностями²³. Как в этой связи указывает Роззи Брандотти, постантропоцентризм разрушает иерархическое мышление и, как следствие, иерархию биологических видов и единый общий стандарт, что «Человек» является мерой всех вещей²⁴.

Таким образом, постгуманизм стремится свергнуть человека с пьедестала как высшую ценность, вытеснив его из реальности и вернуть в постмифологическое бытие, где вместо нимф, дриад, сатиров, гарпий и кентавров обитают новые технологические и постчеловеческие сущности. Вместо средневекового «Абердин-

¹⁷ «Говорящее орудие», трактовка рабов в римском праве в качестве вещи. См.: Покровский И. А. История римского права. М.: Статут, 2004. 538 с.

¹⁸ Arvidsson M. Targeting, Gender, and International Posthumanitarian Law: Framing the Question of the Human in International Humanitarian Law // Australian Feminist Law Journal. 2018. Vol. 44. № 1. P. 26.

¹⁹ Kalpokiene J., Kalpokas J. Creative encounters of a posthuman kind — anthropocentric law, artificial intelligence, and art // Technology in Society. 2023. Vol. 72. P. 102–197.

²⁰ Gear A. Deconstructing Anthropos: A Critical Legal Reflection on «Anthropocentric» Law and Anthropocene «Humanity» // Law Critique. 2015. Vol. 26. P. 225–249.

²¹ Ferrante A., Sartori D. From Anthropocentrism to Post-Humanism in the Educational Debate // Relations. 2016. Vol. 4. № 2. P. 175–194.

²² См.: Thomsen M. R., Wamberg J. Introduction // The Bloomsbury Handbook of Posthumanism / M. R. Thomsen, J. Wamberg (eds). New York: Bloomsbury Academic, 2022. P. 1–10; Roden D. Posthumanism: Critical, Speculative, Biomorphical // Ibid. P. 81–93.

²³ Margulies J. D., Bersaglio B. Furthering Post-Human Political Ecologies // Geoforum. 2018. Vol. 94. P. 103–106.

²⁴ Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013.

ского бестиария»²⁵ постгуманизм рисует нам новый технобестиарий, населенный «правосубъектными» роботами и киборгами.

По мнению постгуманистов, необходимо преодолеть «несправедливую» иерархию, сосредоточившись на вопросах понимания роли человека во взаимосвязи людей и нелюдей²⁶. Поскольку человек уже не является приоритетной сущностью²⁷, сама трактовка человека должна быть переосмыслена в качестве «реляционного существа», обладающего способностью влиять, но и подвергаться влиянию²⁸.

Одной из основных категорий философского и социально-гуманитарного дискурса на Западе является категория «агентность» (также — «агентивность»). Обычно она трактуется через призму способности человека к совершению намеренных (волевых) действий и свободному выбору модели поведения²⁹. Например, Д. Юм считал, что моральным агентом «является личность, или существо, обладающее мышлением и сознанием»³⁰. В отечественной философской литературе данной категории также уделяется пристальное внимание³¹.

Постгуманисты рассматривают агентивность (способность к намеренным действиям) не как стабильный атрибут человека, а как фактор «продолжающейся реконфигурации мира»³², поскольку трактовка агентивности уже вышла за рамки представлений, что способностью к действиям обладает только человек³³.

Постгуманисты грезят о киборгах, в которых органика и технологические артефакты переплетены настолько тесно, что образуются новые свойства, недоступные исключительно органическим или технологическим агентам³⁴. Отстаиваются тезисы, что единое человеческое «я», человеческое сознание, неразрывно связанное с плотью человека, уже осталось в прошлом и можно констатировать возникновение феномена «декорпореализованной» виртуальной личности, способной к бытию в рамках цифровой технологии³⁵.

Нарисовав на очередной странице технобестиария новые виртуальные и технологические сущности, постгуманисты обращают внимание и на акты человеческого творчества. По мнению Катерины Морuzzi, идея об авторе как независимом и самоопределяющемся творце, способном к созданию выдающихся произведений искусства, является не более чем романтической конструкцией. Сама же деятельность автора, результатом которой стало создание «креативного продукта», может быть терминологически объяснена как «обычный когнитивный процесс»³⁶, который может быть предметом нейробиологического исследования с «оцифрованными» результатами³⁷.

Трансгуманисты считают, что творческое решение как плод человеческого разума является простым результатом доступа человека к «следам памяти», «слоям прецедентов», яв-

²⁵ Абердинский бестиарий — один из самых знаменитых средневековых иллюстрированных сборников статей по зоологии (XII в.). См.: *Кирюхин Д. В.* «Incipit Liber De naturis bestiarum...» — Абердинский бестиарий на занятиях по латинскому языку // Преподаватель, XXI век. 2018. № 4. С. 247–254.

²⁶ *Lupton D., Watson A.* Towards More-than-Human Digital Data Studies: Developing Research-Creation Methods // *Qualitative Research*. 2021. Vol. 21. Iss. 4. P. 463–480.

²⁷ *Mauthner N. S.* Toward a Posthumanist Ethics of Qualitative Research in a Big data Era // *American Behavioral Scientist*. 2019. Vol. 63. Iss. 6. P. 669–698.

²⁸ *Braidotti R.* *Posthuman Knowledge*. Cambridge : Polity, 2019. P. 45–47.

²⁹ URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2017/entries/agency/index.html> (дата обращения: 16.11.2023).

³⁰ *Юм Д.* Исследование о человеческом познании // *Сочинения* : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 6–144.

³¹ *Мерцалов А. В.* Агентность, тождество личности и моральная ответственность // *Вестник Московского университета. Серия 7, Философия*. 2022. № 5. С. 72–90.

³² *Barad K.* Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // *Signs*. 2003. Vol. 28. № 3. P. 801–831.

³³ *Choat S.* Science, Agency and Ontology: A Historical-Materialist Response to New Materialism // *Political Studies*. 2018. Vol. 66. № 4. P. 1027–1042.

³⁴ *Miller V.* *Understanding Digital Culture*. Los Angeles : SAGE Publications, 2020. P. 269.

³⁵ *Hepp A.* *Deep Mediatization*. London : Routledge, 2020. P. 159.

³⁶ *Moruzzi C.* Artificial Creativity and General Intelligence // *Journal of Science and Technology of the Arts*. 2021. Vol. 12. № 3. P. 84–99.

³⁷ *Hoffman D.* *The Case Against Reality: How Evolution Hid the Truth from Our Eyes*. London : Allen Lane, 2019.

ляющихся, по сути, обучающими данными³⁸. Люди не рождаются в качестве носителей «культурной памяти» (данных), но приобретают их в ходе своего обучения. Если творцу необходимо следовать определенному художественному канону, то данное обстоятельство следует трактовать как фактор, ограничивающий творческую свободу человека. Таким образом, человек, обучавшийся в художественной школе, не может рассматриваться в качестве самостоятельного творца. Данный тезис используется для обоснования фундаментального сходства между творчеством человека-художника и генерированием «креативного контента» искусственным интеллектом применительно к его обучению художественному канону на основе доступа к «слоям прецедентов» (training data)³⁹.

В поддержку «творческого» начала искусственного интеллекта некоторые философы-трансгуманисты, одновременно являющиеся воинствующими атеистами, нивелируют человеческое в человеке и признают наличие сознания даже у «зомби». Так, Д. Деннет, настаивающий на функциональной природе сознания, прямо заявляет, что если «зомби» успешно пройдет все гетерофеноменологические тесты (подтверждающие наличие у него достаточной «когнитивной компетенции»), то мы обязаны приписывать ему сознание. Данный автор считает, что главным признаком сознания является «функционирование когнитивно-информационных процессов», а эта черта является общей для человека и искусственного интеллекта⁴⁰.

В результате трансгуманисты отрицают творческий гений человека. Поскольку, по их мнению, при всем предполагаемом богатстве человеческого разума, включающего знания, убеждения, симпатии и антипатии и др., выясняется, что опыт, переживания, понимание, чувства, решения и т.д. являются простыми ре-

зультатами доступа к указанным «слоям прецедентов»⁴¹. На этом основании и осуществляется построение аргументации в пользу разрушения антропоцентричной модели права собственности, признания того, что не только человек может выступать в качестве творца результата интеллектуальной деятельности.

Апология человека и творческого начала в человеке

Конечно, можно по-разному относиться к тезису древнегреческого философа-софиста Протагора из Абдеры⁴². Так, Ю. М. Федоров отмечает, что «Протагоровская формула, конституирующая Человека в качестве меры всех вещей, истинна, когда предполагается, что человеческие мерки прикладываются к тому, что онтологически находится ниже Человека как Феномена. В межчеловеческом общении и связанном с ним добродетели и содержатся те человеческие мерки, которые Человек сознательно или неосознанно прикладывает к вещественному миру, миру объективации, порождаемому Культурой, Цивилизацией и Технологией. Человеку не дано измерить ни Самого Себя, ни то, что находится выше его феноменальности (абсолютное начало в самом Человеке) своими собственными родовыми мерками, т.е. системой субъектно-субъектных отношений»⁴³.

Учитывая то, что только в человеке имеется «абсолютное начало» или искра Божья, будем продолжать основываться на тезисе, что человек является высшей ценностью и занимает центральное место в системе этических координат. Поскольку это не только отражено в Священном писании, но и прямо закреплено в ст. 2 Конституции РФ. Ученый-трансгуманист остается человеком, ограниченным человеком, поэтому он способен дать оценку и измерить

³⁸ Kalpokiene J., Kalpokas I. Op. cit.

³⁹ Lee H. Rethinking Creativity: Creative Industries, AI and Everyday Creativity // Media, Culture & Society. 2022. Vol. 44. № 3. P. 601–612.

⁴⁰ См.: Dennett D. Consciousness Explained. Little Brown, 2017. P. 216–218.

Критический анализ см.: Дубровский Д. И. В театре Дэниэла Деннета (По поводу одной популярной концепции сознания) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92–111.

⁴¹ Charter N. The Mind Is Flat: The Illusion of Mental Depth and the Improvised Mind. New Haven : Yale University Press, 2019. P. 222.

⁴² Сочинения Протагора «Истина» начиналось с тезиса, что «мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют».

⁴³ Федоров Ю. М. Сумма антропологии. 2-е изд. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. Кн. 2 : Космо-антропо-социоприродогенез Человека.

только творчество искусственного интеллекта, но не Человека.

Выглядит наивным и надуманным тезис трансгуманистов, что акт человеческого творчества есть не что иное, как простой результат обращения творца к «слоям прецедентов». В качестве примеров остановимся только на трех именах: Джотто, Эль Греко и Иван Похитонов.

Джотто ди Бондоне (1266–1337) является ярким представителем Проторенессанса, осуществившим переворот, революцию в искусстве. Поскольку на смену византийской иконописной традиции с ее «обратной», внутренней перспективой и условным обозначением пространства пришла живопись эпохи Возрождения. Да, Джотто писал фрески на религиозные сюжеты, но они уже утратили традиционный, иконный характер. Джотто смог первым объединить пространство зрителя и пространство картины в единое пространство⁴⁴.

Доменикос Теотокóпулос (1541–1614), оставшийся в памяти людей под псевдонимом Эль Греко, был носителем разных живописных традиций. Будучи рожденным на острове Крит, он с юности впитал византийскую традицию иконописи. Впоследствии он был учеником великого Тициана. После чего Доменикос переехал в Испанию, где в полной мере раскрылся его самобытный талант живописца. Как справедливо отмечается в литературе, творения Эль Греко невозможно вклинить в какие-либо узкие рамки. «Его художественная манера столь своеобразна, широка и мощна, что смело можно говорить о сложившемся совершенно особом индивидуальном живописном стиле, стиле Эль Греко...»⁴⁵. Для того чтобы понять это, достаточно сравнить картины «Благовещение», написанные учеником и учителем — Эль Греко и Тицианом. После смерти творчество Эль Греко было забыто на века, признание вновь пришло уже в XX в. И даже для зрителя XX в. его искусство было новаторским. Его живопись встретила большой эмоциональный отклик у зрителей,

чем работы Пабло Пикассо. Поэтому Эль Греко стали называть предтечей экспрессионизма⁴⁶.

И наконец, русский художник-передвижник Иван Павлович Похитонов (1850–1923). Некоторые из его чудесных миниатюр выставлены в Третьяковской галерее⁴⁷. Лучше всего его творчество можно описать словами другого замечательного художника-передвижника, Ильи Репина: «Это какой-то чародей-художник, так мастерски, виртуозно сделано; как он пишет — никак не поймешь... Чародей!» Действительно, рассматривая миниатюры на расстоянии и через увеличительное стекло, например фигуры мужчины и женщины, изображенные на картине «На пляже» (Ла-Панн, Бельгия), только и остается сказать — воистину Чародей!

Таким образом, тезисы трансгуманистов, низводящие творческие порывы гениев к простому воспроизводству «слоев прецедентов», обусловлены злым умыслом в использовании негодной аргументации или простым невежеством. Скорее злым умыслом, поскольку, отрицая творческое начало в человеке, редуцируя сознание человека до комплекса «функционирующих когнитивно-информационных процессов» и признания субъектности «зомби», трансгуманисты расчеловечивают Человека.

Как отмечается в докладе Русской экспертной школы, в учении трансгуманизма «индивид распадается на случайные комбинации “элементов идентичности” (например, гендер), теряет субстантивность и превращается в конструктор. В результате понятие личности всё больше теряет смысловую близость со словами “лик” и “лицо” и всё больше сближается со словом “личина”. Сконструированный гибридный “постиндивид” — совокупность таких “личин”, из которых составляются паззлы идентичностей. Этимология термина “индивид” (лат. *individ* — “неделимый”) позволяет определить постиндивида как “постнеделимого”, то есть “делимого”»⁴⁸.

Свое творческое начало, Божью искру, человек получил непосредственно от Творца, как это

⁴⁴ Райгородский Л. Д. Пространство в искусстве Джотто // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 117–124.

⁴⁵ Райгородский Л. Д. Пространство в картинах Эль Греко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 96–105.

⁴⁶ Дядченко М. Предшественники европейского экспрессионизма // URL: <https://deziign.ru/project/d092c10384bf485a88b12e5b44b16bf5> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴⁷ Похитонов Иван // Государственная третьяковская галерея. М., 2019.

⁴⁸ После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире : Доклад Русской экспертной школы, 2018 / ред.-сост. В. А. Щипков, кандидат философских наук, директор Русской экспер-

изобразил на своей знаменитой фреске «Сотворение Адама» (Сикстинская капелла) Микеланджело Буонарроти. В центре композиции изображен встречный жест почти соприкоснувшихся пальцами двух рук. Показано мгновение творения Адама, когда материальное тело наполняется духовным, творческим даром. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт.2:7).

И завершая короткий раздел об апологии человеческого творчества, хочется привести еще один пример из русского искусства. На севере России, в Вологодской области (Северная Фиваида) есть удивительное место — Ферапонтов Богородице-Рождественский монастырь. В нем сохранились уникальные фрески Дионисия, одного из самых знаменитых русских иконописцев, которые были написаны им вместе с сыновьями за короткий срок (с 6 августа по 8 сентября 1502 г.). Быть может, это некорректное сравнение, но роспись Дионисия в соборе Рождества Богородицы является своего рода «русской Сикстинской капеллой». Искусствоведы отмечают, что «Дионисий — настоящий виртуоз и в построении композиции, и в тонком понимании мира, и в технических средствах и исключительном колористическом подборе»⁴⁹.

Хочется остановиться только на одной фреске — «Ласкание Марии», которая изображена на западном фасаде собора. На фреске изображены сидящие на ступеньках дома Анна с новорожденной дочерью на руках и Иоаким, которые ласкают Марию и поклоняются ей. Удивительная фреска, проникнутая родительской нежностью. Родители сидят на каменной ступени лестницы из трех ступеней. Поскольку, моля Всевышнего послать им ребенка, они дали обет — родившегося ребенка посвятить Богу. Поэтому Мария пробыла с родителями только три года, а потом была отдана на воспитание в Иерусалимский храм. Этому событию посвящен праздник введения во храм Пресвятой Богородицы.

Изображение на фреске не является каноничным. Дионисий не следовал установленному канону. Это был творческий и духовный порыв, отображающий, что христианство —

это религия любви. Иконопись — это духовное отображение горнего мира. «Зомби» на такое творчество не способен.

Юридическая конкретика в апологии творческого начала в человеке

Необходимо отметить, что в российской правоприменительной практике до настоящего времени отсутствуют резонансные дела, связанные с попытками приравнять сгенерированные искусственным интеллектом результаты к объектам права интеллектуальной собственности. Однако данные примеры присутствуют в других юрисдикциях, что предопределяет необходимость проведения сравнительно-правового исследования по данному вопросу.

Так, в мае 2023 г. патентное ведомство Израиля отклонило две патентные заявки, в которых в качестве автора изобретений была указана технология искусственного интеллекта. Было отмечено, что вопрос о признании искусственного интеллекта в качестве изобретателя относится к сфере правовой политики. Поэтому данный вопрос должен быть решен законодателем. В соответствии с действующим законодательством Израиля в качестве изобретателя может выступать только человек.

В качестве заявителя по указанным патентным заявкам выступал Стивен Талер, продолжающий попытки запатентовать техническое решение, являющееся результатом функционирования технологии искусственного интеллекта (DABUS⁵⁰). В поданных им патентных заявках было специально указано, что результат достигнут без участия человека. С. Талер, помимо Израиля, подал заявки в США, странах ЕС, Австралии, Новой Зеландии и т.д. Действия Стивена Тайлера были направлены на глобальное «тестирование» вопроса допустимости рассмотрения искусственного интеллекта в качестве автора технического решения (контейнер для пищевых продуктов). Повсеместно суды и патентные ведомства отклоняли данные заявки, поскольку в качестве автора изобретения может выступать только человек. Единственным негативным примером является позиция

ной школы, ст. преподаватель кафедры международной журналистики МГИМО МИД России. URL: <http://www.russian-expert.ru/posle-cheloveka> (дата обращения: 15.11.2023).

⁴⁹ Исаева М. В. Колористическая палитра фресок Ферапонтова монастыря // Вестник культуры и искусств. 2010. № 1 (21). С. 77–81.

⁵⁰ Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentence (DABUS).

патентного ведомства в ЮАР⁵¹. Комментаторы, однако, отмечают, что если бы патентное ведомство ЮАР буквально истолковало текст патентного закона, то в удовлетворении заявки следовало бы также отказать⁵².

В 2022 г. в США апелляционный суд по делу *Thaler v. Vidal*, No. 21-2347 (Fed. Cir.) также рассматривал вопрос о допустимости указания в качестве изобретателя комплекса программного обеспечения с использованием технологии искусственного интеллекта. В суд обратился вышеупомянутый С. Талер, поскольку Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO) отказало в удовлетворении двух его заявок на выдачу патентов на изобретение. Отказ был обоснован тем, что в заявках в качестве изобретателя была указана технология DABUS. Ведомство мотивировало свой отказ ссылкой на Закон США о патентах, в котором установлено правило, что изобретателем может выступать только человек (физическое лицо)⁵³.

Заслуживает внимания решение Высокого суда Новой Зеландии по делу *Thaler v. Commissioner of Patents*⁵⁴, в котором суд прямо указал, что в соответствии с Законом Новой Зеландии о патентах (Patents Act 2013)⁵⁵ технология (система) искусственного интеллекта не может быть признана в качестве изобретателя и, следовательно, патентообладателя. Вызывает интерес то, что, оспаривая отказ патентного ведомства Новой Зеландии, С. Талер прямо ссылался на Закон о патентах. Так, в силу ст. 5 данного Закона в качестве заявителя указано «лицо, подавшее заявку на изобретение»⁵⁶, а изобретатель определяется как «фактический разработчик изобретения»⁵⁷.

Используя буквальное, «грамматическое» толкование, С. Талер ссылался на то, что в связи с принятием в Новой Зеландии в 2013 г. патентного закона изменился подход в легальном определении термина «изобретатель»: катего-

рию «лицо» заменили на «фактического разработчика». По мнению С. Талера, под данное определение может подпадать и «не-человек». В качестве альтернативного варианта С. Талер просил суд разрешить ему внести изменения в патентную заявку, указав, что «фактическим разработчиком» изобретения является технология DABUS, которая, в свою очередь, изобретена доктором Талером.

Суд признал наличие «очевидного пробела» в Законе о патентах 2013 г. В Законе прямо указывается на то, что в качестве заявителя может выступать только «лицо» (person), однако отсутствует прямое указание на то, что в качестве изобретателя может выступать только физическое лицо. Суд прямо указал, что ранее в законодательстве была прямо предусмотрена необходимость указания в заявке имени, адреса и гражданства изобретателя — физического лица.

Используя приемы исторического и телеологического толкования закона, суд констатировал, что развитие патентного законодательства Новой Зеландии свидетельствует, что в качестве изобретателя может выступать только физическое лицо. По мнению суда, на это указывали материалы парламентских слушаний по новому патентному закону, поскольку на них даже не рассматривался вопрос о признании изобретателем «не-человека». Напротив, в проектах и пояснительных записках к патентному закону всегда упоминалось, что изобретателем является человек.

В результате суду удалось избежать погружения в философско-правовые вопросы относительно «творчества искусственного интеллекта». Спор был разрешен на основе классического инструментария юридической герменевтики.

Рассмотренный выше пример посвящен вопросам авторства в патентном праве. Применительно к авторскому праву ситуация ана-

⁵¹ URL: <https://www.lexology.com/commentary/intellectual-property/israel/pearl-cohen-zedek-latzer-baratz/israeli-patent-commissioner-says-that-ai-cannot-be-considered-inventor> (дата обращения: 11.10.2023).

⁵² URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ebdcd98c-85bd-44ad-908e-8f35c1eaa036> (дата обращения: 10.10.2023).

⁵³ URL: <https://www.ipstars.com/NewsAndAnalysis/The-latest-news-on-the-DABUS-patent-case/Index/7366> ; URL: <https://ktslaw.com/en/insights/alert/2023/11/intellectual%20property%20developments%20from%20the%20us%20executive%20order%20on%20artificial%20intelligence> (дата обращения: 10.11.2023). [2023] NZHC 554.

⁵⁴ Patents Act 2013. Public Act 2013 No. 68. Version as at 24 January 2023 // URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/2013/0068/latest/DLM1419053.html> (дата обращения: 24.01.2023).

⁵⁶ «Applicant — (a) means a person who has applied for a patent for an invention...».

⁵⁷ «Inventor — (a) in relation to an invention, means the actual deviser of the invention...».

логична — авторское право базируется на фундаментальной идее, что автором произведения науки, литературы или искусства может быть только человек.

В этой связи представляет интерес дело *Thaler v. Perlmutter*, Case No. CV 22-1564 (D.D.C. Aug. 18, 2023). По данному делу в качестве заявителя вновь выступил Стивен Талер, обладающий исключительным правом на компьютерную систему с искусственным интеллектом «Креативная машина» (Creativity Machine). С. Талер утверждал, что технология искусственного интеллекта самостоятельно сгенерировала визуальное «произведение» под названием «A Recent Entrance to Paradise». По данному делу С. Талер просил признать незаконным отказ Бюро США по авторскому праву зарегистрировать в качестве произведения указанную выше сгенерированную «картинку».

Суд признал законность отказа Бюро США по авторскому праву, поскольку Закон США об авторском праве 1976 г. (Copyright Act of 1976) защищает только произведения, созданные человеком, а не машиной. Суд указал, что существует общепризнанная позиция, что именно творчество человека обуславливает защиту авторских прав. Несмотря на то что инструменты, которые используются людьми для создания произведений, а также их материальные носители, постоянно развиваются (от карандаша до компьютера), авторство человека является основополагающим требованием к защите авторского права на произведения, поскольку инструмент не может быть указан в качестве автора. В соответствии с Законом автор произведения должен обладать способностью к самостоятельному интеллектуальному и творческому труду — стандарту, которому искусственному интеллекту еще только предстоит соответствовать.

Ранее С. Талер попытался зарегистрировать данную сгенерированную картинку в Бюро США по авторскому праву (U.S. Copyright Office). В заявке на регистрацию произведения искусства было указано, что оно является результатом автономной деятельности компьютерного алгоритма. В качестве автора была указана Creativity Machine, а в качестве правообладателя исключительного права — С. Талер, согласно местной вариации доктрины произведения, созданного по заказу, а также служебного произведения («the work-for-hire doctrine»).

Следует отметить, что в соответствии с Законом США об авторском праве 1976 г. авторские права на произведение возникают в силу самого факта его создания и соответствующей объективации на любом материальном носителе (аналогично подходу в континентальной правовой системе, к которой относится и Россия). Однако в целях создания юридических преимуществ при защите авторских прав и обеспечения доказательственных презумпций в данном Законе предусмотрена возможность регистрации произведений в Бюро по авторскому праву.

Бюро отклонило заявку С. Талера, поскольку представленная работа не являлась результатом творческой деятельности человека. Бюро специально отметило, что авторство человека является фундаментальным положением авторского права в США. Вызывает интерес, что в целях пересмотра данной позиции С. Талер ссылаясь на то, что «требование авторства человека является неконституционным и не подкреплено ни законом, ни прецедентным правом».

Рассматривая повторно заявку С. Талера, правление Бюро сослалось на прецедентную практику интерпретации Верховным судом США законодательства об авторском праве, который с 1884 г. последовательно рассматривает авторское право как исключительное право человека на результаты деятельности его собственного разума, связанного с творческим самовыражением. Данный тезис связан с решением Верховного суда США по делу *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony* (1884)⁵⁸. По данному делу рассматривался вопрос о возможности признания авторского права на фотографию. В качестве истца выступил фотограф Наполеон Сарони, поскольку ответчик осуществлял без его согласия продажу литографий, на которых была изображена фотография писателя Оскара Уайльда. Одним из доводов ответчика было то, что действия фотографа носили механический характер (механический процесс) и не были связаны с творчеством и искусством (творческим замыслом автора), поскольку, по мнению ответчика, «творцом» выступал фотоаппарат. Суд согласился с данным доводом, но только в отношении «обычных» фотографий. Суд признал, что фотография, на которой был изображен Оскар Уайльд, являлась результатом творческой деятельности человека, результатом авторского замысла (с учетом использования

⁵⁸ *Burrow-Giles Lithographic Co. v. Sarony*, 111 U.S. 53 (1884).

фотографом драпировки, расположения им мебели и аксессуаров, визуальных эффектов, связанных с игрой света и тени, избранной позы фотографируемого лица и т.д.). На этом основании суд признал Н. Сарони автором оригинального произведения.

Далее, Бюро указало, что в деле *Urantia Found. v. Kristen Maaherra* (1997) суд не согласился с позицией Кристена Маахерра, указав, что книга, в которой указано, что она «написана нечеловеческими духовными сущностями» («by non-human spiritual beings»), может быть признана охраняемым авторским правом произведением только в том случае, если ее создание связано с «деятельностью человека по подбору и упорядочиванию таких откровений».

Таким образом, в несколько юмористической форме было дано разъяснение, что творческий труд человека-автора может выражаться в подборе, расположении и систематизации материалов, которые изначально не являются объектом авторского права. Применительно к ГК РФ можно провести аналогию с составным произведением по правилам ст. 1260 ГК РФ.

Бюро также ссылалось на исследование, проведенное в 1970-х гг. Национальной комиссией по новым технологическим видам использования произведений, защищенных авторским правом (CONTU)⁵⁹. Комиссия пришла к выводу, что созданные с использованием компьютеров произведения все равно могут быть отнесены к творческой деятельности человека, поэтому отсутствует необходимость во внесении изменений в Закон об авторском праве. Поскольку возможность законодательной защиты прав на произведение «зависит не от устройств или приспособлений, использованных при его создании, а от наличия по крайней мере минимальных творческих усилий человека во время создания такого произведения»⁶⁰.

В отчете Ведомства США по патентам и товарным знакам также отмечалось, что был получен негативный ответ на запрос общественного мнения о допустимости квалификации в качестве произведения (объекта авторского права) результата, созданного при помощи

алгоритма или в процессе функционирования искусственного интеллекта без участия человека. Абсолютное большинство комментаторов отметило, что действующий закон не позволяет не-человеку быть автором, и рекомендовало оставить в силе положения действующего законодательства.

Бюро также отклонило аргумент Талера о том, что искусственный интеллект может быть автором в соответствии с доктриной «работа по найму» («the work-for-hire doctrine»), поскольку «машина» не может заключить юридически обязывающий контракт. Указанная доктрина имеет отношение к определению личности правообладателя (обладателя исключительного права на произведение), она не направлена на определение личности автора. Материалы, созданные без участия человека, например созданные природой (животными) не защищаются авторским правом.

Таким образом, «креативной машине» С. Талера было отказано в правосубъектности и собственно в способности к творчеству. По сути, суд и ведомства в сфере интеллектуальной собственности США подтвердили то, что фундаментом права интеллектуальной собственности выступает тезис, что творцом произведения может быть только человек.

Рассмотренные примеры из правоприменительной практики побудили Бюро США по авторскому праву подготовить и опубликовать в марте 2023 г. соответствующее Руководство по регистрации авторских прав в отношении произведений, содержащих материалы, которые были сгенерированы искусственным интеллектом⁶¹. В Руководстве приводится пример регистрации произведения, содержащего элементы, как созданные человеком, так и сгенерированные технологией искусственного интеллекта. В феврале 2023 г. Бюро зарегистрировало произведение — графический роман, текст которого был результатом творческого труда человека, а изображения (графика) были сгенерированы сервисом Midjourney. Бюро признало графический роман в качестве произведения, однако указало, что отдельные изображения сами по

⁵⁹ National Commission on New Technological Uses of Copyrighted Works (CONTU).

⁶⁰ См.: *Benassi J. Paradise Lost: Art Created by AI Is Ineligible for Copyright Protection* // URL: <https://www.ipupdate.com/2022/03/paradise-lost-art-created-by-ai-is-ineligible-for-copyright-protection/> (дата обращения: 12.10.2023).

⁶¹ United States Copyright Office. *Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence*. March 16, 2023. 16190 Federal Register, Vol. 88, No. 51 // URL: https://www.copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf (дата обращения: 01.10.2023).

себе не могут быть квалифицированы в качестве объекта авторского права.

Следует отметить, что данный вывод вполне соотносится с положениями ст. 1260 ГК РФ, согласно которым составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство).

Таким образом, указанный графический роман представляет собой сложно-структурное произведение, в котором имеются следующие творческие элементы: литературное произведение (текст романа) и составительство, выраженное в подборе автором графических рисунков. Рисунки, сгенерированные технологией искусственного интеллекта, сами по себе не являются объектами авторского права, однако их подбор в единстве с текстом выражает творческий замысел автора.

Ключевой идеей Руководства является то, что творцом может быть только человек, а технология искусственного интеллекта — лишь инструмент, техническое средство реализации творческого замысла. Таким образом, если полученный при помощи технологии искусственного интеллекта результат является реализацией творческого замысла человека, можно констатировать возникновение авторского права на такой объект.

Если технология искусственного интеллекта на простой (несколько слов) текстовый запрос человека генерирует изображение человека на Луне или картины в стиле Дали, то полученный результат не может быть отнесен к объектам авторского права, поскольку отсутствует творческий вклад человека в сгенерированный результат, являющийся исключительно следствием функционирования алгоритмов машинного обучения.

В Руководстве отмечается, что пользователи сервисов искусственного интеллекта, как правило, не проявляют творческого подхода при

постановке задачи, поэтому технология независимо от человека выполняет полученную инструкцию, генерируя результат. Однако в Руководстве допускается, что творческий замысел человека может проявиться как в постановке задачи, так и в творческой переработке результатов, полученных при помощи технологии искусственного интеллекта. В этих случаях авторское право будет распространяться не на весь сгенерированный результат, а на ту его часть, которая обусловлена творческой деятельностью человека⁶².

Проведенное сравнительно-правовое исследование правоприменительной практики в различных странах подтверждает сохранение общего антропоцентричного подхода к интеллектуальной собственности, согласно которому творцом результатов интеллектуальной деятельности может быть только человек. Как отмечает Джеймс Гриммелманн, законодательство об авторских правах не признает компьютерные программы в качестве авторов, поскольку этого и не должно быть. Автор допускает, что когда-нибудь это станет возможным. И с некоторой долей юмора дополняет, что если этот день когда-нибудь наступит, то проблемы авторского права станут наименьшими из наших забот⁶³.

Доктринальные попытки определить правовой режим результатов, сгенерированных искусственным интеллектом (de lege lata vs. de lege ferenda)

Следует отметить, что в научной литературе предпринимаются попытки обосновать возможность включения сгенерированных искусственным интеллектом результатов в действующую схему правового регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности.

Так, предлагается квалифицировать создателя программы искусственного интеллекта в качестве автора всех результатов, сгенерированных таким искусственным интеллектом⁶⁴.

⁶² United States Copyright Office. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence. March 16, 2023. 16190 Federal Register, Vol. 88, NO. 51 // URL: https://www.copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf (дата обращения: 02.11.2023).

⁶³ *Grimmelmann J.* There's No Such Thing as a Computer-Authored Work — And It's a Good Thing, Too // *Columbia Journal of Law & the Arts*. 2016. Iss. 3. P. 403–416.

⁶⁴ См., например: *Мартьянова Е. Ю.* К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом // *Пермский юридический альманах*. 2019. № 2. С. 241–256.

В обоснование данного подхода некоторые авторы приводят доктрину «человек позади машины» («humans behind the machine»), которая отражена в законодательстве Великобритании⁶⁵. Согласно данной доктрине автором признается человек, принявший необходимые меры для создания произведения с помощью компьютера⁶⁶. Следует отметить, что эта доктрина известна и в других странах. Например, в ЮАР суды дифференцируют произведения, созданные при помощи компьютера, от произведений, сгенерированных компьютером⁶⁷.

Выше уже отмечалось, что такие сгенерированные результаты могут быть и не связаны с творческим замыслом человека, поскольку они будут автономно сгенерированы технологией на основе короткого запроса.

Есть доля истины и в словах Д. Н. Мачанова о том, что «работа искусственного интеллекта носит не творческий, а исключительно механический характер: он создает не самостоятельное произведение, а комбинирует, соединяет в определенной последовательности уже ранее созданные другими авторами произведения»⁶⁸. Поскольку исходными данными для машинного обучения технологии искусственного интеллекта служат все достижения человеческой культуры. Бессмертные творения человеческого гения становятся простыми «обучающими данными» для искусственного интеллекта (AI Training Data)⁶⁹.

Несанкционированное использование произведений (без разрешения правообладателей), в отношении которых еще не истек срок действия исключительного права, в качестве обучающих данных для технологии искусственного интеллекта стало новым вызовом в сфере защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Например, представляет интерес одно из первых дел по иску художников Сары Андерсен, Келли Маккернан и Карлы Ортис к операторам онлайн-платформ Stability AI, DeviantArt и Midjourney о нарушении последними авторских прав на произведения изобразительного искусства. Истцы считают, что имело место неоднократное нарушение их исключительных прав, поскольку ответчики без разрешения авторов использовали произведения для работы своих ИИ-генераторов изображений. По мнению истцов, полученные изображения являются производными произведениями, которые были созданы без получения разрешения от правообладателей. Ответчики указывали на то, что деятельность генератора изображений связана с процессом машинного обучения на основе миллиардов изображений, которые находятся в свободном доступе в сети Интернет. Поэтому машинное обучение технологии AI не означает копирования и последующего хранения изображений. По состоянию на конец 2023 г. суд продолжил рассмотрение только иска Сары Андерсен к оператору онлайн-платформы Stability AI. Предложив остальным истцам уточнить свои исковые требования и дополнительно обосновать свои доводы, суд по данному делу указал: если будет установлено, что контент, созданный с помощью искусственного интеллекта, по своему существу подобен (наличие сходства) с работами, защищенными авторским правом, то это может быть квалифицировано в качестве нарушения исключительного права⁷⁰.

В российской и иностранной литературе высказывается также позиция в пользу установления специального правового режима в отношении результатов, сгенерированных искусственным интеллектом⁷¹. Например, отдельные авторы предлагают включить в законодатель-

⁶⁵ Denicola R. C. Ex Machina: Copyright Protection for Computer-Generated Works // Rutgers University Law Review. 2016. Vol. 69. P. 251–287.

⁶⁶ Copyright, Designs and Patents Act 1988, § 9(3) «In the case of a literary, dramatic, musical or artistic work which is computer-generated, the author shall be taken to be the person by whom the arrangements necessary for the creation of the work are undertaken».

⁶⁷ Payen Components South Africa v. Bovic Gaskets (1996) 33 IPR 406–411.

⁶⁸ Мачанов Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом // Образование и право. 2020. № 2. С. 333–335.

⁶⁹ Hacker Ph. A Legal Framework for AI Training Data — From First Principles to the Artificial Intelligence Act // Law, Innovation and Technology. March 18, 2020. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3556598>.

⁷⁰ URL: <https://usattorneys.com/hollywood-california-copyright-infringement-andersen-et-al-v-stability-ai-ltd/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁷¹ См., например: Рахматуллина Р. Ш. Использование технологий искусственного интеллекта и особенности охраны ее результатов // Образование и право. 2020. № 11. С. 173–177.

ство новый вид прав, смежных с авторскими, по модели прав публикатора (ст. 1337 ГК РФ) или изготовителя баз данных (ст. 1333 ГК РФ) либо установить специальный режим *sui generis*⁷².

Согласно ст. 1337 ГК РФ исключительное право публикатору предоставляется в силу того, что он обнаруживает или организует обнаружение произведения науки, литературы или искусства, ранее не обнаруженного и перешедшего в общественное достояние (ст. 1282) либо находящегося в общественном достоянии в силу того, что оно не охранялось авторским правом. Права публикатора распространяются на произведения, которые независимо от времени их создания могли быть признаны объектами авторского права в соответствии с правилами ст. 1259 ГК РФ. Таким образом, «право публикатора не может возникнуть в отношении объектов, не являющихся объектами авторского права, в частности относительно произведений народного творчества (фольклора)»⁷³.

На этом основании можно констатировать, что законодательство стимулирует обнаружение оставшихся неизвестными произведений человеческого творчества, что свидетельствует о проявлении тенденции к гуманизации и социализации гражданского законодательства⁷⁴, поскольку такое обнаружение служит как интересам культурного обогащения общества (социализация), так и способствует увековечиванию имени автора, сохранению его творческого наследия (гуманизация).

Очевидно, что конструкция смежного права, аналогичная праву публикатора, неприменима к «контенту, сгенерированному искусственным интеллектом», поскольку она не будет направлена на решение общесоциальных задач.

Относительно смежного права изготовителя баз данных в литературе также высказывается обоснованная критика. Например, Джулия Джонсон ссылается на исследования Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в которых были выявлены следующие проблемы, связанные с предоставлением правовой охраны базам данных: исключение информации из общественного достояния; создание бессрочных монополий; ограничение свободной передачи информации; ограничение возможностей в разработке программного обеспечения и информационных систем; ограничение доступа к интеллектуальной собственности в развивающихся странах⁷⁵.

На этом основании представляется верной позиция авторов, отстаивающих необходимость оставления результатов, сгенерированных искусственным интеллектом, в сфере общественного достояния⁷⁶. Как справедливо отмечает Виктор Пэлас, «индустрия искусственного интеллекта, вероятнее всего, будет и в дальнейшем процветать независимо от признания ее результатов в качестве объектов интеллектуальных прав, поскольку она имеет собственные стимулы для развития»⁷⁷.

Заключение

Представляются необсужденными доводы авторов, считающих, что переход результатов, сгенерированных искусственным интеллектом, в сферу общественного достояния, лишает разработчиков данной технологии экономических стимулов, поскольку для развития технологии искусственного интеллекта действительно есть

⁷² См., например: *Ramalho A.* Will Robots Rule the (Artistic) World?: A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems // *Journal of Internet Law*. 2017. Iss. 1. P. 1–25 ; *Bonadio E., McDonagh L.* Artificial Intelligence as Producer and Consumer of Copyright Works: Evaluating the Consequences of Algorithmic Creativity // *Intellectual Property Quarterly*. 2020. Iss. 2. P. 112–137 ; *Dornis T. W.* Der Schutz künstlicher Kreativität im Immaterialgüterrecht // *Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht*. 2019. Iss. 12. P. 1252–1264.

⁷³ *Еременко В. И.* О правовой охране смежных прав в Российской Федерации // *Законодательство и экономика*. 2012. № 2. С. 30–55.

⁷⁴ Подробнее см.: *Богданов Е. В.* Проблемы социализации и гуманизации гражданского законодательства России. М. : Проспект, 2023.

⁷⁵ *Johnson J.* Database Protection a Reality? How the Professional and Fantasy Sporting World Could Benefit from a Sui Generis Intellectual Property Right // *Intellectual Property Journal*. 2015. P. 237–256.

⁷⁶ *Mezei P.* Op. cit.

⁷⁷ *Palace V. M.* What if Artificial Intelligence Wrote This? Artificial Intelligence and Copyright Law // *Florida Law Review*. 2019. Vol. 71. Iss. 1. P. 217–242.

свои экономические стимулы, которые оправдывают многомиллиардные инвестиции.

Например, провайдеры технологий генеративного искусственного интеллекта уже начинают принимать на себе обязанность по компенсации расходов (возмещению убытков), если к их пользователям будут предъявлены правообладателями иски о нарушении авторских прав⁷⁸. Так, недавно руководство корпорации OpenAI объявило о политике защиты своих пользователей от исков правообладателей (Copyright Shield). Обязательство по компенсации расходов (убытков) пользователей будет распространяться и на общедоступные функции ChatGPT Enterprise, а также платформы для разработчиков⁷⁹.

Таким образом, в погоне за расширением «клиентской базы» провайдеры генеративного искусственного интеллекта готовы даже принять на себя имущественные риски своих пользователей, если к ним будут предъявлены иски о нарушении исключительных прав: в условиях действующего правового регулирования их бизнес-модель все равно остается высокоприбыльной.

На этом основании можно констатировать, что складываются условия для установления общей модели деликтной ответственности за нарушение провайдерами генеративного интеллекта исключительных прав авторов и других правообладателей. Это может быть обосновано с позиций дистрибутивной (распределяющей) справедливости, согласно которой «кто получает выгоду, тот и несет риск имущественных потерь»⁸⁰.

Результаты, сгенерированные искусственным интеллектом, по общему правилу должны оставаться в общественном достоянии. Иного и быть не должно, поскольку ни разработчики программного обеспечения с применением технологии искусственного интеллекта, ни его пользователи, вводящие короткие запросы «нарисовать картинку или написать стихотворение в стиле...», не вправе приватизировать интеллектуальное и культурное наследие

человеческого общества — труд тысяч и миллионов людей-авторов, людей-творцов. Если все достижения человеческой культуры, общественное достояние, становятся «обучающими данными» для искусственного интеллекта, то и полученные результаты должны оставаться в свободном доступе и общественном достоянии. Интеллектуальные права (ст. 1226 ГК РФ) на объекты интеллектуальной собственности (ст. 1225 ГК РФ) могут возникнуть, если результаты, сгенерированные искусственным интеллектом, будут творчески переработаны человеком либо человек проявит творческое начало при формулировании соответствующего запроса.

В завершение хочется вновь вернуться к стихотворению А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Там есть такие строки: «...Где ж правота, когда священный дар / Когда бессмертный гений — не в награду / Любви горящей, самоотверженья, / Трудов, усердия, молений послан — / А озаряет голову безумца, / Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!..». Данные строки описывают глубокое возмущение Сальери, что творческий дар (бессмертный гений) дан незаслуженно Моцарту. Что можно ответить? Не ему судить. Как не судить об этом и трансгуманисту. Человеку не дано собственной меркой измерить ни самого себя, ни то, что находится выше его (Божью искру в человеке).

Для справедливости сто́ит отметить, что вина Сальери в убийстве Моцарта не доказана. В 1997 г. в суде Милана слушалось дело, где на стороне защиты и обвинения выступали биографы Моцарта и Сальери. Суд оправдал Сальери за недоказанностью в его действиях состава преступления. Сальери был великим музыкантом и педагогом — он был наставником многих известных композиторов, например Бетховена, Листа и Шуберта. После смерти Моцарта Сальери учил музыку его сына⁸¹. В качестве одного из доказательств вины Сальери рассматривались записи из «разговорных тетрадей» Бетховена, который страдал глухотой. В тетради была запись, что якобы Сальери

⁷⁸ Kim J., Cramer P. OpenAI's «Copyright Shield» Broadens User IP Indemnities for AI-created Content // URL: <https://newmedialaw.proskauer.com/2023/11/10/openai-copyright-shield-broadens-user-ip-indemnities-for-ai-created-content/#page=1> (дата обращения: 12.10.2023).

⁷⁹ URL: <https://openai.com/blog/new-models-and-developer-products-announced-at-devday> (дата обращения: 05.10.2023).

⁸⁰ Богданов Д. Е. Трехединая сущность справедливости в сфере деликтной ответственности // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 49–62.

⁸¹ URL: <https://diletant.media/articles/35427553/> (дата обращения: 07.10.2023).

признался в совершенном убийстве, после того как в старости был помещен в больницу в связи с наличием психического заболевания⁸². Однако отсутствовали другие доказательства, медицинский персонал больницы отрицал признание Сальери⁸³.

Поэтому оставим данный вопрос историкам и биографам. Не будем критиковать А. С. Пушкина за выдвинутое им обвинение в адрес Сальери. В своем стихотворении гений А. С. Пушкина зримо продемонстрировал, как искра священного дара озаряет творящего че-

ловека. Эта искра озаряла страдавшего глухотой Людвиг ван Бетховена, продолжавшего творить бессмертные музыкальные произведения несмотря на то, что он был оторван от «внешних данных» и «слоев прецедентов».

На этом основании можно утверждать, что стереоботом права интеллектуальной собственности остается тезис, что творцом является только человек. Им и останется в дальнейшем. Технологическая и трансгуманистическая революция в праве интеллектуальной собственности не свершилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов Е. В. Проблемы социализации и гуманизации гражданского законодательства России. М. : Проспект, 2023. 272 с.
- Гозенпуд А. А. Заметки о «Моцарте и Сальери» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 2002. № 2. С. 171–180.
- Дубровский Д. И. В театре Дэниэла Деннета (по поводу одной популярной концепции сознания) // Вопросы философии. 2003. № 7. С. 92–111.
- Еременко В. И. О правовой охране смежных прав в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2012. № 2. С. 30–55.
- Исаева М. В. Колористическая палитра фресок Феррапонтова монастыря // Вестник культуры и искусств. 2010. № 1 (21). С. 77–81.
- Кириллина Л. Бетховен и Сальери // Старинная музыка. 2000. № 2 (8). С. 15–19.
- Кирюхин Д. В. «Incipit Liber De naturis bestiarum...» — Абердинский bestiарий на занятиях по латинскому языку // Преподаватель, XXI век. 2018. № 4. С. 247–254.
- Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 75–81.
- Мартыанова Е. Ю. К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 241–256.
- Маслов В. И., Лукьянов И. В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27, Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 38–48.
- Мачанов Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом // Образование и право. 2020. № 2. С. 333–335.
- Мерцалов А. В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Серия 7, Философия. 2022. № 5. С. 72–90.
- Покровский И. А. История римского права. М. : Статут, 2004. 538 с.
- Райгородский Л. Д. Пространство в искусстве Джотто // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 117–124.
- Райгородский Л. Д. Пространство в картинах Эль Греко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. № 4. С. 96–105.
- Рахматуллина Р. Ш. Использование технологии искусственного интеллекта и особенности охраны ее результатов // Образование и право. 2020. № 11. С. 173–177.
- Федоров Ю. М. Сумма антропологии. Кн. 2 : Космо-антропо-социоприродогенез Человека. 2-е изд. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 833 с.
- Юм Д. Исследование о человеческом познании // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 6–144.

⁸² Кириллина Л. Бетховен и Сальери // Старинная музыка. 2000. № 2 (8). С. 15–19.

⁸³ Гозенпуд А. А. Заметки о «Моцарте и Сальери» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 2002. № 2. С. 171–180.

- Abbott R. B., Rothman E.* Disrupting Creativity: Copyright Law in the Age of Generative Artificial Intelligence // Florida Law Review. 2022. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4185327>.
- Arvidsson M.* Targeting, Gender, and International Posthumanitarian Law: Framing the Question of the Human in International Humanitarian Law // Australian Feminist Law Journal. 2018. Vol. 44. № 1. P. 9–28.
- Barad K.* Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter // Signs. 2003. Vol. 28. № 3. P. 801–831.
- Benassi J.* Paradise Lost: Art Created by AI Is Ineligible for Copyright Protection // URL: <https://www.ipupdate.com/2022/03/paradise-lost-art-created-by-ai-is-ineligible-for-copyright-protection/>.
- Bonadio E., McDonagh L.* Artificial Intelligence as Producer and Consumer of Copyright Works: Evaluating the Consequences of Algorithmic Creativity // Intellectual Property Quarterly. 2020. Iss. 2. P. 112–137.
- Braidotti R.* Posthuman Knowledge. Cambridge : Polity, 2019. 210 p.
- Braidotti R.* The Posthuman. Cambridge : Polity Press, 2013. 200 p.
- Charter N.* The Mind Is Flat: The Illusion of Mental Depth and the Improvised Mind. New Haven : Yale University Press, 2019. 312 p.
- Choat S.* Science, Agency and Ontology: A Historical-Materialist Response to New Materialism // Political Studies. 2018. Vol. 66. № 4. P. 1027–1042.
- Craig C. J., Kerr I. R.* The Death of the AI Author. Osgoode Legal Studies Research Paper (March 25, 2019) // Ottawa Law Review. 2021. Vol. 52. Iss. 1. P. 31–86. URL: <https://rdo-olr.org/2021/the-death-of-the-ai-author>.
- Denicola R. C.* Ex Machina: Copyright Protection for Computer-Generated Works // Rutgers University Law Review. 2016. Vol. 69. P. 251–287.
- Dennett D.* Consciousness Explained. Little Brown, 2017. 528 p.
- Ferrante A., Sartori D.* From Anthropocentrism to Post-Humanism in the Educational Debate // Relations. 2016. Vol. 4. № 2. P. 175–194.
- Gear A.* Deconstructing Anthropos: A Critical Legal Reflection on «Anthropocentric» Law and Anthropocene «Humanity» // Law Critique. 2015. Vol. 26. P. 225–249.
- Greenberg B. A.* Rethinking Technology Neutrality // Minnesota Law Review. 2015. Vol. 100. P. 1495–1562.
- Grimmelmann J.* There's No Such Thing as a Computer-Authored Work — And It's a Good Thing, Too // Columbia Journal of Law & the Arts. 2016. Iss. 3. P. 403–416.
- Hacker Ph.* A Legal Framework for AI Training Data — From First Principles to the Artificial Intelligence Act // Law, Innovation and Technology. March 18, 2020. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3556598>.
- Hepp A.* Deep Mediatization. London : Routledge, 2020. 260 p.
- Hoffman D.* The Case Against Reality: How Evolution Hid the Truth from Our Eyes. London : Allen Lane, 2019. 272 p.
- Johnson J.* Database Protection a Reality? How the Professional and Fantasy Sporting World Could Benefit from a Sui Generis Intellectual Property Right // Intellectual Property Journal. 2015. Vol. 27. № 2. P. 237–256.
- Kalpokiene J., Kalpokas I.* Creative encounters of a posthuman kind — anthropocentric law, artificial intelligence, and art // Technology in Society. 2023. Vol. 72. P. 102–197.
- Lee H.* Rethinking Creativity: Creative Industries, AI and Everyday Creativity // Media, Culture & Society. 2022. Vol. 44. № 3. P. 601–612.
- Litman J.* Digital Copyright. Amherst : Prometheus Books, 2006. 216 p.
- Lupton D., Watson A.* Towards More-than-Human Digital Data Studies: Developing Research-Creation Methods // Qualitative Research. 2021. Vol. 21. Iss. 4. P. 463–480.
- Margulies J. D., Bersaglio B.* Furthering Post-Human Political Ecologies // Geoforum. 2018. Vol. 94. P. 103–106.
- Mauthner N. S.* Toward a Posthumanist Ethics of Qualitative Research in a big data Era // American Behavioral Scientist. 2019. Vol. 63. Iss. 6. P. 669–698.
- Mezei P.* From Leonardo to the Next Rembrandt — The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms // UFITA. 2020. Vol. 84. № 2. P. 390–429.
- Miller V.* Understanding Digital Culture. Los Angeles : SAGE Publications, 2020. 310 p.
- Moruzzi C.* Artificial Creativity and General Intelligence // Journal of Science and Technology of the Arts. 2021. Vol. 12. № 3. P. 84–99.
- Nevejans N.* European Civil Law Rules in Robotics. European Union, 2016. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf).
- Palace V. M.* What if Artificial Intelligence Wrote This? Artificial Intelligence and Copyright Law // Florida Law Review. 2019. Vol. 71. Iss. 1. P. 217–242.

Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems // *Journal of Internet Law*. 2017. Iss. 1. P. 1–25.

Ricketson S., Ginsburg J. C. *International Copyright and Neighbouring Rights: The Berne Convention and Beyond*. Vol. 1. 2nd ed. Oxford University Press, 2006. 1540 p.

Roden D. Posthumanism: Critical, Speculative, Biomorphical // *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism* / M. R. Thomsen, J. Wamberg (eds). New York : Bloomsbury Academic, 2022. P. 81–93.

Srinivasan K., Kasturirangan R. Political Ecology, Development and Human Exceptionalism // *Geoforum*. 2016. Vol. 75. P. 125–128.

Thomsen M. R., Wamberg J. Introduction // *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism* / M. R. Thomsen, J. Wamberg (eds). New York : Bloomsbury Academic, 2022. P. 1–10.

Zibner J. Artificial Intelligence: A Creative Player in the Game of Copyright // *European Journal of Law and Technology*. 2019. Iss. 1. P. 1–20.

REFERENCES

Abbott RB, Rothman E. Disrupting Creativity: Copyright Law in the Age of Generative Artificial Intelligence. *Florida Law Review*; 2022. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4185327>.

Arvidsson M. Targeting, Gender, and International Posthumanitarian Law: Framing the Question of the Human in International Humanitarian Law. *Australian Feminist Law Journal*. 2018;44(1):9-28.

Barad K. Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs*. 2003;28(3):801-831.

Benassi J. Paradise Lost: Art Created by AI Is Ineligible for Copyright Protection. Available at: <https://www.ipupdate.com/2022/03/paradise-lost-art-created-by-ai-is-ineligible-for-copyright-protection/>.

Bogdanov EV. Problems of socialization and humanization of the civil legislation of Russia. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Bonadio E, McDonagh L. Artificial Intelligence as Producer and Consumer of Copyright Works: Evaluating the Consequences of Algorithmic Creativity. *Intellectual Property Quarterly*. 2020;2:112-137.

Braidotti R. *Posthuman Knowledge*. Cambridge: Polity Press; 2019.

Braidotti R. *The Posthuman*. Cambridge: Polity Press; 2013.

Charter N. *The Mind Is Flat: The Illusion of Mental Depth and the Improvised Mind*. New Haven: Yale University Press; 2019.

Choat S. Science, Agency and Ontology: A Historical-Materialist Response to New Materialism. *Political Studies*. 2018;66(4):1027-1042.

Craig CJ, Kerr IR. The Death of the AI Author. Osgoode Legal Studies Research Paper (March 25, 2019). *Ottawa Law Review*. 2021;2(1):31-86. Available at: <https://rdo-olr.org/2021/the-death-of-the-ai-author>.

Denicola RC. Ex Machina: Copyright Protection for Computer-Generated Works. *Rutgers University Law Review*. 2016;69:251-287.

Dennett D. *Consciousness Explained*. Little Brown; 2017.

Dubrovskiy DI. The Daniel Dennett's Theater (about a Popular Concept of Consciousness). *Voprosy Filosofii*. 2003;7:92-111. (In Russ.).

Eremenko VI. On the legal protection of related rights in the Russian Federation. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. 2012;2:30-55. (In Russ.).

Fedorov YuM. Sum of anthropology. Book 2: Cosmo-anthropo-socioproductogenesis of Man. 2nd ed. Novosibirsk: Nauka Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences; 1996. (In Russ.).

Ferrante A, Sartori D. From Anthropocentrism to Post-Humanism in the Educational Debate. *Relations*. 2016;4(2):175-194.

Gozenpud AA. Notes on «Mozart and Salieri» by Pushkin. *Vremennik Pushkinskoj komissii*. 2002;2:171-180. (In Russ.).

Grear A. Deconstructing Anthropos: A Critical Legal Reflection on «Anthropocentric» Law and Anthropocene «Humanity». *Law Critique*. 2015;26:225-249.

Greenberg BA. Rethinking Technology Neutrality. *Minnesota Law Review*. 2015;100:1495-1562.

Grimmelmann J. There's No Such Thing as a Computer-Authored Work — And It's a Good Thing, Too. *Columbia Journal of Law & the Arts*. 2016;3:403-416.

- Hacker Ph. A Legal Framework for AI Training Data — From First Principles to the Artificial Intelligence Act. *Law, Innovation and Technology*. March 18, 2020. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3556598>.
- Hepp A. *Deep Mediatization*. London: Routledge; 2020.
- Hoffman D. *The Case Against Reality: How Evolution Hid the Truth from Our Eyes*. London: Allen Lane; 2019.
- Hume D. *Philosophical Essays Concerning Human Understanding*. Essays: in 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1996. (In Russ.).
- Isaeva MV. The color palette of frescoes of the Ferapontov Monastery. *Culture and Arts Herald*. 2010;1(21):77-81. (In Russ.).
- Johnson J. Database Protection a Reality? How the Professional and Fantasy Sporting World Could Benefit from a Sui Generis Intellectual Property Right. *Intellectual Property Journal*. 2015;27(2):237-256.
- Kalpokiene J., Kalpokas, I. Creative encounters of a posthuman kind — anthropocentric law, artificial intelligence, and art. *Technology in Society*. 2023;72:102-197.
- Kirillina L. Beethoven and Salieri. *Starinnaya muzyka = Early music quarterly*. 2000;2(8):15-19. (In Russ.).
- Kiryukhin DV. «Incipit Liber De naturis bestiarum...» — The Aberdeen Bestiary in Latin language classes. *Prepodavatel, XXI vek*. 2018;4:247-254. (In Russ.).
- Kuteynikov DL, Izhaev OA, Zenin SS, Lebedev VA. The nature and legal features of cyber-physical, cyber-biological and artificial cognitive systems. *Rossijskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*. 2019;3(111):75-81. (In Russ.).
- Lee H. Rethinking Creativity: Creative Industries, AI and Everyday Creativity. *Media, Culture & Society*. 2022;44(3):601-612.
- Litman J. *Digital Copyright*. Amherst: Prometheus Books; 2006
- Lupton D, Watson A. Towards More-than-Human Digital Data Studies: Developing Research-Creation Methods. *Qualitative Research*. 2021;21(4):463-480.
- Machanov DN. Criteria for creative activity or contribution of copyright objects created by artificial intelligence. *Education and Law*. 2020;2:333-335. (In Russ.).
- Margulies JD, Bersaglio B. Furthering Post-Human Political Ecologies. *Geoforum*. 2018;94:103-106.
- Martianova EYu. On the issue of determining the subject of authorship in respect of works created by artificial intelligence. *Perm Law Almanac*. 2019;2:241-256. (In Russ.).
- Maslov VI, Lukyanov IV. The fourth industrial revolution: origins and consequences. *Bulletin of the Moscow University. Series 27, Global Studies and Geopolitics*. 2017;2:38-48. (In Russ.).
- Mauthner NS. Toward a Posthumanist Ethics of Qualitative Research in a big data Era. *American Behavioral Scientist*. 2019;63(6):669-698.
- Mertsalov AV. Agency, personal identity, and moral responsibility. *Bulletin of the Moscow University. Series 7, Philosophy*. 2022;5:72-90. (In Russ.).
- Mezei P. From Leonardo to the Next Rembrandt — The Need for AI-Pessimism in the Age of Algorithms. *UFITA*. 2020;84(2):390-429.
- Miller V. *Understanding Digital Culture*. Los Angeles: SAGE Publications; 2020.
- Moruzzi C. Artificial Creativity and General Intelligence. *Journal of Science and Technology of the Arts*. 2021;12(3):84-99.
- Nevejans N. *European Civil Law Rules in Robotics*. European Union; 2016. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU\(2016\)571379_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf).
- Palace VM. What if Artificial Intelligence Wrote This? Artificial Intelligence and Copyright Law. *Florida Law Review*. 2019;71(1):217-242.
- Pokrovskiy IA. *The history of Roman law*. Moscow: Statute Publ.; 2004. (In Russ.).
- Rakhmatullina RS. The use of artificial intelligence technology and the specifics of protecting its results. *Education and Law*. 2020;11:173-177. (In Russ.).
- Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems. *Journal of Internet Law*. 2017;(1):1-25.
- Raygorodskiy LD. Space in Giotto's Art. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2013;1:117-124. (In Russ.).
- Raygorodskiy LD. Space in El Greco Paintings. *Vestnik of St. Petersburg University. Arts*. 2014;4:96-105. (In Russ.).
- Ricketson S, Ginsburg JC. *International Copyright and Neighbouring Rights: The Berne Convention and Beyond*. Vol. 1. 2nd ed. Oxford University Press; 2006.
- Roden D. Posthumanism: Critical, Speculative, Biomorph. In: Thomsen MR and Wamberg J (eds). *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism*. New York: Bloomsbury Academic; 2022.

Srinivasan K, Kasturirangan R. Political Ecology, Development and Human Exceptionalism. *Geoforum*. 2016;75:125-128.

Thomsen MR, Wamberg J. Introduction. In: Thomsen MR and Wamberg J (eds). *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism*. New York: Bloomsbury Academic; 2022.

Zibner J. Artificial Intelligence: A Creative Player in the Game of Copyright. *European Journal of Law and Technology*. 2019;(1):1-20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); научный руководитель кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасского государственного университета юстиции

д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
debogdanov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Bogdanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Scientific Director, Department of Civil Law Disciplines, Donbass State University of Justice 9, build. 2, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
debogdanov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 1 декабря 2023 г.

Принята к печати 18 декабря 2023 г.

Received 20.10.2023.

Revised 01.12.2023.

Accepted 18.12.2023.

В. Н. Шиханов

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Российская Федерация

Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода

Резюме. В статье рассмотрены возможности разрешения некоторых проблем квалификации преступлений с помощью юрико-конструкционистского подхода. В фокусе юридического анализа оказываются структурные особенности конкретного нормативного предписания уголовного закона с особенностями связей между его элементами. Автор показывает, во-первых, как применение разных юридических конструкций к сходным фактическим обстоятельствам меняет правовую оценку содеянного от варианта оконченного преступления через покушение на его совершение и до выводов об отсутствии состава уголовно наказуемого деяния. Во-вторых, автор ставит на обсуждение вопрос определения не только момента юридического окончания преступления, но и момента юридического начала для нахождения границ между приготовлением к совершению преступления и покушением на его совершение. Предложено авторское понимание юридической конструкции в уголовном праве, а также ее содержание. На примере судебного нормативного толкования и правоприменительной практики автор доказывает, что юридические конструкции могут меняться, притом что диспозиция статьи Особенной части уголовного закона может оставаться неизменной. По мнению автора, основную работу по описанию и видоизменению юридических конструкций проводит Верховный Суд РФ, в том числе его Пленум. Продемонстрированы положительные стороны конструкционистского подхода при юридическом анализе неоконченного преступления, а также сложности, которые могут быть им вызваны. Для наглядности с помощью анализа юридических конструкций рассмотрены подходы к квалификации посягательств на жизнь двух и более лиц, когда одному потерпевшему причинена смерть, а одному или нескольким другим потерпевшим смерть не была причинена по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного. В процессе этого анализа продемонстрировано разграничение покушения на убийство двух и более лиц и приготовления к такому преступлению, прокомментированы решения апелляционных судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: неоконченное преступление; покушение на преступление; приготовление к преступлению; юридическая конструкция; толкование права; юридическая техника; момент окончания преступления; методы юридического анализа; убийство двух лиц; хищение бюджетных средств

Для цитирования: Шиханов В. Н. Неоконченное преступление в уголовном праве: перспективы конструкционистского подхода. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 54–66. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066

An Inchoate Crime in Criminal Law: Prospects of a Constructionist Approach

Vladimir N. Shikhanov

Irkutsk Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper considers the possibilities of solving some problems of crime qualification using the juridical-constructionist approach. The focus of the legal analysis is on the structural features of a specific normative prescription of the criminal law with the peculiarities of the connections between its elements. First, the author shows how the application of different legal structures to similar facts of the case changes the legal assessment of what has been done from a completed crime through an attempt to commit it and to conclusions about the absence of a criminally punishable act. Second, the author discusses the issue of determining not only the moment of the legal completion of the crime, but also the moment of the legal beginning of the crime to find the boundaries between the preparation for the commission of a crime and the attempt to commit it. The author provides his understanding of the legal structure in criminal law, as well as its content. Using the example of judicial normative interpretation and law enforcement practice, the author proves that legal structures can change, despite the fact that the disposition of an article of a Special part of the Criminal Law may remain unchanged. According to the author, the main work on the description and modification of legal structures is carried out by the Supreme Court of the Russian Federation, including its Plenum. The paper demonstrates positive aspects of the constructionist approach in the legal analysis of an unfinished crime, as well as the difficulties that may be caused by it. For clarity, using the analysis of legal structures, the author elucidates approaches to the qualification of attacks on the life of two or more persons, when one victim was killed, and one or more other victims were not killed due to circumstances independent of the will of the perpetrator. In the process of this analysis, the author demonstrates the distinction between attempted murder of two or more persons and preparations for such a crime, and provides his considerations concerning decisions of the courts of appeal of general jurisdiction.

Keywords: Inchoate (unfinished) crime; attempted crime; preparation for a crime; legal construction; interpretation of law; legal technique; the moment of the end of the crime; methods of legal analysis; murder of two persons; budgetary funds embezzlement

Cite as: Shikhanov VN. An Inchoate Crime in Criminal Law: Prospects of a Constructionist Approach *Lex russica*. 2024;77(1):54-66. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.054-066

В современном отечественном уголовном праве присутствует выраженная идея унифицировать многие подходы к урегулированию разных сторон правоприменения, в том числе квалификации неоконченного преступления со всеми нюансами приготовления к преступлению и покушения на его совершение.

Нельзя не отметить, что российская юридическая техника тяготеет к лаконичным и удобным формулировкам. Это способствует их усвоению, однако нередко остается простор для разного прочтения нормативных предписаний и за скобками оказываются детали, в которых тот самый «диавол». С другой стороны, у правоприменителя возникает пространство для маневра, что способствует заполнению возможных пробелов в правовом регулировании, хотя и этот аспект создает разноречивость в подходах среди работников правоохранительных органов, судей, адвокатов, правоведов. Отсюда одна и та же правовая норма в разных регионах либо в разное время начинает демонстрировать разные смыслы, а также различные

границы преступного и не преступного. Разумеется, такая ситуация задает весьма определенный запрос к науке — систематизировать эту разнородную практику, сделать уголовно-правовые предписания более ясными и недвусмысленными.

Примером может являться вопрос о том, как понимать покушение на преступление с точки зрения разницы между формулировками «недоведение преступления до конца» и «недоведение умысла до конца»? При первом приближении может показаться, что обе формулировки подразумевают одно и то же, хотя строгое следование тексту ст. 29 и 30 УК РФ указывает только на первый вариант высказывания. Вместе с тем определенные техники толкования позволяют отождествлять «недоведение преступления до конца» с «недоведением умысла до конца». На первый взгляд, попытки различения этих формулировок могут показаться излишним юридическим крючкотворством, однако в действительности за ними кроется серьезнейший вопрос, который вызывает зна-

чимые правовые последствия для всех сторон уголовного процесса.

Не менее важным оказывается и другой аспект: где находятся границы между приготовлением к преступлению и покушением на преступление? Что означают «действия, непосредственно направленные на совершение преступления» (ч. 3 ст. 30 УК РФ)? Результаты анализа многообразной социальной и юридической практики могут поразить даже самого искушенного юриста в вопросах выбора между «приготовлением» и «покушением». Несомненно, выбор в ту или иную сторону существеннейшим образом влияет на судьбу виновного и реализацию задач уголовного законодательства (ввиду разных правил назначения наказания, а также положений ч. 2 ст. 30 УК РФ о том, что уголовную ответственность влечет приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению).

В обзорах судебной практики и в учебной литературе имеется хорошее предложение для решения обозначенных проблем: при покушении на преступление сам непосредственный объект уголовно-правовой охраны начинает претерпевать негативные изменения, однако итоговый вред (указанный в статье Особенной части УК РФ) ему не причиняется. И напротив, в случае приготовления объект уголовно-правовой охраны таких негативных изменений не претерпевает вовсе. Суды апелляционной и кассационной инстанций подмечали эти нюансы в нестандартных, казалось бы, ситуациях¹, однако имеются и такие случаи, которые не находят однозначного решения.

Анализ судебных решений и научных публикаций позволяет предположить, что правоприменителям и правоведам подчас не хватает языковых средств для того, чтобы описать грань между приготовлением и покушением

на преступление применительно к конкретным случаям. Она постоянно ускользает и остается некоторым ощущением, которое прячется между строк текста приговора суда или учебника, комментария к УК РФ или научной статьи. Вместе с тем состязательность сторон и преследование ими разных задач, принадлежность исследователей к разным научным школам обуславливают использование ими разных аргументов и формулирование разных выводов в вопросах разграничения между приготовлением к преступлению и покушением на него, а также разные решения проблемы конкуренции целого и части: является ли содеянное окончательным преступлением по одной части статьи Особенной части УК РФ или же покушением, в том числе на квалифицированный состав преступления, из этой же статьи.

Обозначенная проблема не нова, и отечественные правоведа предложили немало алгоритмов и признаков, с помощью которых можно выбрать правильное решение о квалификации содеянного. Вместе с тем очень часто такие предложения носят контекстуальный, не универсальный характер, позволяющий решать только часть типичных ситуаций, а потому они недостаточно пригодны для других случаев (не ставших конкретными примерами в ходе юридического исследования).

В качестве одного из перспективных методов, составляющих альтернативу классическому логико-юридическому анализу, можно предложить юридико-конструкционистский подход. Его основы, а также примеры использования можно найти в трудах Р. ф. Иеринга², А. Ф. Черданцева³, применительно к уголовному праву — Л. Л. Кругликова и О. Е. Спиридоновой⁴, П. С. Яни⁵, К. В. Ображиева⁶, А. П. Козлова⁷ и целого ряда других известных правоведов современности. Во многом, на наш взгляд, на-

¹ «В соответствии со ст. 30 ч. 3 УК РФ покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Это означает, что охраняемый уголовным законом объект уже начинает претерпевать изменения, а действия (бездействие) являются частью объективной стороны окончательного преступления» (постановление Президиума Верховного Суда Республики Алтай от 11.03.2010 // Верховный Суд Республики Алтай : сайт. URL: http://vs.ralt.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=697 (дата обращения: 08.05.2023)).

² *Иеринг Р.* Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905. URL: https://expert.kursksu.ru/wp-content/uploads/2019/02/Ihering_Yuridicheskaya_tekhnika.pdf (дата обращения: 03.10.2023).

³ *Черданцев А. Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

⁴ *Кругликов Л. Л.* Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005.

званный подход опирается на представление о праве, разработанное Г. Кельзеном⁸.

В таком случае «покушение на преступление» мы станем рассматривать как юридическую конструкцию, закрепленную в уголовном законе. Вопрос лишь в том, будет ли она полностью универсальной, или же она зависит от юридической конструкции состава преступления определенного вида.

Но здесь возникает и другой, не менее важный вопрос: кто устанавливает/формирует эти конструкции состава преступления? Дело в том, что в уголовном кодексе их видно не всегда.

Для примера обратим внимание на ст. 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств» УК РФ. В ее диспозиции много лет ничего не менялось. При этом в любом учебнике или комментарии к УК РФ мы встретим позицию, что состав этого преступления является формальным и юридически содеянное окончено с момента списания денег со счета получателя бюджетных средств. Для этого уполномоченное должностное лицо должно принять юридически значимое решение о расходовании бюджетных средств (по целям и условиям, которые не соответствуют условиям их получения) — направить распорядительный финансовый документ для проведения операции по счету. Крупный размер бюджетных средств в таком случае является не признаком общественно опасных последствий (наступления таковых и не требуется), а количественным признаком предмета преступного посягательства⁹.

Получается, что действия органов казначейства либо банка по перечислению бюджетных средств гражданам или организациям находятся за рамками состава преступления: они не являются деянием и не признаются причинной связью из-за формальной конструкции объективной стороны состава преступления.

Вместе с тем с 1 января 2022 г. в Бюджетном кодексе РФ действуют поправки, в соответствии с которыми расходование бюджетных средств осуществляется через механизм казначейского сопровождения (ст. 242.19 БК РФ; Федеральный закон от 01.07.2021 № 244-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия пункта 4 статьи 242.17 Бюджетного кодекса Российской Федерации»). Для этих целей создается специальный счет, с которого органы финансового контроля разрешают «получателю средств из бюджета» (подрядчику по контрактам на выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд) получить денежные средства — после проверки обоснованности решения должностного лица (заказчика) о расходовании бюджетных средств. Таким образом, де-факто и в некоторой степени даже де-юре решение о списании денежных средств со счета будет происходить после решения работника казначейства¹⁰, который проверит законность и обоснованность решения «должностного лица получателя бюджетных средств», т.е. того самого лица, которое обладает признаками субъекта преступления из ст. 285.1 УК РФ. Иными словами, теперь «субъект нецелевого расходования» стал юридически несамостоятельным в расходовании бюджетных средств.

С позиции финансового администрирования вопросов к этому механизму, пожалуй, нет, а вот с позиции его уголовно-правового сопровождения — много. Ситуация, похожая на «идеальный газ», бывает далеко не всегда: как применять рассматриваемую статью уголовного закона, если после решения «должностного лица получателя бюджетных средств» органы казначейства скажут «нет» и в проведении платежа откажут, т.е. не дадут «получателю средств

⁵ Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 8 (946). С. 24–28; Он же. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Проблемы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 258–259.

⁶ Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : монография. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2015.

⁷ Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

⁸ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015.

⁹ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. С. 120–121; Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации служебных преступлений : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр, 2021. С. 571; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. Н. И. Пикурова, К. В. Ображиева. М. : Проспект, 2023. Т. 3. С. 621–622.

¹⁰ Для упрощения будем называть так уполномоченных лиц органов финансового контроля.

из бюджета» (подрядчику) воспользоваться средствами на соответствующем специальном счете? Бюджетные средства в этом случае фактически не израсходованы, органы публичной власти продолжают ими владеть и могут ими распорядиться в установленном порядке. При этом в диспозиции ст. 285.1 УК РФ говорится именно об их «расходовании», а не о «принятии решения о расходовании». Преступный результат не наступил, вред бюджетным отношениям предотвращен по обстоятельствам, которые не зависели от виновного должностного лица. Но ведь должностное лицо «получателя бюджетных средств» приняло решение о расходовании и в научной литературе, а также в учебниках и комментариях к уголовному закону принятие такого решения, по сути, и связывается с моментом юридического окончания преступления.

Суд, по-видимому, будет решать предметный вопрос: виновное лицо израсходовало бюджетные средства (нецелевым образом) или не смогло их расходовать? Ответ: скорее второй вариант. Можно ли в этой ситуации сказать, что виновное лицо не смогло расходовать эти средства по обстоятельствам, которые от него не зависели (ввиду пресечения незаконных действий органами финансового контроля)? Ответ: скорее да.

Но, быть может, конструкция в ст. 285.1 УК РФ является специфической и момент юридического окончания вынесен на более раннюю стадию? Но ни сам уголовный закон, ни постановления Пленума Верховного Суда, ни опубликованная судебная практика, ни комментарии к УК РФ или учебники по уголовному праву не дают оснований для таких утверждений. В юридическом сообществе и специальной литературе признано, что состав преступления, предусмотренного статьей 285.1 УК РФ, не является усеченным и речи о вынесении момента юридического окончания на более раннюю стадию всё же не идет.

Можно рассмотреть эту ситуацию в другом ракурсе. Представим себе хищение при подобных же вводных, определив лишь то, что «должностное лицо получателя бюджетных средств» знает: своими действиями по подписанию финансовых документов оно отдает распоряжение на оплату работ, которые не были выполнены (и не будут), или на оплату услуг, которые не были оказаны, или на оплату товаров, приобретаемых по заведомо завышенной цене. По многим признаками мы обнаружива-

ем в содеянном состав хищения, однако опять же органы финансового контроля блокируют проведение платежа и «получатель средств из бюджета» не получает этих денежных средств — они остаются на специальных счетах. Можно ли считать хищение окончанным? Разумеется, нет. Правила квалификации и сложившаяся практика однозначно выводили бы нас на вариант покушения на хищение, ведь ни распорядиться похищенным, ни списать безлические денежные средства со счета виновному лицу не удалось по обстоятельствам, которые от него не зависели.

Однако если бы по традиции (не самой правильной, на наш взгляд) содеянное решили квалифицировать по ст. 285 или 286 УК РФ, то возник бы новый вопрос: можем ли мы говорить о покушении на совершение преступления? Именно практика вменения названных статей гл. 30 УК РФ содержит скорее отрицательный ответ, нежели положительный: мол, существенный вред правоохраняемым общественным отношениям не причинен, общественно опасные последствия не наступили, а потому имеются основания для применения мер разве что дисциплинарной ответственности.

Здесь, на наш взгляд, как раз и следует остановиться и осмыслить причины такой разности в правовой оценке содеянного, в том числе с позиции выбора между окончанным и неоконченным преступлением с разновидностями последнего. В этом моменте ярко подсвечиваются именно юридические конструкции: они по-разному работают на сходных фактических обстоятельствах.

При этом остается вопрос об авторе этих конструкций. Так, для ст. 285.1 УК РФ в настоящее время конструкция однозначно склонна к трансформации из-за изменений в бюджетном законодательстве и бюджетных отношениях. Вместе с тем Верховный Суд РФ может де-факто и полномочен де-юре оставить конструкцию прежней: достаточно заявить в «практикообразующем» решении: либо в Бюллетене Верховного Суда, либо в постановлении Пленума Верховного Суда, либо в ответе на вопросы судов, что «преступление, предусмотренное статьей 285.1 УК РФ, считается окончанным в момент принятия юридически значимого решения о списании бюджетных средств с соответствующего счета, независимо от последующих действий органов финансового контроля». Заметим, что диспозиция ст. 285.1 УК РФ будет переозвучена и вместо «расходования» бюд-

жетных средств станет карать за «принятие решения о расходовании».

Обратим внимание на другие примеры. В отечественном уголовном законе имеется конструкция преступления с двумя формами вины. Это именно конструкция, поскольку преступление с тяжкими неосторожными последствиями в целом признается умышленным, однако его субъективная сторона не подходит ни под один вариант умысла, предусмотренного статьей 25 УК РФ. Налицо юридическая фикция. И здесь возникает вопрос: возможно ли покушение на совершение преступления с двумя формами вины? Уголовный закон снова не дает прямого ответа, однако юридико-конструкционистская работа Верховного Суда позволяет выработать конкретные подходы.

Итак, несложно определить, что преступления с двумя формами вины строятся по двум разновидностям юридической конструкции. Первая имеет в основании материальный состав преступления (с дополнительным более тяжким последствием по неосторожности). Яркий пример — преступление, предусмотренное частью 4 ст. 111 УК РФ. Второй тип юридической конструкции преступления с двумя формами вины более распространен в тексте уголовного закона: это формальный состав преступления в основании плюс тяжкие последствия по неосторожности в качестве особо квалифицирующего признака (ч. 3 ст. 127; п. «в» ч. 3 ст. 126; п. «б» ч. 3 и п. «а» ч. 4 ст. 131; п. «а» ч. 3 ст. 132; ч. 3 ст. 238 УК РФ и т.п.).

В обоих случаях существенным является неочевидный на первый взгляд вопрос о причинных связях: от чего должны наступить эти тяжкие последствия? От юридического или фактического момента окончания, или от деяния, или от способа (скажем, «применение насилия»), или от первого последствия в составе с материальной конструкцией объективной стороны? Например, в похищении человека

должна ли смерть потерпевшего по неосторожности быть вызвана самим фактом захвата, или же фактом начала перемещения в другое место, или же примененным насилием к потерпевшему, или вообще наступать от удержания в другом месте (холодном, например)?

Поскольку законодатели в такие нюансы не вдаются, постольку прорабатывать юридические конструкции приходится Верховному Суду. Так, для тяжких неосторожных последствий в ст. 131 УК РФ он определил, что таковые являются результатом примененного насилия или угрозы применения насилия, а потому возможно покушение на изнасилование (когда половое сношение не состоялось), повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, иные тяжкие последствия или смерть потерпевшей¹¹.

Следует заметить, что именно Верховный Суд РФ, работая с юридическими конструкциями, неоднократно менял моменты юридического окончания и объемы объективной стороны составов преступлений разных видов¹².

Что в таком случае входит в «юридическую конструкцию»? На наш взгляд, она преимущественно включает в себя:

1) основные признаки объективной стороны, позволяющие в первую очередь решать вопросы соисполнительства и нахождения границы между приготовлением к преступлению и покушением на него;

2) факультативные признаки объективной стороны — то, что поглощается данным составом и не требует дополнительной квалификации по иным статьям Общей и Особенной части УК РФ;

3) в связи с первыми двумя пунктами — юридические границы оконченого преступления (моменты начала и окончания);

4) отношения субъект-потерпевший (например, доверенность имущества виновному, связь

¹¹ Действия лица, совершившего покушение на изнасилование группой лиц несовершеннолетней, повлекшие по неосторожности ее смерть, суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ (см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 8). См. также: Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. Т. 2 : Преступления против личности. С. 537, 543.

¹² Практику квалификации уголовно наказуемого хулиганства в вопросах поглощения причиненного вреда здоровью потерпевшего до 2007 г. и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

Ср.: п. 16–19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» в редакции до 31 октября 2017 г. и после указанной даты ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и

должник-кредитор) или субъект — объективная сторона (статус виновного лица и его полномочия в ст. 201, 285, 286, 204, 290, 291 УК РФ и т.д.¹³);

5) иные связи между признаками состава. Например, временное соотношение и целевое значение насилия (или угроз применением насилия) с одной стороны и изъятие/удержание имущества с другой стороны в составах разбоя, грабежа, вымогательства.

Таким образом, юридическая конструкция представляет собой упорядоченный определенным образом состав преступления, дополненный рядом важных функциональных нюансов — как минимум связями между признаками состава, моментами юридического и фактического окончания. Например, состав похищения человека юридически окончен с момента начала перемещения потерпевшего в другое место, однако фактически это преступление будет окончено только после прекращения нарушения личного права на физическую свободу (освобождение потерпевшего либо его смерть)¹⁴.

В этой связи в юридической литературе и среди правоведов уже достаточное время развивается дискуссия о соотношении моментов юридического и фактического окончания преступления. С нашей точки зрения, подходя с позиций юридического конструкционизма, к этому следует добавить вопрос о моменте юридического и фактического начала преступления. На поверку он оказывается не менее важным, чем упомянутый ранее (и получивший наибольшее распространение).

Для квалификации содеянного в качестве покушения на преступление, таким образом, перед нами возникает важный вопрос о соответствующей юридической конструкции. Что это: ненаступление фактического результата

(и недоведение умысла до конца) либо ненаступление юридического результата (недоведение до конца — до этого какого-то юридически значимого момента)? Как в уголовно-правовой доктрине, так и в правоприменительной практике мы можем найти апологетов и первого, и второго подхода.

Вместе с тем даже определенность в этом вопросе нам дает еще не так много. Например, ответ на вопрос о «доведении/недоведении до фактического результата» зависит от того, лежит ли этот фактический результат в рамках юридической конструкции преступления либо находится за его пределами.

Получается, что юридическая наука в данном случае должна систематизировать накопленный материал по описанию/созданию юридических конструкций. Иначе мы в отдельных ситуациях станем соглашаться с какой-то принятой позицией, подкрепленной некоторым ярким примером; будем считать, что такая позиция выглядит логично, но при этом будем создавать ситуацию, которая постоянно критикуется и правоведами, и правоприменителями: логика выбора правовой нормы (или варианта квалификации) опирается на множество нюансов и оговорок, основанных на некотором наглядном примере.

Получается, что если правоприменители по разным причинам упустят из виду эти нюансы и оговорки, то они станут применять созданное «правило» с отклонениями от тех самых «логичных» примеров, умножая противоречивость практики. Свидетельством тому является подход к квалификации действий по сбыту наркотических средств и психотропных веществ путем закладок. Суды апелляционной и кассационной инстанций, а также Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ

растрате», а также постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части момента окончания хищения безналичных денежных средств.

О моменте окончания сбыта наркотических средств и психотропных веществ, а также об объеме деяний, входящих в объективную сторону, см.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в редакции до 30 июня 2015 г. и после указанной даты.

¹³ См., например: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

¹⁴ П. 1, 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике о делах о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.

использовали одну и ту же формулировку единого продолжаемого преступления, а также момента окончания преступления, но они приходили к разным выводам относительно правовой оценки содеянного¹⁵.

Конечно, юридическая доктрина и правоприменительная практика выработали объяснение для столь разнородной судебной практики: мол, в каждом деле есть свои уникальные обстоятельства и не может быть сходных решений по нескольким, пусть и подобным, уголовным делам. Однако, на наш взгляд, с позиции юридической логики и нормативного правового регулирования в целях обеспечения предсказуемости судебных решений и формального равенства граждан перед законом¹⁶ здесь нужен порядок.

Другое дело, что порядок этот вряд ли может быть простым. Если у каждого преступления определенного вида своя специфическая юридическая конструкция, то понимание границ неоконченного преступления действительно рассыпается на множество вариантов (как мы это демонстрировали на примере необоснованного расходования средств бюджета решением недобросовестного должностного лица заказчика при закупках для государственных или муниципальных нужд).

Такой подход достаточно сложен и требует серьезной юридической подготовки, навыков выявления особенностей юридической конструкции у каждого состава преступления. По этой причине другой подход, получивший распространение среди правоприменителей, — когда покушение на преступление рассматривается через призму недостижения фактического результата (и момента фактического окончания), т.е. ориентирован на «недоведение преступного умысла до конца», — оказывается попыткой найти универсальный, более простой и понятный вариант квалификации содеянного, который был бы одинаково применим ко всем составам преступления.

Однако именно этот упрощенный подход слабо учитывает конструкции разных (оконченных) составов преступления, а потому он как раз и требует множества оговорок (например, что изнасилование, разбой, вымогательство,

предложение или обещание посредничества во взяточничестве окончены в иной момент, нежели когда реализуется преступный умысел).

Этот же подход порождает странные правоприменительные решения, ставящие под сомнение здравый смысл. Например, если виновное лицо в рамках единого продолжаемого хищения (в несколько эпизодов, объединенных единым умыслом, из одного источника, тождественным способом) похитило чужое имущество де-факто в крупном размере (300 тыс. руб.), однако по независящим от него обстоятельствам не смогло похитить еще 50 тыс. руб., то содеянное могут квалифицировать как покушение на хищение в крупном размере (указывая всю суму — 350 тыс. руб.), поскольку преступный умысел не был доведен до конца. Вместе с тем таким решением мы противоречим сами себе. Мы утверждаем, с одной стороны, что лицо не смогло похитить чужое имущество в крупном размере, а с другой — что границу крупного размера хищения виновный преодолел (удавшимися эпизодами) и мог похищенными средствами (300 тыс. руб.) распорядиться по своему усмотрению, либо и вовсе распорядился. Иными словами, мы не можем определенно ответить: смог виновный совершить хищение на сумму свыше 250 тыс. руб. или не смог? И фактически, и юридически, разумеется, смог. Тогда необходимо утверждать, что хищение в крупном размере состоялось, и в вопросе конкуренции части и целого мы должны отдать приоритет варианту оконченого преступления. В противном же случае мы делаем оригинальную «скидку» виновному лицу в вопросах назначения уголовного наказания по правилам ч. 3 ст. 66 УК РФ — не более 3/4 от размера наиболее строгого наказания, которое за это преступление предусмотрено. Что, например, мешает виновному лицу во всех подобных случаях заявлять, что он хотел похитить еще что-то, но не смог — дабы получить квалификацию содеянного как «покушение на совершение преступления» ввиду недоведения умысла до конца, а также получить смягчение назначаемого наказания в суде?

Нельзя не отметить, что логика рассуждений в двух предыдущих абзацах отталкивалась от

¹⁵ Крюков А. А., Шиханов В. Н. Единый продолжаемый сбыт наркотических средств // Уголовное право. 2021. № 5 (129). С. 10–19.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда от 25 апр. 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда» // Российская газета. 11.05.2018. № 100 (7563).

юридической конструкции «хищение в крупном размере», а потому и покушение рассматривалось нами как конструкция «недоведения преступления до конца» (юридически, через момент преодоления границы между хищением в крупном и некрупном размере) в противовес конструкции «недоведения умысла до конца» (фактически «сколько желал похитить» против «сколько смог»).

Таким образом, юридико-конструкционистский подход гораздо точнее согласуется с текстом уголовного закона, учитывая юридические конструкции, создаваемые Верховным Судом РФ, а потому не требует множества исключений и оговорок. С другой стороны, в отличие от более распространенного подхода к пониманию покушения на преступление как «недоведения умысла до конца» он оказывается универсальным лишь формально, поскольку требует вникать в эти самые конструкции составов преступлений каждого вида, а потому находится в зависимости от последних. Иными словами, предлагаемый нами метод может создавать впечатление отсутствия единого подхода к оценке содеянного в качестве оконченного или неоконченного преступления, хотя в действительности подход здесь един и все нюансы следуют из расстановки границ оконченного преступления по каждому составу деяния определенного вида.

Именно конструкционистский подход позволяет, на наш взгляд, разрубить гордиев узел в вопросе нахождения границ между приготовлением и покушением на убийство, а также приблизиться к выбору оптимального подхода к квалификации убийств по признакам ч. 2 ст. 105 УК РФ. Рассмотрим это на примере убийства одного лица и совершения некоторых действий по реализации умысла на убийство второго потерпевшего.

В настоящее время в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ содержится одновременно две юридических конструкции, которые до декабря 2003 г.¹⁷ (а с позиции Пленума Верховного Суда РФ — до апреля 2008 г.¹⁸) существовали раздельно как конструкция убийства двух или более лиц

(с единым умыслом, по одному мотиву) и конструкция неоднократного убийства. Без уяснения этих двух разных юридических конструкций невозможно, на наш взгляд, разобраться в нюансах правовой оценки сочетания удавшегося и неудавшегося убийства, в том числе и в логике принятия решений судами (в особенности второй или третьей инстанции).

Итак, структура ситуации состоит в том, что виновное лицо намеревается совершить убийство двух (или более) потерпевших. Реализуя свой умысел, виновный вооружается (например, берет нож) и прибывает к месту нахождения жертвы (как минимум первой). На месте преступления он сближается с жертвой, причиняет ей смертельные травмы, после чего принимает меры по сближению со второй жертвой, чтобы и ей причинить смерть. Однако второй потерпевший успешно уклоняется от сближения с убийцей.

Какие варианты квалификации содеянного мы получаем? Убийство одного лица и покушение на убийство двух лиц, или же в отношении второго потерпевшего состоялось лишь приготовление? Здесь можно долго рассуждать о вопросах факта, о том, кто какие показания даст, о нюансах обстановки, времени и места (на самом деле уклоняясь от конкретного ответа и описания стандартной работы уголовно-правовой нормы), либо применять не менее известный метод апеллирования к слабоуловимому «здравому смыслу», однако в любом случае ввиду особенностей отечественной правовой системы эти фактические обстоятельства и «здравый смысл» будут описывать либо первую, либо вторую юридическую конструкцию — даже при уходе в зыбкие топи частных фактов.

Обратимся к нюансам этих двух юридических конструкций, которые, на первый взгляд, грозятся запутать юриста, однако в конечном итоге позволят нам систематизировать весь фактический материал и принимать предсказуемые решения о правовой квалификации.

В соответствии с п. 5 действующей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по де-

¹⁷ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 16.12.2003. № 262 (федеральный выпуск).

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 4 «О внесении изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”» // URL: <http://supcourt.ru/documents/own/8131/> (дата обращения: 15.05.2023).

лам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹⁹ оконченное убийство и покушение на убийство (второго потерпевшего, т.е. покушение по признаку «двух или более лиц») образуют совокупность преступлений, если в отношении каждого потерпевшего были совершены действия, непосредственно направленные на причинение смерти, и смерть была причинена одному, в то время как у второго потерпевшего смерть не наступила по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного лица.

Из абзаца 2 п. 10 того же постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 получаем, что соисполнительство (т.е. совместное выполнение объективной стороны, хотя бы ее части) возможно в том случае, когда насилие применяется непосредственно к потерпевшему каждым соучастником, причем «необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)».

Отсюда следует вывод: момент юридического начала убийства состоит в некотором насилии, которое может быть как опасным для жизни потерпевшего, так и не опасным, а вспомогательным, создающим условия для причинения смертельных травм. Вместе с тем это должно быть именно насилие в отношении потерпевшего.

Если этот вывод применить к нашей структуре ситуации, то мы обнаружим интересные варианты. Например, злоумышленник решил убить двух человек и оказался там, где оба потерпевших находились вместе (один частный дом, одна квартира, подъезд многоквартирного дома и т.п.). В присутствии одного потерпевшего виновный причиняет смертельную травму другому, а оставшийся в живых потерпевший успевает принять меры к своей защите (закрывает дверь в комнату; убегает; прячется). Злоумышленник пытается активно преодолеть возникшие препятствия способами: выбить запертую дверь; догнать убегающего; отыскать спрятавшуюся жертву, но ему это не удается. В таком случае насилие ко второй жертве не-

посредственно не применялось. Значит, объективная сторона именно его (выжившего) убийства не выполнялась. Вместе с тем умысел на его убийство у виновного был, условия для убийства были созданы, орудие приискано, однако довести преступный умысел до конца не удалось ввиду активных действий второго потерпевшего по самоспасению.

В идеале такая ситуация должна квалифицироваться как убийство одного лица и приготовление к убийству двух (или более) лиц — ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако судебная практика подобные случаи рассматривает как убийство одного лица и покушение (а не приготовление) на убийство второго (двух и более лиц). Формула обвинения в таком случае выглядит иначе: ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Иными словами, суды рассматривают весь процесс нападения как единое преступление — попытку убить двоих, когда один потерпевший остался жив вследствие обстоятельств, которые не зависели от воли виновного. Стало быть, объективная сторона такого квалифицированного убийства начинается с применения насилия к первому потерпевшему. Это и есть момент юридического начала убийства двух и более лиц с такой (первой) конструкцией. Последующие действия по причинению травм другим потерпевшим считаются продолжением объективной стороны начатого состава «убийства двух и более лиц».

Мы, однако, можем скорректировать нашу ситуацию, наполнив заданную структуру иными обстоятельствами — потерпевшие находились в разных местах и виновный об этом:

- 1) знал, а потому после убийства первой жертвы ему пришлось проследовать в другой дом, на другую улицу и т.д., но он не смог найти вторую жертву либо его задержали;
- 2) не знал и просто не нашел вторую жертву по месту нахождения первой.

В таких случаях суды склонны квалифицировать содеянное как убийство одного лица и приготовление к убийству второго (ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ)²⁰. Возникает вопрос: почему действия, направленные на причинение смерти второму потерпевшему, в

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» // URL: <http://supcourt.ru/documents/own/7794/> (дата обращения: 20.05.2023).

²⁰ Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.12.2022 № 55-601/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2023) ; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.10.2022 № 55-487/22 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.07.2023).

таких ситуациях получают правовую оценку как приготовление, ведь умысел на убийство двух лиц является единым, и виновное лицо выполнило часть своих преступных намерений, убив первого потерпевшего?

При ближайшем рассмотрении мы опять можем впасть в топкие вопросы фактических нюансов: дистанция между потерпевшими, время между актами применения насилия к первой и второй жертве, однако невозможно провести четкие грани по метрам или минутам. Отечественный законодатель, а за ним и суды уклоняются от установления таких границ, ссылаясь на необходимость учета всех обстоятельств дела в каждом случае.

На наш взгляд, решить проблему как раз и позволяют юридические конструкции. С. В. Склярлов описывает их следующим образом: «В настоящее время фактически существует две разновидности убийства двух или более лиц. Первая представляет собой убийство двух или более лиц, при котором действия виновного охватываются единым умыслом и совершаются, как правило, одновременно. В данном случае убийство двух или более лиц представляет собой единое преступление, сущность которого составляет не совершение двух или более убийств, а умышленное причинение смерти двум или более лицам. Вторая разновидность убийства двух или более лиц характеризуется тем, что виновный совершает несколько убийств с разными умыслами, при этом ни за одно из совершенных убийств он ранее осужден не был»²¹.

Итак, первая обозначенная нами конструкция из п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ — это классическое представление об убийстве двух и более

лиц, существовавшее до 2008 г.²², когда важными признаками было совпадение места и времени причинения травм всем потерпевшим, т.е. единый эпизод преступного деяния. В таком случае причинение смерти первому потерпевшему означает начало выполнения объективной стороны этого «составного» убийства нескольких лиц.

Вторая юридическая конструкция (прежде — неоднократное убийство) оказалась включена в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ Пленумом Верховного Суда РФ с 2008 г. Она предполагает сочетание нескольких убийств, совершенных в разное время и в разных местах, т.е. фактически соединяет в себе несколько преступных эпизодов. Тогда посягательство на жизнь одного лица не позволяет считать содеянное началом посягательства на жизнь других лиц, даже если виновный имел такое намерение. В итоге квалификация содеянного дается по иной логике, с учетом п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 — в отношении каждого потерпевшего в зависимости от того, применялось ли к нему насилие, направленное на причинение смерти.

Разумеется, высказанная нами позиция об использовании юридико-конструкционистского подхода не является абсолютно бесспорной и во многом оказывается попыткой систематизации многократно высказанных позиций видных специалистов в области уголовного права. Вместе с тем полагаем, что уголовно-правовая доктрина в случае развития новых методов/подходов в конечном итоге сможет обеспечить надлежащую обратную связь с правоприменительной практикой и обогатить свой научный арсенал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волженкин Б. В. Служебные преступления : Комментарий законодательства и судебной практики. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. 560 с.

Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. СПб., 1905.

Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. СПб. : Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

Козлов А. П. Учение о стадиях преступления СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 353 с.

²¹ Склярлов С. В. Квалификация нескольких умышленных преступлений как единого деяния // Уголовное право. 2021. № 11. С. 29.

²² Склярлов С. В. Убийство двух или более лиц // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6 (32). С. 34 ; Он же. Квалификация нескольких умышленных преступлений как единого деяния... С. 29.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. 3-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. Н. И. Пикурова, К. В. Ображиева. М. : Проспект, 2023. 956 с.

Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. 336 с.

Крюков А. А., Шиханов В. Н. Единый продолжаемый сбыт наркотических средств // Уголовное право. 2021. № 5. С. 10–19.

Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации служебных преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр, 2021. 760 с.

Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права : монография. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2015. 504 с.

Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 2 : Преступления против личности / А. С. Горелик [и др.] ; под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. 680 с.

Скляр С. В. Квалификация нескольких умышленных преступлений как единого деяния // Уголовное право. 2021. № 11. С. 29–34.

Скляр С. В. Квалификация убийства двух и более лиц // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6 (32). С. 32–35.

Черданцев А. Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 8 (946). С. 24–28.

Яни П. С. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 258–259.

REFERENCES

Cherdantsev AF. Legal constructions, their role in science and practice. *Pravovedenie*. 1972;3:12-19. (In Russ.).

Iering R. Legal technique. Trans. from German. by Shendorf FS. St. Petersburg; 1905. (In Russ.).

Kelsen G. The pure doctrine of law. 2nd ed. Trans. from German by Antonova MV and Lezova SV. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. (In Russ.).

Kozlov AP. The doctrine of the stages of crime. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press; 2002. (In Russ.).

Kruglikov LL, Spiridonova OE. Legal constructions and symbols in criminal law. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press; 2005. (In Russ.).

Kryukov AA, Shikhanov VN. Usingle continued sale of narcotic drugs or psychotropic substances. *Criminal Law*. 2021;5:10-19. (In Russ.).

Nikonov PV, Shikhanov VN. Theory and practice of qualification of official crimes. 2nd ed. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press; 2021. (In Russ.).

Obrazhiev KV. The system of formal (legal) sources of Russian criminal law. Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 2015. (In Russ.).

Pikurov NI, Obrazhiev KV (eds.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 3 vols. Vol. 3. 3rd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Sklyarov SV. Qualification of several intentional crimes as a single act. *Criminal Law*. 2021;11:29-34. (In Russ.).

Sklyarov SV. Qualification of the murder of two or more persons. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2012;6(32):32-35. (In Russ.).

The Complete Course of Criminal Law: in 5 vols. Vol. 2: Gorelik AS, et al. Korobeev AI (ed.). Crimes against the person. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press; 2008. (In Russ.).

Volzhenkin BV. Official crimes: A commentary on legislation and judicial practice. St. Petersburg: Law Center-Press; 2005. (In Russ.).

Yani PS. Elimination of gaps in criminal law regulation by decisions of the Supreme Court. *Gaps in Russian Legislation*. 2008;1:258-259. (In Russ.).

Yani PS. Problems of understanding complicity in judicial practice. *Zakonnost*. 2013;8(946):24-28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шиханов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
д. 1, Шевцова ул., г. Иркутск 664035, Российская Федерация
shikhanovvn@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Shikhanov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law Disciplines,
Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
1, Shevtsova St., Irkutsk 664035, Russian Federation
shikhanovvn@rambler.ru

*Материал поступил в редакцию 6 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 28 октября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 06.10.2023.
Revised 28.10.2023.
Accepted 18.12.2023.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах

Резюме. С учетом колоссальной значимости для уголовной политики достоверной исходной информации криминологического характера в статье исследуется вопрос отражения в данных официальной статистики объективной картины борьбы с преступностью. С использованием метода статистического анализа исследуется количество зарегистрированных преступлений в России (2012–2022 годы); поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 годы); количество осужденных в России, лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, их удельный вес в общей массе осужденных, структура и удельный вес осужденных в разрезе категории совершенного преступления (2012–2022 годы); количество и удельный вес находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления, а также с учетом повторности назначения лишения свободы (2012–2021 годы); преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (2012–2021 годы). Ряд исследуемых показателей для наглядности представлен в виде диаграмм. Уделено внимание уменьшению количества зарегистрированных преступлений при одновременном росте обращений в органы внутренних дел. Констатируется вызывающий обеспокоенность факт стабильно высокого удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности, факт увеличения как краткосрочных (до 1 года), так и длительных (свыше 10 лет) сроков лишения свободы лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых. Акцентируется внимание на проблемах непропорционального снижения количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования, роста удельного веса несовершеннолетних, осужденных за убийство. В заключение сформулирован ряд рекомендаций для корректной работы со значимой для борьбы с преступностью информацией; отмечены наиболее важные статистические тенденции, как положительно, так и отрицательно характеризующие криминальную ситуацию в России.

Ключевые слова: преступность; уголовная политика; уголовно-правовая политика; официальная статистика; латентность; эффективность уголовной политики; судимость; категории преступлений; преступность несовершеннолетних; структура преступности; преступления против собственности; убийство; рецидивная преступность; лишение свободы

Для цитирования: Маслов В. А. Официальная статистика и оценка состояния борьбы с преступностью в 2012–2022 годах. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 67–90. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

Official Statistics and Assessment of the State of the Fight against Crime in 2012–2022

Villy A. Maslov

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Taking into account enormous importance of reliable initial criminological information for criminal policy, the paper examines the issue of reflecting an objective picture of the fight against crime in official statistics. Using the method of statistical analysis, the author examines: the number of registered crimes in Russia (2012–2022); reported cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction (2012–2022); the number of convicts in Russia, the number of individuals with criminal history on record or with an outstanding conviction, their share in

© Маслов В. А., 2024

the total number of convicts, the structure and proportion of convicts in the context of committed crimes (2012–2022); the number and proportion of convicted persons in correctional colonies for adults, depending on the age at the time of the crime, as well as taking into account the repetition of imprisonment (2012–2021); crimes of persons serving their sentences in educational colonies for minors (2012–2021). A number of the studied indicators are presented in the form of diagrams for clarity. Attention is paid to reducing the number of registered crimes while increasing appeals to the internal affairs bodies. The paper highlights as a matter of concern the fact of a consistently high proportion of grave and especially grave crimes in the crime structure, the fact of an increase in both short-term (up to 1 year) and long-term (over 10 years) terms of imprisonment of persons serving sentences in correctional colonies for adults. Attention is focused on the problems of a disproportionate decrease in the number of persons held in educational colonies for minors convicted of rape, an increase in the proportion of minors convicted of murder. In conclusion, the author provides a number of recommendations for the correct work with information relevant to the fight against crime, highlights the most important statistical trends, both positively and negatively characterizing the criminal situation in Russia.

Keywords: crime; criminal policy; criminal law policy; official statistics; latency; effectiveness of criminal policy; criminal record; categories of crimes; juvenile delinquency; crime structure; crimes against property; murder; recidivism; imprisonment

Cite as: Maslov VA. Official Statistics and Assessment of the State of the Fight against Crime in 2012–2022. *Lex russica*. 2024;77(1):67-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.067-090

Введение

Стратегическая деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности (уголовная политика) должна базироваться на достоверной информации криминологического и социального характера. Невозможно переоценить значимость необходимой для борьбы с преступностью информации еще и потому, что посредством ее анализа представляется возможным оценить эффективность данной деятельности.

Вместе с тем задача установления объективного положения дел в сфере борьбы с преступностью достаточно труднодостижима. Об этом, в частности, говорит В. В. Лунеев, указывая на то, что «мы не имеем сколько-нибудь полных и надежных и конкретных данных о криминологической обстановке»¹. Недостаток столь значимой для акторов уголовной политики информации именуется М. М. Бабаевым «феноменом неопределенности», который с очевидностью «рождает массу сложнейших проблем в области формирования и применения уголовного и уголовно-исполнительного права»². Отдельно стоит отметить и то, что авторы считают обоснованным судить об эффективности уголовно-

правового воздействия «по корреляции эмпирических показателей уголовно-правового воздействия и изменений в преступности»³.

Представляется, что вопрос эмпирического базиса уголовной политики стоит на сегодняшний день достаточно остро, что предполагает необходимость исследования возможностей официальной статистики отражать объективную картину борьбы с преступностью.

Методология

На основе диалектико-материалистического метода познания с использованием метода статистического анализа исследованы:

- количество зарегистрированных преступлений в России (2012–2022 гг.);
- поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 гг.);
- количество осужденных в России (2012–2022 гг.);
- количество осужденных лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, их удельный вес в общей массе осужденных (2012–2022 гг.);

¹ Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 50.

² Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 14.

³ Мышко Ф. Г., Аминов Ф. Г. Где скрываются резервы эффективности уголовно-правовой политики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 51.

— структура и удельный вес осужденных в разрезе категории совершенного преступления (2012–2022 гг.);

— количество осужденных по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ (2012–2022 гг.);

— общая численность отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых (2012–2021 гг.);

— количество и удельный вес находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления (2012–2021 гг.);

— количество и удельный вес осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых с учетом повторности назначения лишения свободы (2012–2021 гг.);

— преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (2012–2021 гг.).

Допустимость официальной статистики

Несомненно верной видится точка зрения М. М. Бабаева о том, что недопустимо использование официальной статистики «в качестве базового (а порой и единственного) обоснования важных управленческих решений»⁴.

Примем данную точку зрения в качестве базовой, однако же отметим, что за неимением лучшего критерия, позволяющего столь глобально и масштабно смотреть на преступность в масштабах всего государства, авторы уголовной политики всё же вынуждены обращаться к статистическим данным.

Справедливым видится высказывание ученых относительно соотношения официальной статистики и реального положения дел в сфере борьбы с преступностью. Так, Э. Ф. Побегайло считает, что «число зарегистрированных преступлений — это лишь надводная часть айс-

берга, это “виртуальная”, “отчетно-бумажная” преступность. По экспертным оценкам, с учетом колоссальной латентности (гиперлатентности) реальный массив преступности превышает регистрируемый в 4–6 раз»⁵. В. В. Лунеев указывает, что реальная преступность превышает официально зарегистрированную в 3–5 раз⁶. А. Л. Репецкая утверждает, что зарегистрированным выступает лишь каждое пятое убийство⁷. А. В. Наумов (со ссылкой на экспертные оценки) отмечает, что уровень латентной преступности составляет 70–80 % от реальной⁸.

Масштабы расхождения, безусловно, впечатляют, и понимания того, что необходимо особое внимание уделять изучению такого свойства преступности, как латентность, уже явно недостаточно. Необходимы конкретные действия, направленные на сближение данных официальных и неофициальных источников, приближение их к истинным (объективным) показателям.

Забегая вперед, сто́ит отметить и то, что анализ данных затруднен не только свойством латентности, но и рядом других факторов. Укажем, к примеру, существенные проблемы при определении причинно-следственных связей (в частности, между ростом абсолютных или относительных показателей того или иного вида преступности и законодательными корректировками наказуемости данного деяния) ввиду разнообразия общественных отношений, как и в принципе проблему ограниченности возможностей влияния на преступность уголовно-правовыми средствами.

Здесь уместным представляется указание на то, что в текущих условиях выстраивать стратегию борьбы с преступностью необходимо не столько на статистических показателях, свидетельствующих об абсолютных числах, сколько на показателях динамических. Авторов уголовной политики, конечно, должен настораживать факт существенного количества преступлений конкретного типа, но еще более их должен тре-

⁴ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 37.

⁵ Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ имени И. Канта. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. 2007. С. 6.

⁶ Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 3. С. 45.

⁷ Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 66.

⁸ Наумов А. В. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 135.

вожить факт стабильного роста на протяжении некоторого периода времени (увеличения доли в общей массе преступлений и т.п.).

Количество зарегистрированных преступлений (официальная статистика Министерства внутренних дел Российской Федерации)

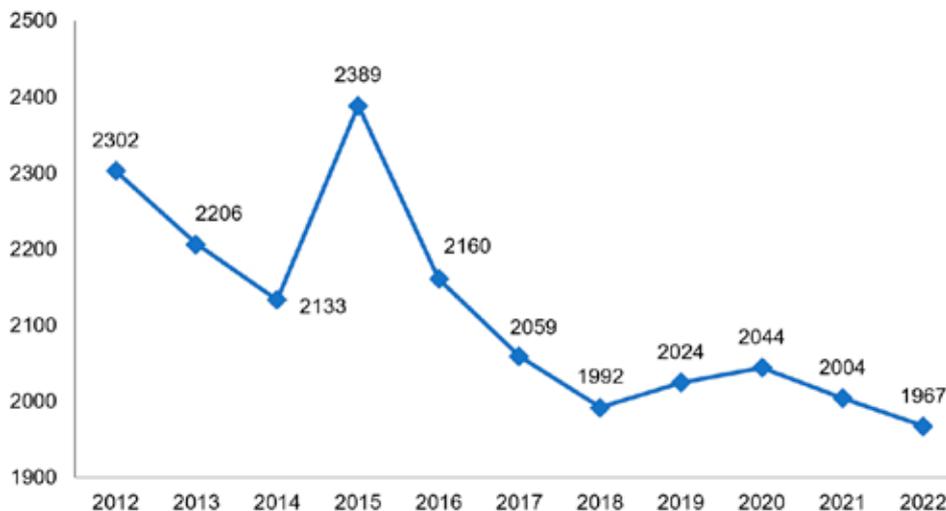
Исходным числом, демонстрирующим сферу борьбы с преступностью и общее состояние

российского общества в части противодействия криминальным угрозам, выступает, конечно же, количество ежегодно совершаемых преступлений.

Статистика зарегистрированных преступлений (тысяч): в 2012 г. — 2 302,2; 2013 г. — 2 206,2; 2014 г. — 2 166,4; 2015 г. — 2 388,5; 2016 г. — 2 160,1; 2017 г. — 2 058,5; 2018 г. — 1 992; 2019 г. — 2 024,3; 2020 г. — 2 044,2; 2021 г. — 2 004,4; 2022 г. — 1 966,8 (диаграмма 1⁹).

Диаграмма 1

Количество зарегистрированных преступлений в России в 2012–2022 гг. (тыс.)

Указанную динамику можно охарактеризовать положительно.

Во-первых, кривая преступности за 10 лет более чем впечатляющая и свидетельствует о снижении количества зарегистрированных преступлений на 14,6 %. Вместе с тем уместным видится мнение А. В. Майорова о том, что фиксируемое общее снижение показателей преступности и ее отдельных видов может быть обусловлено не только улучшением криминальной ситуации в стране, но и декриминализацией ряда составов, а также достаточно высоким уровнем латентности преступности¹⁰.

Во-вторых, достигнутые «успехи» в борьбе с преступностью выглядят существенно скром-

нее, если анализировать не 10, а 5 лет — снижение лишь на 4,5 %.

В-третьих, стоит задаваться вопросом и о росте числа зарегистрированных преступлений в 2015 г., что мы связываем в большей степени как с началом финансового кризиса в России в 2014 г., так и с событиями на юго-западе России.

Подтверждением наших выводов является совершение в 2015 г. 996 тыс. краж (+ 11,7 %), 198 тыс. мошенничеств, существенный рост удельного веса преступлений террористического характера (+ 35,8 %) и экстремистской направленности (+ 27,7 %)¹¹.

В-четвертых, с 2018 г. фактически наблюдается стабилизация рассматриваемого пока-

⁹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 11.04.2022).

¹⁰ Майоров А. В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010–2017 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 123.

¹¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://мвд.рф/reports/item/7087734> (дата обращения: 09.01.2023).

зателя (колебания в пределах 1–2 % от года к году).

Вместе с тем о том, что данные показатели не в полной мере отражают объективную картину, можно утверждать уже постольку, поскольку они не соответствуют установленной тенденции к ежегодному среднестатистическому приросту преступности, исчисляемому в пределах 3–7 % в развитых странах¹². Безусловно, сопоставимость данных далеко не абсолютна (в том числе потому, что они характеризуют страны Западной Европы (как и СССР) в период с 1960 по 1990 г., охватывают не весь массив преступлений, а лишь некоторые конкретные виды и т.д.), однако же говорить о том, что тенденция к росту, демонстрируемая на протяжении нескольких десятилетий, не просто сошла на нет, но и сменилась снижением (хотя бы на примере Российской Федерации), видится преждевременным.

Кроме того, интересен и тот факт, что с учетом количества населения России (по состоянию на 1 января 2023 г. — 146,4 млн человек¹³) коэффициент преступности составляет 1 343,6 на 100 тыс. населения, в то время как при сопоставимой численности населения (147,4 млн человек) данный показатель в 1990 г. был равен 1 248¹⁴. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель в США по состоянию на 2019 г. был 2 489,3¹⁵.

Диаграмма 1, несмотря на очевидную лаковичность и абстрактность, не позволяющую делать сколь бы то ни было конкретные выводы о необходимости коррекции уголовной (в особенности уголовно-правовой) политики, тем не менее достаточно наглядно демонстрирует, что при исследовании вопросов борьбы с

преступностью целесообразно воздерживаться от указания на безусловные положительные результаты в борьбе с преступностью при аргументации внесения правок в уголовный закон под знаменем «гуманизации»¹⁶.

Уточним, что в данной публикации мы не ставим себе цель составить прогноз тех или иных показателей преступности, равно как и выработать методiku, позволяющую прогнозировать те или иные вероятностные изменения, чему периодически уделяется внимание в научной среде¹⁷. Задача настоящей публикации — выявить некоторые закономерности процесса борьбы с преступностью за последнее десятилетие, опираясь на данные официальной статистики, а также (в меньшей степени) оценить возможности, риски, проблемы и перспективы использования сведений официальной статистики.

Количество зарегистрированных преступлений и количество обращений в органы внутренних дел

В продолжение довода А. В. Майорова¹⁸ отметим, что аналогичным вопросом задается В. А. Номоконов, отмечая парадоксальность ситуации, когда росту количества обращений в органы внутренних дел сопутствует снижение числа зарегистрированных преступлений (зарегистрированных преступлений с 2008 по 2010 г. стало меньше на 26 %, а количество сообщений и заявлений о происшествиях выросло на 14 %)¹⁹.

Привести актуальные данные относительно количества обращений в органы внутренних

¹² Лунев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. С. 23.

¹³ Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site_.xlsx (дата обращения: 24.04.2023).

¹⁴ Лунев В. В. Преступность XX века. С. 86.

¹⁵ Население США и уровень преступности на 100 000 человек, 1960–2019 гг. // Центр катастроф (The Disaster Center). URL: <https://www.disastercenter.com/crime/uscrime.htm> (дата обращения: 04.05.2023).

¹⁶ См., например: пояснительная записка к законопроекту № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 09.01.2023).

¹⁷ См., например: Васин Ю. Г. Прогнозирование преступности: перспективы стохастического подхода // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 101–108.

¹⁸ Майоров А. В. Указ. соч. С. 123.

¹⁹ Номоконов В. А. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2012. № 3. С. 49 ; Он же. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского

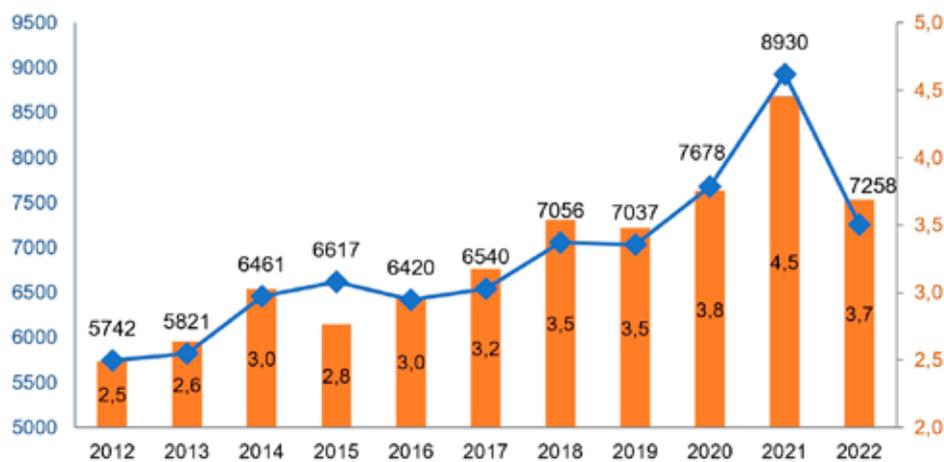
дел не представляется возможным, поскольку данная статистика официально не публикуется. Вместе с тем объяснить указанную «парадоксальность», по крайней мере в некоторой степени, можно, обратив внимание на следующее:

1. Обращения в органы внутренних дел далеко не всегда касаются совершенного преступления.

К примеру, возможно, привести статистику поступления дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции: 2012 г. — 5 742 тыс. дел; 2013 г. — 5 820 тыс.; 2014 г. — 6 460 тыс.; 2015 г. — 6 617 тыс.; 2016 г. — 6 419 тыс.; 2017 г. — 6 540 тыс.; 2018 г. — 7 056 тыс.; 2019 г. — 7 037 тыс.; 2020 г. — 7 535 тыс.; 2021 г. — 8 930 тыс.; 2022 г. — 7 258 тыс.²⁰ (диаграмма 2).

Диаграмма 2

Поступление дел об административных правонарушениях в суды общей юрисдикции (2012–2022 гг.), их количество в расчете на одно зарегистрированное преступление (тыс.)

Нужно понимать, что с учетом указываемой В. В. Лунеевым корреляционной зависимости, согласно которой при росте на тысячу правонарушений должно наблюдаться увеличение на 40–50 преступлений²¹, количество административных правонарушений, поступивших в суды общей юрисдикции в период с 2012 по 2022 г., возросло на 1 560 тыс., что должно было привести к росту количества преступлений на 31–39 тыс. В действительности количество преступлений уменьшилось на 335 тыс.

Представляется, что рост количества дел об административных правонарушениях, рассматриваемых в судах общей юрисдикции, более чем на 1,5 млн (на 20,9 %), может рассматриваться как причина соразмерного уменьшения количества совершаемых уголовно наказуемых

деяний. Данная гипотеза среди прочего подтверждается и тем, что ежегодный рост числа преступлений нередко связывается с ростом численности населения, а в период с 2012 по 2022 г. произошло увеличение численности населения России лишь на 2,7 %.

Стоит отметить и то, что, в ряде случаев разрешение дела об административном правонарушении не находится в компетенции суда, что позволяет утверждать, что указанные показатели лишь часть от общей массы административных правонарушений и в действительности объем деяний, «перетекающих» из преступления в административные правонарушения, еще больше.

2. Повышение степени доверия к органам внутренних дел (62 % опрошенных в 2022 г. в

юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 33 ; *Он же*. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 440.

²⁰ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях / Судебный департамент при Верховном Суде РФ // URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.04.2023).

²¹ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 158.

сравнении с 57 % в 2021 г.²²) привело к тому, что граждане, ранее предпочитавшие не обращаться за защитой своих нарушенных прав, сочли возможным это сделать.

3. Декриминализация и депенализация ряда ранее уголовно наказуемых деяний (в том числе посредством введения в уголовное законодательство административной преюдиции). К примеру, изменения в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса РФ²³, о необходимости которых в свое время говорила Н. А. Лопашенко²⁴; изменения наказуемости побоев, на которые указывала, к примеру, О. А. Малышева²⁵ и которые, как утверждают ученые, до сих пор не доведены до логического завершения²⁶, но вместе с тем привели к искусственному снижению регистрируемой преступности на 5 %²⁷.

4. Указанное на диаграмме 2 соотношение преступлений и административных правонарушений, демонстрирующее рост (с 2,5 правонарушений на 1 преступление в 2012 г. до 3,7 правонарушений на 1 преступление в 2022 г.), очень далеко от данных, характеризующих Россию в начале 1990-х, когда на одно преступление было 14,5 административных правонарушений²⁸ (даже с учетом того, что мы опираемся исключительно на дела об административных правонарушениях, поступившие в суды общей юрисдикции). Данное обстоятельство позволяет предположить, что увеличение числа административных правонарушений при снижении числа преступлений является закономерным, естественным возвращением к более «нормальному» с точки зрения общественного

развития соотношению данных асоциальных явлений.

Соглашаясь с тем, что для установления объективной картины в сфере борьбы с преступностью необходим учет большого количества факторов, считаем возможным обратиться к рассмотрению структуры осужденных за совершение преступлений, признавая данный показатель одним из значимых для формирования и оценки эффективности уголовной политики.

Количество осужденных (официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Динамика данного показателя выглядит следующим образом (тыс.): 2012 г. — 739,3; 2013 г. — 735,6; 2014 г. — 719,3; 2015 г. — 733,6; 2016 г. — 741,3; 2017 г. — 697,1; 2018 г. — 658,3; 2019 г. — 598,2; 2020 г. — 531; 2021 г. — 565; 2022 г. — 578,8 (диаграмма 3).

Интересен и тот факт, что коэффициент осужденных составляет 395,5 на 100 тыс. населения, в то время как в 1990 г. данный показатель был 364²⁹.

Существенным мыслится рассмотрение количества осужденных за преступления против жизни и здоровья, поскольку, как справедливо отмечает Г. Ю. Лесников, показателем степени правовой защищенности личности в провозглашаемом демократическом правовом государстве выступает динамика преступлений против личности³⁰, значимую долю которых составляют преступления против жизни и здоровья.

²² См., например: Доверие полиции : мониторинг. 10 ноября 2022 г. / Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-policii-monitoring> (дата обращения: 09.01.2023).

²³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 29.12.2022) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

²⁴ Лопашенко Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 44.

²⁵ Малышева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006.

²⁶ Артюшина О. В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // Правоприменение. 2017. № 3. С. 136.

²⁷ Бахарев Д. В. Об иллюзиях и реалиях российской уголовной политики последнего десятилетия // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 13.

²⁸ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 157.

²⁹ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 86.

³⁰ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 19.

Диаграмма 3

Количество осужденных в России (2012–2022 гг.) (тыс.)

Так, динамика преступлений против жизни и здоровья следующая (тыс.): 2012 г. — 119,8; 2013 г. — 123; 2014 г. — 118,1; 2015 г. — 112,8; 2016 г. — 110,5; 2017 г. — 88,4; 2018 г. — 79,7; 2019 г. — 71,2; 2020 г. — 62,1; 2021 г. — 62,5; 2022 г. — 60,3.

В свою очередь, насущным представляется рассмотрение динамики преступлений против собственности как традиционно наиболее распространенных уголовно наказуемых деяний (тыс.): 2012 г. — 339,6; 2013 г. — 324,6; 2014 г. — 303,2; 2015 г. — 307,1; 2016 г. — 291; 2017 г. — 263,8; 2018 г. — 249,2; 2019 г. — 229; 2020 г. — 206,3; 2021 г. — 218,4; 2022 г. — 227,8.

В сравнении с 2012 г. общее количество осужденных уменьшилось на 160 тыс. (21,7 %); количество осужденных за преступления против собственности сократилось на треть (112 тыс., или 32,9 %); осужденных за преступления против жизни и здоровья стало меньше вдвое (60 тыс., или 49,7 %).

Стоит отметить и то, что удельный вес преступлений против собственности снизился с

45,9 % в 2012 г. до 39,4 % в 2022 г., притом что авторы еще в 2010 г. отмечали тенденцию, согласно которой 60 % случаев правоприменения (около 1,8 млн фактов) приходится на преступления против собственности (что составляет лишь 4 % норм Особенной части УК РФ)³¹. Данная цифра фигурирует и в настоящее время. Так, исследователи констатируют, что в 2022 г. было совершено 1 169 495 преступлений против собственности (59,5 % от общего числа зарегистрированных преступлений)³². Существенная разница показателей не может не вызывать вопросов, к примеру, как при совершении более 1,1 млн преступлений против собственности осужденных по статьям гл. 21 Особенной части УК РФ лишь 227,8 тыс. Даже принимая во внимание распространенность ситуации осуждения по совокупности преступлений, стоит тем не менее указать на постоянную переработку форм статистической отчетности, усложняющую работу с данными³³.

Отметим и то, что не могут не вызывать вопросов показатели удельного веса осужден-

³¹ Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 5.

³² Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев [и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2023. С. 9.

³³ См., например: указание Генпрокуратуры России и МВД России от 29.12.2021 № 790/11/1 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»; указание Генпрокуратуры России № 361/11, МВД России № 1 от 30.06.2022 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»; указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17.01.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

ных за преступления против собственности в общем числе осужденных, последовательно снижающегося на протяжении всех 10 анализируемых лет с 45,9 % в 2012 г. до 39,4 % в 2022 г. (в 2017 г. данный показатель составлял и вовсе 37,8 %), тогда как в индустриально развитых странах доля корыстных преступлений составляет более 90 %³⁴. Безусловно, стоит понимать, что в число данных составов включаются не только преступления против собственности. Однако, признавая, что данные преступления априори составляют основную массу деяний, совершаемых из корыстных побуждений, сопоставимо низкий уровень преступлений против собственности и демонстрируемая динамика, по всей видимости, говорят:

а) либо о растущей латентности преступности против собственности;

б) либо о высокой выявляемости иных преступлений;

в) либо о том, что Россия идет каким-то уникальным, несвойственным индустриальным странам путем, когда корыстные мотивы совершения преступлений уступают иным намерениям.

Помимо наметившейся тенденции к росту числа осужденных (с 2021 г.), стоит обратить внимание на существенный рост как абсолютных показателей, так и доли в общей массе осужденных лиц, совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Если в 2012 г. таковых было 14,6 тыс. (2 %), то в 2022 г. таких уже более 64 тыс. (11,1 %). Данный рост обусловлен криминализацией нарушения Правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию³⁵.

Представляется, что данное законодательное решение, хотя и подверглось критике, к

примеру, в части несовершенства конструкции³⁶, проблем с законностью применения ст. 264.1 УК РФ³⁷, тем не менее оказало положительное влияние на дорожно-транспортный травматизм: тенденция к росту количества осужденных по ст. 264 УК РФ с 10,6 тыс. до 15,3 тыс. в период с 2009 по 2013 г. сменилась последовательным снижением до 8 тыс.

Рецидивная преступность

Отдельного рассмотрения заслуживает преступность лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности (рецидивная преступность), в качестве значимого индикатора эффективности уголовной политики в целом и пенитенциарной политики в частности. Отметим, что авторы в свое время указывали на то, что динамика лиц, привлеченных к уголовной ответственности и ранее совершавших преступления, отличалась существенным ростом с 377 401 в 2008 г. до 548 382 в 2016 г. (145,3 %)³⁸.

Согласно официальным данным, количество лиц с неснятой или непогашенной судимостью, осужденных за преступления, выглядит следующим образом (тыс.): 2012 г. — 254,3; 2013 г. — 250,3; 2014 г. — 241,8; 2015 г. — 234,3; 2016 г. — 221,6; 2017 г. — 224,1; 2018 г. — 231,6; 2019 г. — 222,2; 2020 г. — 204,8; 2021 г. — 220,8; 2022 г. — 223 (диаграмма 4).

Указанная динамика наглядно демонстрирует, что снижение абсолютных показателей осужденных, имеющих неснятую или непогашенную судимость, на 31 тыс. человек (или на 12,2 %) обусловлено лишь общим снижением количества осужденных, в то время как относительно удельного веса осужденных лиц, количество привлекаемых к ответственности лиц,

³⁴ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 68.

³⁵ Федеральный закон от 31.12.2014 № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 81.

³⁶ Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ): Уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 149.

³⁷ Зейналов Ф. Н., Коблев П. С. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 20.

³⁸ Бражников Д. А., Афанасьева О. Р., Коваленко В. И., Маликов С. В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 75.

Диаграмма 4

**Осужденные лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость (тыс.);
их удельный вес в общей массе осужденных (%) (2012–2022 гг.)**

юридически имеющих судимость, по сравнению с 2012 г. увеличилось на 4,1 % (а в сравнении с 2016 г. на 8,6 %).

Отдельно подчеркнем, что анализируемые статистические данные охватывают категорию юридически судимых лиц, в то время как количество лиц, преступивших черту уголовного закона повторно, в действительности больше за счет лиц, судимость которых снята или погашена. Так, исследователи отмечают, что в 2022 г. 60,4 % расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления³⁹.

Данные показатели наглядно демонстрируют насущное требование комплексности при работе с криминологически значимой информацией.

Структура осужденных в разрезе категории совершенного преступления

В контексте рассмотрения вопроса об исходных данных для уголовной политики особое внимание стоит уделять и количеству осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, поскольку, как верно отмечает Э. Ф. Побегайло, «в массиве регистрируемой преступности значительную часть (примерно 60 %) долгое время

составляли тяжкие и особо тяжкие преступления (в 2001 г. их было зарегистрировано почти 1,8 млн, в 2008 г. — 851 тыс.)»⁴⁰.

В настоящее время динамика выглядит следующим образом (тыс.): 2012 — 213,7; 2013 — 212,5; 2014 — 215,6; 2015 — 214,7; 2016 — 201,4; 2017 — 184,6; 2018 — 170,3; 2019 — 161,4; 2020 — 141,6; 2021 — 162,5; 2022 — 168,3 (диаграмма 5).

За анализируемый период фактически на одном уровне осталось число осужденных за совершение преступлений небольшой тяжести. Количество осужденных за совершение тяжких преступлений и преступлений особой тяжести имеет отрицательную динамику, с тенденцией к росту с 2021 г. Наиболее существенное в абсолютных показателях снижение демонстрирует число осужденных за совершение преступлений средней тяжести, которых стало на 134 тыс. в год меньше в сравнении с 2012 г.

В свое время А. Б. Мельниченко отмечал, что «несмотря на фиксируемое уголовной статистикой снижение объема тяжкой преступности, следует иметь в виду, что это ни в коей мере не снижает степени угрозы преступности национальной безопасности России. Речь идет лишь о чисто статистическом уменьшении объема уголовно наказуемых деяний, категория которых определена ч. 4, 5 ст. 15 УК РФ за счет их «перетекания» в регистрируемый массив преступ-

³⁹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития. С. 11.

⁴⁰ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 24.

Диаграмма 5

Лица, осужденные за преступления (тыс.)

лений средней тяжести (ч. 3 ст. 15 УК РФ)»⁴¹, в связи с чем представляется необходимым обратить внимание на структуру осужденных лиц в зависимости от категории совершенного преступления (диаграмма 6).

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что столь серьезных опасений насчет указанного ученым «перетекания» быть не

третье совершенное преступление (34,1 %) признавалось преступлением средней тяжести, то к 2022 г. таковым признается практически лишь одно из пяти (20,4 %), в то же время каждый второй осужденный в 2022 г. совершил преступление небольшой тяжести.

Акцентируем внимание на том, что именно комплексный подход позволяет чуть более уве-

Диаграмма 6

Удельный вес лиц, осужденных за преступления в зависимости от категории (%)

должно, поскольку по крайней мере с 2012 г. данный процесс происходит между категориями средней и небольшой тяжести, удельный вес осужденных за тяжкие преступления и преступления особой тяжести колеблется в диапазоне от 26 до 30 %. Если в 2012 г. каждое

ренно судить о состоянии борьбы с преступностью в разрезе категорий преступлений и, несмотря на общую положительную динамику, утверждать о необходимости обращать особое внимание на вопросы противодействия наиболее общественно опасным посягательствам.

⁴¹ Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 12.

**Осужденные за убийство
(ст. 105 УК РФ)**

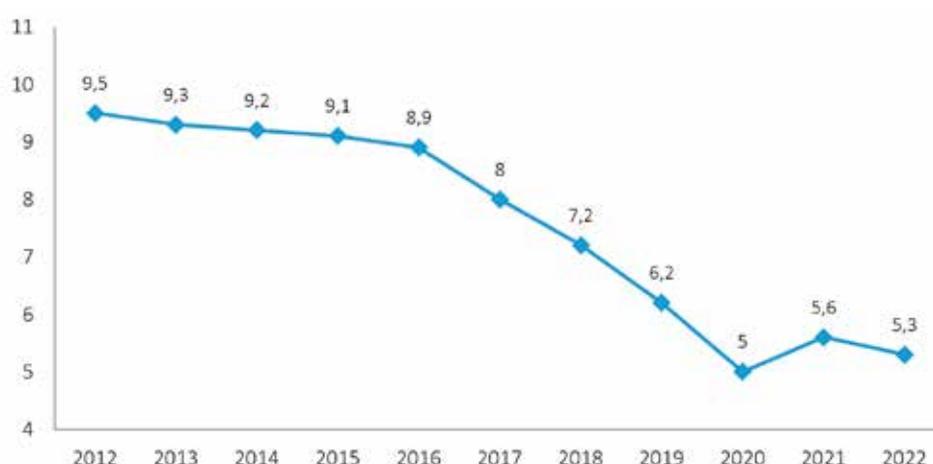
С учетом колоссальной значимости такого направления уголовной политики, как борьба с убийствами, уместным видится рассмотрение количества осужденных за убийство (суммарно по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ) (тыс.): 2012 г. — 9,5; 2013 — 9,3; 2014 г. — 9,2; 2015 г. — 9,1; 2016 г. — 8,9; 2017 г. — 8; 2018 г. — 7,2; 2019 г. — 6,2; 2020 г. — 5; 2021 г. — 5,6; 2022 г. — 5,3 (диаграмма 7).

Э. Ф. Побегайло, указывая на то, что в СССР коэффициент убийств был существенно ниже показателей современности: «в 1956 г. — 4,9, в 1966 г. — 6,1, в 1976 г. — 7,0, в 1985 г. — 6,8», утверждает, что необходимо брать в расчет как количество неопознанных трупов, так и число без вести пропавших и не найденных, указывая, что в 2007 г. в России неопознанных трупов было 76 780, без вести пропавших и не найденных 49 498⁴⁴.

Если количество осужденных за убийство в 2021 г. составляет 5,6 тыс., то, согласно сведе-

Диаграмма 7

Количество осужденных по ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК РФ (тыс.)

Указывая в очередной раз точку зрения А. Л. Репецкой, согласно которой зарегистрированным выступает лишь каждое пятое убийство⁴², отметим и высказывание Э. Ф. Побегайло о том, что в России учет убийств осуществляется по фактам, а не по жертвам⁴³.

Вышеуказанное накладывает существенный отпечаток на возможность компаративистских исследований рассматриваемого вопроса, констатируя среди прочего неуместность простого «механического» сравнения показателей зарубежных государств и России. Очевидно, что полученные подобным образом данные при их экстраполяции на количество жителей (к примеру, в расчете на 100 000 населения) будут существенно искажать реальную картину.

Росстата, количество погибших по причине убийства составляет уже 5,8 тыс. человек, что, по всей видимости, обусловлено учетом осужденных не только по ст. 105 УК РФ, но и по ст. 106–108 УК РФ. Еще более впечатляет цифра 48 тыс. человек, умерших в 2021 г., причина смерти которых неизвестна⁴⁵.

На примере убийств можно проиллюстрировать существенную разницу и очередной раз акцентировать внимание на проблеме сопоставимости данных и их корректной оценке. Так, если рассчитать долю умышленных убийств в структуре преступности по итогам 2022 г., то получается 0,27 % (5,3 тыс. осужденных от 1 966,8 тыс. преступлений). Если же рассчитать число осужденных за умышленное убийство

⁴² Репецкая А. Л. Указ. соч. С. 66.

⁴³ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности С. 24.

⁴⁴ Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности. С. 26.

⁴⁵ Демография // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.01.2023).

в общей массе осужденных (578,8 тыс.), то получается уже 0,92 %. Число осужденных за умышленное убийство в расчете на 100 тыс. населения составляет 3,6, что более чем в два раза ниже динамики умышленных убийств в СССР (России) в период 1956–1996 гг. (6,6)⁴⁶. Для сопоставления: в США данный показатель в период с 2010 по 2019 г. колебался от 4,4 до 5,4⁴⁷.

С учетом указанных выше данных за период 1950–1980-х гг. и того, что в 1992 и 1995 гг. в России совершалось 15,7 и 21,4 убийства в расчете на 100 тыс. населения⁴⁸, можно констатировать в целом положительную динамику, но с тенденцией к росту с 2021 г. Вместе с тем согласимся с авторами относительно необходимости учета для корректных выводов межведомственных данных, равно как и совершенствования системы идентификации причины смерти.

Официальная статистика Федеральной службы исполнения наказаний России

Еще один показатель, значимый, на наш взгляд, для формирования и оценки уголовной политики, — количество лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы (иногда именуемый авторами как «тюремное население»). В конце 2000-х гг. ученые утверждали, что количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (колониях и тюрьмах), а также находящихся до суда под стражей (в следственных изоляторах и других учреждениях, выполняющих их функции), составляло 893 тыс. человек. «В расчете на 100 тыс. населения это близко к показателям США и намного (многократно) больше, чем в европейских странах. Причем наблюдается ярко выраженная тенденция к

значительному возрастанию доли осужденных к лишению свободы (среди всех осужденных): в 1991 г. — 207,3 тыс., в 2001 г. — 368 тыс., в 2003 г. — 252 тыс., в 2006 г. — 314 тыс.»⁴⁹.

Руководство ФСИН России, в свою очередь, заявляет, что вследствие либерализации уголовно-исполнительной политики государства стабильно сокращается: «за последние 10 лет их численность сократилась практически на четверть миллиона человек»⁵⁰.

Данные показатели подтверждаются и на уровне Правительства России. Так, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, по состоянию на 1 января 2021 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 482,9 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых, что на 381,1 тыс. человек меньше, чем в 2010 г. (864 тыс. человек)⁵¹. Последние официальные данные указывают, что по состоянию на 1 января 2023 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 тыс. человек⁵².

Значимым индикатором видится численность лиц, отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых. Поскольку сведений относительно 2022 г. на момент написания статьи не опубликовано, ограничимся 2021 годом⁵³ (диаграмма 8).

Вслед за констатацией снижения общей численности отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых на 232,5 тыс. (39,7 %) уточним, что значимой видится характеристика лиц, осужденных за совершение преступления в разрезе возраста на момент совершения преступления. Для наглядности ограничимся динамикой двух возрастных групп: до 25 лет включительно и от 26 до 55 лет — как наиболее часто встречающихся (диаграмма 9).

⁴⁶ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 199.

⁴⁷ Центр катастроф (The Disaster Center). Население США и уровень преступности на 100 000 человек, 1960–2019 гг. URL: <https://www.disastercenter.com/crime/uscrime.htm> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴⁸ Лунеев В. В. Преступность XX века. С. 95.

⁴⁹ Наумов А. В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4. С. 3.

⁵⁰ Все меньше арестантов // Российская газета. 23.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/22/chislennost-zakliuchennyh-v-rf-obnovila-istoricheskij-minimum.html> (дата обращения: 11.04.2022).

⁵¹ Распоряжение правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 20. Ст. 3397.

⁵² Федеральная служба исполнения наказания : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 21.04.2022).

⁵³ Федеральная служба исполнения наказания : сайт. URL: <https://fsin.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2022).

Диаграмма 8

Общая численность отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых (тыс.)

Диаграмма 9

Количество (тыс.) и удельный вес (%) находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц в зависимости от возраста на момент совершения преступления

В целом количество лиц, совершивших преступление в возрасте до 55 лет, в исправительных колониях для взрослых уменьшилось на 216,9 тыс. (39,6 %). При этом лиц, совершивших преступление в возрасте до 25 лет, стало меньше на 85 тыс. (68,5 %), а совершивших преступление в возрасте от 26 до 55 лет — на 132 тыс. (31,1 %).

Интерес представляет также удельный вес возрастных категорий лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Так, если в 2012 г. каждый пятый осужденный, находящийся в исправительной колонии для

взрослых, совершил преступление в возрасте до 25 лет (а в 2008 г. даже каждый четвертый (27,1 %)), то к 2022 г. таких лиц стало в двое меньше (11,6 %). В категории совершивших преступление в возрасте от 26 до 55 лет наблюдается рост удельного веса на 10,4 процентного пункта (с 72,5 % до 82,9 %).

Демонстрируемая тенденция снижения как абсолютных, так и относительных показателей содержания в колониях для взрослых лиц, совершивших преступления в возрасте до 25 лет включительно, должна быть оценена положительно.

Отметим, что указанная динамика общего снижения находящихся в исправительных колониях для взрослых осужденных лиц, помимо прочего, связана с реализацией в отечественной уголовной политике института амнистии, несмотря на неоднозначное нормативное регулирование⁵⁴, равно как и отношение общества к указанному институту⁵⁵, воплощение предписаний которого в жизнь позволяет руководству ФСИН России указывать, что значительное количество лиц покинули места лишения свободы. К примеру, по итогам амнистии в связи с 70-летием победы в Великой отечественной войне (2015 г.) из исправительных учреждений для взрослых было освобождено 34,5 тыс. человек⁵⁶.

Интересна и характеристика сроков лишения свободы осужденных в колониях для взрослых (диаграмма 10).

правоприменитель всё чаще использует возможность назначения минимальных сроков лишения свободы. В то же время в науке существует точка зрения о весьма низкой эффективности кратких сроков лишения свободы⁵⁷. Со свойственной гуманитарным исследованиям вероятностью выводов отметим, что указываемая авторами низкая эффективность краткосрочного лишения свободы, наверное, должна иллюстрироваться последствиями подобного «недостаточного» превентивного воздействия и находить отражение в увеличении, к примеру:

а) абсолютных и (или) относительных показателей лишения свободы на более длительные сроки, чего мы не наблюдаем, поскольку и лишение свободы на срок от 1 года до 3 лет (на 58,3 тыс., или 3,1 %), и лишение свободы на срок от 3 до 5 лет (на 66 тыс., или 3,7 %), и ли-

Диаграмма 10

Характеристика сроков лишения свободы осужденных в колониях для взрослых (%)

Во-первых, отметим стабильный ежегодный рост количества лиц, осужденных на срок до одного года лишения свободы, с 1,5 % в 2012 г. до 4,2 % в 2021 г. (с 9,1 тыс. до 14,6 тыс.). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что

лишение свободы на срок от 5 до 10 лет (95,6 тыс., или 1,7 %) демонстрируют снижение. Лишь удельный вес осужденных к срокам лишения свободы от 10 до 15 лет демонстрирует увеличение с 11,5 % в 2012 г. до 15,8 % в 2021 г. (при

⁵⁴ Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1. С. 40–43.

⁵⁵ Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 9. № 1. С. 26.

⁵⁶ Подведены итоги амнистии в связи с 70-летием победы в Великой отечественной войне. 27.10.2015 // URL: <https://fsin.gov.ru/news/> (дата обращения: 09.07.2021).

этом в абсолютных цифрах данных лиц стало меньше на 11,8 тыс.);

б) количества преступающих черту закона повторно (это будет указано ниже), что также не позволяет говорить о проблемах в части назначения лишения свободы на краткие сроки.

Во-вторых, если в 2012 г. наиболее распространенные сроки лишения свободы (от 1 года до 10 лет) составляли в совокупности 81,5 %, то к 2021 г. данный показатель снизился до 73 %.

В-третьих, вызывает обеспокоенность рост удельного веса лиц, находящихся в колониях для взрослых, осужденных к срокам лишения свободы свыше 10 лет и пожизненно, каких в 2012 г. было лишь 16,9 %, а в 2021 г. уже 22,9 %. Общая численность отбывающих нака-

зание осужденных к длительным срокам лишения свободы, уменьшившаяся с 98,8 тыс. до 80,7 тыс. лиц (18,4 %), с учетом общего снижения числа лиц, отбывающих наказание в колониях для взрослых (232,5 тыс., или 39,7 %), не может не вызывать опасений и с очевидностью требует соответствующей реакции государства, в том числе с учетом того, что в советские времена «наука и практика высказывались категорически против как длительных и сверхдлительных, так и кратких сроков лишения свободы»⁵⁸.

Отдельного внимания заслуживает структура осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых в разрезе применения к данным лицам лишения свободы ранее (диаграмма 11).

Диаграмма 11

Количество осужденных к лишению свободы в исправительных колониях для взрослых с учетом повторности назначения лишения свободы (тыс.)

Данные показатели позволяют утверждать, что снижение количества лиц, осужденных к лишению свободы, на 232,5 тыс. (39,7 %) про-

изошло: во-первых, за счет лиц, осужденных к лишению свободы впервые, — на 127 тыс., или 48 % (с 264 тыс. до 137 тыс.), и, во-вторых,

⁵⁷ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 28 ; Крылов Г. В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. С. 145.

⁵⁸ Пудовочкин Ю. Е. Исправление средствами уголовного права: возможные перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. 2017. С. 129.

за счет тех, кто осужден к лишению свободы второй раз, — на 66 тыс., или 47,1 % (с 140 тыс. до 74 тыс.). Количество осужденных к лишению свободы в третий и более раз снизилось как в абсолютном, так и в относительном исчисле-

нии меньше — со 181 тыс. в 2012 г. до 141 тыс. в 2021 г. (на 22,3 %).

Наглядно изменившаяся структура количества осужденных к лишению свободы выглядит следующим образом (диаграмма 12).

Диаграмма 12

Осужденные к лишению свободы (исправительные колонии для взрослых)

Самое значимое изменение видится в увеличении на 9,2 процентных пункта доли осужденных к лишению свободы третий и более раз. Если в 2012 г. каждый третий (30,9 %) осужденный к лишению свободы уже был ранее дважды лишен свободы, то в 2021 г. таких лиц уже четверо из десяти (40,1 %).

Показательна динамика осуждаемых к лишению свободы впервые: в 2012 г. таковых было 264 тыс. (45,1 %), в 2021 г. — 137 тыс. (38,9 %).

Особого внимания требует преступность несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних. Авторы справедливо предлагают совершенствовать уголовный закон и практику его применения, «исходя из определения степени соответствия норм УК РФ международным стандартам прав ребенка»⁵⁹, указывают на то, что существует «необходимость крими-

нализации таких деяний, как попустительство преступной деятельности несовершеннолетних...»⁶⁰, отмечая, что рост числа совершенных несовершеннолетними преступлений и числа подростков, совершивших эти преступления, будет свидетельствовать о низкой степени предупредительной работы органов внутренних дел с преступностью несовершеннолетних. Однако чрезмерное число подростков, поставленных на учет в органах полиции за совершение правонарушений, вряд ли можно считать «победой» либо «поражением» в профилактической деятельности инспекций по делам несовершеннолетних⁶¹.

Наглядной видится статистика с указанием наиболее распространенных видов преступлений, совершенных несовершеннолетними (диаграмма 13).

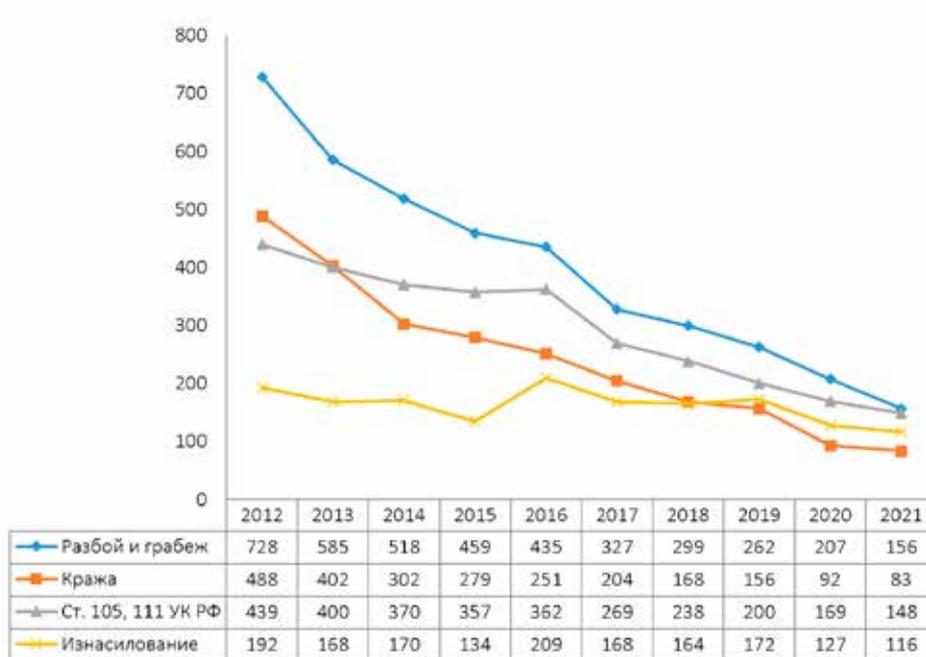
⁵⁹ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 9.

⁶⁰ Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы... С. 12.

⁶¹ Новичков В. Е. Реформировать российскую полицию и изменить качество ее работы в лучшую сторону можно! // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1. С. 101.

Диаграмма 13

Преступления лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних

С установлением доли рассматриваемых преступлений несовершеннолетних картина выглядит следующим образом:

Диаграмма 14

Структура преступлений лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (%)

Относительно преступности несовершеннолетних представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, можно констатировать снижение в три раза (с 2 293 до 842) количества лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних (в 9 раз по сравнению с 2008 г.). Стоит подчеркнуть, что подобная динамика наблюдается относительно всех видов преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Во-вторых, снижение абсолютных показателей количества несовершеннолетних преступников в большей степени связано с уменьшением количества совершаемых преступлений против собственности: в пять раз разбоев и грабежей (с 728 до 156), краж (с 488 до 83), а в три раза также убийств (с 184 до 65).

В-третьих, вызывает особую обеспокоенность непропорциональное снижение количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования (с 192 до 116), и, как следствие, рост удельного веса таких осужденных в общей массе осужденных с 11,6 % в 2012 г. до 30 % в 2021 г. То, что практически каждый третий, содержащийся в воспитательной колонии для несовершеннолетних, осужден за изнасилование, требует повышенного внимания со стороны государства.

Равным образом рассмотренная структура позволяет утверждать, что не должен оставаться без внимания факт роста доли несовершеннолетних, осужденных за убийство, с 26,5 % в 2012 г. до 38,2 % в 2021 г.

Подчеркнем, что особенности уголовной ответственности несовершеннолетних ученые верно относят к концептуальным началам уголовной политики⁶², а также акцентируем внимание на том, что «репрессивная уголовно-правовая политика должна корректироваться мерами воспитательно-профилактического характера»⁶³.

Заключение

В связи с тем, что составляющими единой уголовной политики следует считать политику уголовно-правовую, криминологическую (профилактическую), уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную (пенитенциарную) и постпенитенциарную, а также с учетом того, что уголовная политика должна быть научно и социально обоснована⁶⁴, количество показателей, которые необходимо принимать в расчет для формирования уголовной политики, чрезвычайно велико. Безусловно, видится необходимым подвергать анализу и профессионализм преступности (количество преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами), ущерб от преступности, восстановление прав потерпевшего от преступления (в первую очередь — материальное возмещение) и ряд иных показателей. Особо подчеркнем, что выстраивание фундамента стратегии борьбы с преступностью немыслимо без акцента на отдельно взятых элементах: конкретных составах преступлений (их группах и видах), конкретных категориях преступников и т.п.

Вместе с тем проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Немыслимо как формирование уголовной политики, так и оценка ее эффективности без установления объективной ситуации в сфере борьбы с преступностью, для чего целесообразно использовать все доступные современные методы, валидности которых необходимо уделять особое внимание. Вместе с тем ввиду латентности и масштабов преступности справедлива оценка официальной статистики в качестве, с одной стороны, базисного элемента уголовной политики, а с другой стороны, инструмента оценки ее эффективности.

2. Особую роль при работе со статистическими данными играет комплексный подход, предполагающий не простое сравнение исходного (первоначального) показателя и итогового, а учет множества факторов, оказывающих существенное влияние на динамику статистического ряда. Базисным видится установление взаимо-

⁶² *Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И.* Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к *de lege ferenda* // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13. № 4. С. 648.

⁶³ *Лесников Г. Ю.* Полинормативность уголовной политики // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2009. № 2. С. 72.

⁶⁴ *Лопашенко Н. А.* Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 46.

связи абсолютных и относительных (структурных и пропорциональных) значений.

3. Поверхностный анализ статистических данных МВД России, Верховного Суда РФ, ФСИН России, Росстата позволяет утверждать о наличии позитивных тенденций в динамике борьбы с преступностью, что выражается в уменьшении:

— количества зарегистрированных преступлений — на 14,6 % (2 302 тыс. в 2012 г. и 1 967 тыс. в 2022 г.);

— числа осужденных — на 21,7 % (739,3 тыс. в 2012 г. и 578,8 тыс. в 2022 г.);

— количества осужденных по ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ — с 9,5 тыс. в 2012 г. до 5,3 тыс. в 2022 г.;

— общей численности отбывающих наказание в исправительных колониях для взрослых — на 232,5 тыс. (39,7 %);

— количества лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях для несовершеннолетних, — в три раза (с 2 293 до 842).

4. Уменьшение количества зарегистрированных преступлений при одновременном росте обращений в органы внутренних дел в определенной степени можно объяснить:

— возросшим доверием к органам внутренних дел;

— декриминализацией и депенализацией ряда деяний вкпе с существенным ростом количества дел об административных правонарушениях, что свидетельствует не о безусловном отказе лиц от совершения преступлений, а

о «перетекании» некоторых антиобщественных деяний в разряд административных правонарушений.

5. Общим позитивным изменениям статистических показателей сопутствует динамика, на которую авторам уголовной политики стоит обратить самое пристальное внимание, характеризующаяся увеличением:

— количества привлекаемых к ответственности лиц, юридически имеющих судимость, по сравнению с 2012 г. на 4,1 % (а в сравнении с 2016 г. на 8,6 %);

— удельного веса лиц, находящихся в колониях для взрослых, осужденных к срокам лишения свободы свыше 10 лет и пожизненно, каковых в 2012 г. было лишь 16,9 %, а в 2021 г. уже 22,9 %;

— доли несовершеннолетних, осужденных за убийство, с 26,5 % в 2012 г. до 38,2 % в 2021 г.;

— как абсолютных показателей, так и доли в общей массе осужденных лиц, совершивших преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Кроме того, представляется заслуживающим внимания непропорциональное снижение количества лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних, осужденных за изнасилования, (с 192 до 116) и, как следствие, рост удельного веса таких осужденных в общей массе осужденных с 11,6 % в 2012 г. до 30 % в 2021 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

Артюшина О. В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // Правоприменение. 2017. № 3. С. 135–142.

Бабаев М. М. Неопределенность и проблемы правоприменения // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 12–19.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10.

Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Изменения российского уголовного закона и их уголовно-политическая оценка // Государство и право. 2012. № 8. С. 35–45.

Бахарев Д. В. Об иллюзиях и реалиях российской уголовной политики последнего десятилетия // Вестник Пермского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 9–14.

Бочарникова Л. Н., Бельский А. И. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2012. № 1. С. 40–43.

Бражников Д. А., Афанасьева О. Р., Коваленко В. И., Маликов С. В. Криминальная ситуация в Российской Федерации: состояние и тенденции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3. С. 66–78.

Васин Ю. Г. Прогнозирование преступности: перспективы стохастического подхода // Право и государство: теория и практика. 2015. № 7. С. 101–108.

Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В., Платонова Н. И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 641–650.

Жуков А. М. Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному взысканию (ст. 264.1 УК РФ): уголовно-правовой анализ и проблемы применения // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 145–153.

Зейналов Ф. Н., Коблев П. С. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 4 (45). С. 17–22.

Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2022 года и ожидаемые тенденции ее развития / М. В. Гончарова, С. А. Невский, М. М. Бабаев [и др.]. М. : ВНИИ МВД России, 2023. 102 с.

Крылов Г. В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985. 170 с.

Лесников Г. Ю. Полиномативность уголовной политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2009. № 2. С. 72–78.

Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 48 с.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. № 4. С. 35–44.

Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. 579 с.

Лунеев В. В. Латентной криминальности необходим системный мониторинг // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 3. С. 41–49.

Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. 489 с.

Лунеев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог : журнал о праве. 2014. Т. 2. № 4. С. 45–52.

Майоров А. В. Краткий аналитический обзор состояния преступности на территории Российской Федерации (2010–2017 гг.) // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 1. С. 120–123.

Мальшева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 519 с.

Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 59 с.

Мышко Ф. Г., Аминов Д. И. Где скрываются резервы эффективности уголовно-правовой политики // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 48–51.

Наумов А. В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4. С. 3–8.

Наумов А. В. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 134–137.

Новичков В. Е. Реформировать российскую полицию и изменить качество ее работы в лучшую сторону можно! // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2012. № 1. С. 98–103.

Номоконов В. А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 32–36.

Номоконов В. А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 438–446.

Номоконов В. А. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера сегодня, завтра. 2012. № 3. С. 48–57.

Побегайло Э. Ф. Смертная казнь как эффективная мера общественной безопасности // Публичное и частное право. 2010. № 3. С. 24–36.

Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ имени И. Канта. Вып. 9 : Экономические и юридические науки. 2007. С. 6–15.

Пудовочкин Ю. Е. Исправление средствами уголовного права: возможные перспективы // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова / под ред. В. Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 126–133.

Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 59 с.

Репецкая А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 55–68.

Скуратов Ю. И., Чурилов С. Н., Грудинин Н. С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 9. № 1. С. 20–27.

REFERENCES

Antonov AD. Theoretical foundations of criminalization and decriminalization. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2001. (In Russ.).

Artyushina OV. Issues of qualification of crimes against life and health. *Pravoprimenie*. 2017;3:135-142. (In Russ.).

Babaev M. M. Uncertainty and problems of law enforcement. *Man: Crime and Punishment*. 2017;25(1):12-19. (In Russ.).

Babaev MM, Pudovochkin YuE. Changes in the Russian criminal law and their criminal and political assessment. *Gosudarstvo i pravo*. 2012;8:35-45. (In Russ.).

Babaev MM, Pudovochkin YuE. Dead norms in the Criminal Code: problems and solutions. *Criminal Law*. 2010;6:4-10. (In Russ.).

Bakharev DV. The illusions and realities of the Russian criminal policy of the last decade. *Journal of the Perm institute of the FPS of Russia*. 2019;4:9-14. (In Russ.).

Bocharnikova LN, Belskiy AI. Problems of realisation of the right to amnesty and pardon in the Russian legislation. *Vestnik of the Belgorod law institute of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2012;1:40-43. (In Russ.).

Brazhnikov DA, Afanasyeva OR, Kovalenko VI, Malikov SV. Criminal situation in the Russian Federation: general state and trends. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2017;3:66-78. (In Russ.).

Endoltseva AV, Endoltseva YuV, Platonova NI. Basics of criminal policy: from theoretical discourse to de lege ferenda. *Russian Journal of Criminology*. 2019;13(4):641-650. (In Russ.).

Goncharova MV, Nevskiy SA, Babaev MM, et al. comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation by the end of 2022 and the expected trends in its development. Moscow: VNII MVD Rossii; 2023. (In Russ.).

Krylov GV. The problems of decriminalization of acts in Soviet criminal law. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow; 1985. (In Russ.).

Lesnikov GYu. Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational foundations). Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

Lesnikov GYu. The polynormativity of criminal policy. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2009;2:72-78. (In Russ.).

Lopashenko NA. Criminal policy. Moscow: Walters Kluwer; 2009. (In Russ.).

Lopashenko NA. Russian criminal policy regarding economic crimes (analysis of criminal legislation changes). *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2010;4:35-44. (In Russ.).

Luneev VV. Correlation of criminal realities with the theory of law in Russia. *Prologue : Journal of Law*. 2014;2(4):45-52. (In Russ.).

Luneev VV. Crime of the 20th century. Global, Regional and Russian Trends. Moscow: Norma Publ.; 1997. (In Russ.).

Luneev VV. Latent criminality requires systematic monitoring. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2010;3:41-49. (In Russ.).

Malysheva OA. The modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings. Dr. Sci. (Law) Diss. Ryazan; 2006. (In Russ.).

Mayorov AV. A brief analytical review of the state of crime in the territory of the Russian Federation (2010–2017). *Law and Order: History, Theory, Practice*. 2018;1:120-123. (In Russ.).

Melnichenko AB. Criminal law means of ensuring national security of the Russian Federation. Dr. Sci. (Law) Diss. Rostov-on-Don; 2009. (In Russ.).

Myshko FG, Aminov DI. Hideouts reserves the effectiveness penal policy? *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2012;11:48-51. (In Russ.).

Naumov AV. Criminal statistics: crime and its stability. *Criminal Law*. 2008;4:134-137. (In Russ.).

Naumov AV. On criminal policy in the field of sentencing and execution of punishment. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2008;4:3-8. (In Russ.).

Nomokonov VA. Anti-criminal policy: from liberalization to radicalization? *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 2014;1:32-36. (In Russ.).

Nomokonov VA. Criminal «decriminalization». *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012;3:48-57. (In Russ.).

Nomokonov VA. On the criminality of Russian policy in the field of combating crime. *Russian Journal of Criminology*. 2016;3:438-446. (In Russ.).

Novichkov VE. It is possible to reform the Russian police and change the quality of its work for the better! *Proceedings of Southwest State University. The series: History and Law*. 2012;1:98-103. (In Russ.).

Pobegailo EF. Criminal policy of modern Russia: the author's concept. *Vestnik of the Kant Russian State University. Economic and Legal Sciences*. 2007;9:6-15. (In Russ.).

Pobegailo EF. The death penalty as an effective measure of public safety. *Public and private law*. 2010;3:24-36. (In Russ.).

Pudovochkin YuE. Criminal law and criminological problems of the prevention of crimes against minors. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Lapshin VF (ed.). Correction by means of criminal law: possible prospects. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of professors of the Department of Criminal Law of the Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR V. A. Eleonsky and N. A. Ogurtsova. Ryazan; 2017. (In Russ.).

Repetskaya AL. Murders in Russia: the method of determining the latent array. *Tomsk State University Journal of Law*. 2019;32:55-68. (In Russ.).

Skuratov Yul, Churilov SN, Grudinin NS. State policy in the sphere of amnesty and pardon in the Russian Federation: tendencies and contradictions. *Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law*. 2016;9(1):20-27. (In Russ.).

Vasin YuG. Forecasting criminality: perspectives stochastic approach. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2015;7:101-108. (In Russ.).

Zeynalov FN, Koblev PS. Criminal liability for violation of traffic rules by a person subjected to administrative punishment. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. 2018;4(45):17-22. (In Russ.).

Zhukov AM. Violation of traffic rules by a person subjected to an administrative penalty (Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law analysis and problems of application. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2:145-153. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслов Вилли Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России
д. 66, ул. Корепина, г. Екатеринбург 620057, Российская Федерация
villi@e1.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Villy A. Maslov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Research and Editorial and Publishing Department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
66, Korepina St., Yekaterinburg 620057, Russian Federation
villi@e1.ru

*Материал поступил в редакцию 9 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 29 октября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 09.10.2023.
Revised 29.10.2023.
Accepted 18.12.2023.*

Принцип равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации

Резюме. Формализация в законодательных актах идеи равенства в виде нормы-принципа является одним из атрибутов системы правового регулирования в России. Исследование реализации принципа равенства в законодательстве об административных правонарушениях представляет интерес по нескольким причинам, которые носят теоретико-правовой и прикладной характер. Различные отрасли законодательства имеют свои специфические особенности, и законодательство об административных правонарушениях не является исключением. С учетом этого формально-юридическое оформление принципа равенства изменяется и приобретает новые элементы, к ним относятся, например, исключения из содержащихся в норме-принципе правил. В исследовании предпринята попытка обоснования позиции о несовершенстве нормы-принципа «равенство перед законом», сформулированной в КоАП РФ. К задачам исследования относится раскрытие содержания принципа с учетом специфики законодательства; определение дефектов формально-юридического оформления принципа и предложение мер по их устранению; обоснование отсутствия объективных и разумных оснований дифференциации мер административной ответственности по критерию места совершения административного правонарушения (совершение правонарушения в некоторых субъектах Российской Федерации влечет повышенные меры ответственности в соответствии с КоАП РФ). Предложены конкретные меры по устранению выявленных недостатков правового регулирования. Задачи и логика исследования предопределили его структуру, которая включает в себя три части. В первой части определены особенности содержания принципа равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях. Во второй части исследования выдвигается предложение по изменению ст. 1.4 КоАП РФ. В части 1 ст. 1.4 КоАП РФ предложено установить, что перед законом равны все физические и юридические лица, за исключением случаев, определенных статьей. Обоснована необходимость определения в законе исчерпывающего перечня субъектов, которые обладают иммунитетом от применения к ним мер административного принуждения; предлагаются и некоторые другие изменения законодательства. В третьей части исследования сделан вывод о необходимости исключения некоторых норм ввиду их несоответствия принципу равенства.

Ключевые слова: Конституция РФ; КоАП РФ; норма права; принцип; справедливость; равенство; равенство всех перед законом; иммунитет; привилегии; исключения; специальный субъект; правовой статус; административная ответственность; меры принуждения

Для цитирования: Малахов С. А. Принцип равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 91–102. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.091-102

Equality before the Law Principle in Administrative Offences Legislation of the Russian Federation

Sergey A. Malakhov

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
Moscow, Russian Federation

Abstract. The formalization of the idea of equality in legislative acts as a norm principle is one of the attributes of the legal regulation system in Russia. The study of the implementation of the principle of equality in the legislation on administrative offenses is of interest for several reasons that are theoretical, legal and applied in nature. Various branches of legislation have their own specific features, and legislation on administrative offenses is no exception. With this in mind, the formal legal formalization of the principle of equality is changing and acquiring new elements, these include, for example, exceptions to the rules contained in the norm principle. The study attempts to substantiate the position on the imperfection of the norm principle of «equality before the law», formulated in the Administrative Code of the Russian Federation. The objectives of the study include an analysis of the principle, taking into account the specifics of legislation; identification of defects in the formal legal formalization of the principle and the proposal of measures to eliminate them; justification for the lack of objective and reasonable grounds for differentiating administrative liability measures according to the criterion of the place of commission of an administrative offense (committing an offense in some constituent entities of the Russian Federation entails increased liability measures in accordance with the Administrative Code of the Russian Federation). Specific measures are proposed to eliminate the identified shortcomings of legal regulation. The tasks and logic of the study predetermined its structure, which includes three parts. The first part defines the specifics of the content of the principle of equality before the law in the legislation on administrative offenses. In the second part of the study, the author puts forward a proposal to amend Article 1.4 of the Administrative Code of the Russian Federation. It is proposed to establish in Part 1 of Article 1.4 of the Administrative Code of the Russian Federation that all individuals and legal entities are equal before the law, except in cases defined therein. The necessity of defining in the law an exhaustive list of entities that are immune from the application of administrative coercion measures to them is justified; some other legislative changes are also proposed. In the third part of the study, it is concluded that it is necessary to exclude certain norms due to their inconsistency with the principle of equality.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; Administrative Code of the Russian Federation; rule of law; principle; justice; equality; equality of all before the law; immunity; privileges; exceptions; special subject; legal status; administrative responsibility; coercive measures

Cite as: Malakhov SA. Equality before the Law Principle in Administrative Offences Legislation of the Russian Federation. *Lex russica*. 2024;77(1):91-102. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.091-102

Введение

Ориентация на обеспечение прав и свобод человека является показателем (критерием) уровня цивилизованности современного государства, на что указывают не только предписания конвенциональных международных правовых источников, устанавливающих стандарты в сфере прав человека, но и многочисленные нормы национальных законодательных актов, прежде всего конституций. Такая политико-правовая установка декларируется и в Конституции РФ¹.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина находятся в не-

разрывной взаимосвязи с принципами права, формально-юридически закрепляемыми в правовых предписаниях (нормах-принципах). Нормы-принципы содержат основные правовые идеи, определяющие направления формирования и применения всего законодательства или значительной его части. Они характеризуются своей стабильностью и одновременным обращением к законодателю, правоприменителю, гражданам (а также иностранным гражданам и лицам без гражданства) и их объединениям. Нормы-принципы, ввиду занимаемого ими места в системе правового регулирования, могут быть материальными, процессуальными или

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2023).

материально-процессуальными; могут состоять из одного или нескольких правовых предписаний. Такова внешняя форма выражения большинства принципов, в том числе принципа равенства или равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ).

В юридических исследованиях в содержание принципа равенства включают равный объем прав и свобод, обязанностей, а также оснований юридической ответственности (при одинаковом уровне поведения субъектов)². Представляется, что принцип равенства устанавливает требования по одинаковому применению положений, закрепленных в законодательстве, ко всем физическим и юридическим лицам, при этом содержание данных положений не обязательно должно формально соответствовать критерию равенства независимо ни от каких обстоятельств. Например, ответственность несовершеннолетних, в том числе малолетних, лиц не тождественна ответственности совершеннолетнего лица, и данное правило для всех действует одинаково.

Равенство подразумевает одинаковое для всех значение закона, при этом последним далеко не всегда лица наделяются равным объемом прав, свобод, обязанностей, не для всех устанавливаются и равные основания юридической ответственности, о чем свидетельствуют нормативно зафиксированные изъятия из общих правил. Например, статья 91 Конституции РФ определяет неприкосновенность Президента РФ.

Таким образом, реализация принципа равенства зависит от некоторых обстоятельств, среди которых связь конкретного лица с позицией, которую оно занимает в общественной жизни. Это может быть должность на государственной службе, предполагающая наличие иммунитетов при привлечении к административной ответственности. Такие исключения порождают позицию о наличии противоречий и отсутствии справедливого правового регулирования привлечения к ответственности. Отсюда следует, что принцип равенства находится в

тесной взаимосвязи с идеей справедливости в праве. На сегодняшний день можно говорить об актуализации исследования принципа равенства перед законом из-за запроса общества на справедливость.

Принцип равенства является общеправовым, значимым для всей правовой системы, в связи с чем его закрепление в ст. 19 Конституции РФ закономерно. Содержащийся в конституционных предписаниях принцип равенства является достаточно емким, определяющим параметры материальных и процессуальных аспектов юридической ответственности.

Правильное толкование конституционного принципа равенства в отечественном законодательстве предполагает обращение к другим, связанным с ним конституционным и отраслевым нормам.

Предписания Конституции РФ, несмотря на их прямое действие, находят свое продолжение и конкретизацию в нормах отраслевого законодательства с учетом его специфики³. При этом справедливо утверждение, что значение принципа равенства всех перед законом не может быть искажено спецификой отношений, регулируемых законодательством об административных правонарушениях⁴.

Данное законодательство является охранительным, устанавливающим административную деликтность деяний и регулирующим процессуальный порядок привлечения к административной ответственности. Некоторые его специфические черты, к которым относится установление административной ответственности не только для физических, но и для юридических лиц, применение административно-деликтных норм не только судом, но и другими субъектами публичной власти (в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ говорится о равенстве перед судом), во многом предопределили содержание нормы, описывающей принцип равенства перед законом, — статьи 1.4 КоАП РФ⁵.

В данной норме-принципе устанавливается перечень обстоятельств, независимо от наличия которых юридические лица подлежат

² Зубакин В. Ю. Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов, 2006. С. 7.

³ См., например: ст. 1.4 КоАП РФ; ст. 4 УК РФ; ст. 8 КАС РФ; ст. 7 АПК РФ; ст. 6 ГПК РФ; ч. 2 ст. 3 НК РФ.

⁴ Новиков А. В. Принцип равенства перед законом в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 1 (32). С. 128.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

административной ответственности (о последних не сказано в ст. 19 Конституции РФ); а также перечень исключений для индивидуальных и коллективных субъектов, на которые распространяются особые условия применения мер обеспечения производства и применения мер ответственности (ч. 2 и 3).

В зарубежных правовых исследованиях делается вывод о разной интерпретации принципа равенства перед законом, в том числе в актах национального законодательства, предметом регулирования которых является юридическая ответственность. Например, американское законодательство реализует идею равенства перед законом, как правило, фокусируясь на одинаковой для всех лиц обязанности претерпеть негативные последствия совершенного ими противоправного деяния, то есть первостепенное значение имеет материальный аспект ответственности (равные наказания за одинаковые правонарушения). Для правовой традиции стран континентальной Европы характерно понимание принципа равенства перед законом не только в указанном значении, в ней акцентируется влияние равенства и при реализации порядка привлечения к ответственности (процессуальный аспект)⁶.

В данной части следует отметить, что формулировка принципа равенства перед законом в ст. 1.4 КоАП РФ фактически распространяет свое действие не только на материальную, но и на процессуальную часть законодательства об административных правонарушениях.

Вместе с тем системный анализ норм законодательства об административных правонарушениях Российской Федерации выявляет, что нормативное оформление принципа равенства перед законом не является совершенным (близким к совершенному). Некоторые исключения из данного принципа вносят правовую неопределенность, имеются и иные недостатки, которые сказываются на практике применения закона.

Проблемы формально-юридического оформления принципа равенства всех перед законом в законодательстве об административных правонарушениях и меры по их устранению

Прежде всего, формулировки, которые использовал законодатель при изложении рассматриваемого принципа в КоАП РФ, не являются точными и способны порождать разночтения.

I. Принцип равенства в административно-деликтном законодательстве не предполагает равенства всех лиц без исключения, что, на первый взгляд, нельзя отождествлять в качестве несовершенства нормы. В части 1 ст. 1.4 КоАП РФ говорится о равенстве перед законом только лиц, совершивших административные правонарушения. Данный правовой статус лицо приобретает, когда установлены все обстоятельства, подлежащие выяснению по делу⁷. До этого (с момента возбуждения дела об административном правонарушении — ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ) оно является лицом, в отношении которого ведется производство.

Процессуальными документами, дающими субъекту статус лица, которое совершило административное правонарушение, являются протокол об административном правонарушении и постановление по делу об административном правонарушении (именно в них фиксируется наличие в деянии лица состава административного правонарушения). Соответственно, до составления данных документов действие принципа не распространяется на лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а действует он лишь при назначении административного наказания или освобождении от него (ответственности).

Однако права и свободы граждан (юридических лиц) могут подлежать ограничению и до составления протокола или вынесения постановления по делу об административном правонарушении (например, при применении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении).

Часть 1 ст. 1.4 КоАП РФ, провозглашая равенство «лиц, совершивших административное

⁶ *Whitman J. Q. Equality in Criminal Law: The Two Divergent Western Roads // Journal of Legal Analysis. Vol. 1. Iss. 1. Winter 2009. P. 119–165. URL: <https://doi.org/10.4159/jla.v1i1.8>.*

⁷ Кроме случаев реализации упрощенного порядка производства по делу об административном правонарушении, предусмотренного частью 3 ст. 28.6 КоАП РФ.

правонарушение», может в некоторой степени быть объяснена установленными в ч. 2 данной статьи особыми условиями применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (речь идет о полных или частичных иммунитетах от их применения). Однако в ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ не учитывается, что в других нормах иммунитеты распространяются и на применение административных наказаний (например, ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ).

Данные доводы не позволяют назвать действующую редакцию нормы-принципа равенства перед законом удачной с точки зрения объема ее правового регулирования.

Имеющаяся в законодательстве об административных правонарушениях формулировка принципа равенства перед законом не позволяет распространять его действие на некоторые аспекты процессуальных отношений в области правового статуса участников производства или в сфере доказывания (например, на оценку доказательств по делу об административном правонарушении).

Принцип равенства в ст. 1.4 КоАП РФ является отраслевым продолжением конституционных предписаний о равенстве всех перед законом и судом (последнее подразумевает равенство всех лиц, в отношении которых ведется производство, перед судом). В административно-деликтном законодательстве с учетом его специфики — наличия полномочий по рассмотрению дел о правонарушениях не только у суда, но и у органов исполнительной власти — должно быть предусмотрено аналогичное правило. Его нормативное оформление сводимо к расширению перечня тех субъектов, на которых распространяет свое действие принцип равенства, потому что оценка уполномоченным лицом доказательств и другие процессуальные действия являются участками производства, на которых принимаются решения, влияющие на его дальнейший ход. Данные решения в том числе изменяют правовое состояние субъекта, который вовлечен в производство, а им, как было определено ранее, является не только «лицо, совершившее административное правонарушение».

Таким образом, в ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ целесообразно установить, что перед законом равны все физические и юридические лица, за исключением случаев, определенных настоящей статьей, а не только лица, совершившие административные правонарушения, при этом в корректировке нуждаются и другие предписания нормы-принципа (ч. 2 и 3 ст. 1.4 КоАП РФ).

II. Часть 2 ст. 1.4 КоАП РФ устанавливает правило об особых условиях применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции. В норме приводится перечень некоторых должностных лиц⁸, среди которых имеется указание на «иных лиц».

Употребление в нормах-принципах необоснованно абстрактных формулировок нельзя признать допустимым. Термин «иные лица» следует конкретизировать, особенно в условиях тенденции роста числа субъектов, обладающих иммунитетами⁹. Некоторыми авторами предлагаются заслуживающие внимания подходы к такой конкретизации.

Имеются предложения о детализации словосочетания «иные лица» с учетом содержания ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (о трех видах государственной службы), но к сожалению, конкретной формулировки нормы-принципа автором не приводится¹⁰. Кроме этого, в высказанной позиции не учитывается правовой статус некоторых субъектов, включающий в себя иммунитет от административной ответственности, например должностных лиц органов местного самоуправления. Вместе с тем нельзя говорить о том, что должностные лица органов местного самоуправления выполняют государственные функции (они выполняют функции местного самоуправления). В связи с этим положения ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ не согласуются с ч. 9 ст. 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закрепляющей гарантии неприкосновенности некоторых субъектов муниципальной власти.

⁸ Депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники Следственного комитета РФ и иные лица.

⁹ Хромов Е. В. Привлечение к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом // *Lex russica* (Русский закон). 2017. С. 61.

¹⁰ Бабаян К. А. Принципы доказывания в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов // *Административное и муниципальное право*. 2014. № 7. С. 680–688.

Авторами предлагается ряд мер, направленных на устранение рассогласованности между нормами, среди которых определение в нормах КоАП РФ закрытого перечня лиц, в отношении которых применяются специальные правила производства по делам об административных правонарушениях¹¹. Использование казуистического способа изложения правового предписания в данном случае представляется уместным; следует отметить, что таким образом оно сформулировано в ст. 1.11 проекта федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹².

В юридической литературе имеется мнение о том, что иммунитеты от административной ответственности должностных лиц государственной гражданской и правоохранительной службы должны быть вовсе отменены¹³.

Вопросы справедливости установления привилегий в правовых отношениях, связанных с мерами государственного принуждения (в частности, особенностями юридической ответственности) для некоторых субъектов, осуществляющих государственную функцию, неоднократно были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ¹⁴. Из его позиций следует, что иммунитеты, которыми наделены субъекты, осуществляющие государственную функцию, являются средством защиты публичных интересов, а не личными привилегиями и их отмена создает угрозу для стабильного состояния системы публично-правовых отношений.

Совокупность изложенных аргументов свидетельствует о потребности изменения ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ, так как действующая ее редак-

ция не согласуется с системой правового регулирования, допускает разночтения и способна создавать трудности в правоприменительной деятельности.

Во-первых, формулировка «государственные функции» может быть заменена на «функции публичного управления» или «функции публичной власти», что соответствовало бы содержанию перечня исключений из принципа равенства перед законом в административно-деликтных отношениях.

Во-вторых, в примечании к ст. 1.4 КоАП РФ целесообразно закрепление исчерпывающего перечня субъектов, которые обладают иммунитетом от применения к ним мер административного принуждения, а формулировку «иные лица» необходимо исключить из ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ.

III. Часть 3 ст. 1.4 КоАП РФ устанавливает особые условия административной ответственности для субъектов малого и среднего предпринимательства. Данная часть нормы-принципа отсылает к возможности замены административного штрафа на предупреждение для субъектов, относящихся к малому и среднему предпринимательству, что является инструментом по защите их прав от чрезмерно репрессивных государственных мер принуждения, которые способны привести к ликвидации данных категорий хозяйствующих субъектов. Конституционный Суд РФ отмечает, что такое правовое регулирование является в том числе средством индивидуализации наказания¹⁵.

В действительности индивидуализация наказания является необходимым элементом

¹¹ Нобель А. Р. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в контексте реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138). С. 54–62.

¹² Проект кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) // URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 09.05.2023).

¹³ Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 743–752.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // СЗ РФ. 2002. № 16. Ст. 1601; постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А. В. Барбаша» // СЗ РФ. 1996. № 14. Ст. 1549.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 1563-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Термопласткомпозит” на нарушение консти-

производства по делу об административном правонарушении, посредством нее обеспечивается справедливое разбирательство по делу. Вместе с тем следует отметить, что индивидуализация наказания должна происходить в рамках правоприменительной деятельности.

В нормах закона закрепляются только критерии реализации индивидуализации наказания. Такие критерии установлены, например, в нормах о правилах назначения различных видов административных наказаний или о смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельствах. При установлении критериев необходимо стремиться к разумной справедливости; исключения из общих правил должны быть в достаточной степени мотивированы, должны иметь направленность на достижение целей и задач законодательства. В иных случаях исключения из общих правил (подобные части 3 ст. 1.4 КоАП РФ) способствуют не индивидуализации наказания, а скорее дискриминации.

Некоторые авторы, соглашаясь со значимостью особых условий привлечения к ответственности, предлагают пойти дальше и установить дифференцированные размеры административного штрафа для различных категорий субъектов предпринимательства. При этом в качестве аргумента называется разница в размере оборота хозяйствующих субъектов, а также зависящая от этого в большинстве случаев разница в характере угрозы их деяний¹⁶.

Представляется, что такая необходимость отсутствует, так как, во-первых, далеко не во всех случаях размер оборота предприятия сказывается на общественной опасности правонарушения (не было обнаружено никаких достоверных эмпирических данных, которые бы подтверждали этот тезис), во-вторых, в законодательстве об административных правонарушениях предусмотрены правовые предписания, которые

создают комплекс гарантий для соразмерного (пропорционального) назначения административного наказания в отношении юридических лиц¹⁷; в-третьих, предложенная дифференциация размеров административных штрафов будет существенно ограничивать усмотрение правоприменителя и индивидуализацию применяемых мер административной ответственности. В итоге такой подход нельзя признать соответствующим принципу равенства перед законом.

Вместе с тем действующая формулировка ч. 3 ст. 1.4 КоАП РФ, как видится, необоснованно ограничивает в праве на замену административного наказания в виде административного штрафа предупреждением физических лиц, а также юридических лиц, не входящих в определенные нормой категории. Справедливым является установление правовой возможности замены административного штрафа предупреждением для всех видов субъектов, в таком случае данный порядок назначения административного наказания перестанет быть привилегией для определенного круга лиц.

В этой связи положительно оценивается содержащаяся в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях установка о введении общего правила назначения гражданам (и другим субъектам) административного наказания в виде предупреждения (п. 2.4.3.2)¹⁸.

В Концепции исследуемый принцип назван «равенством», но что стоит за данным наименованием — остается неопределенным. Непонятно его соотношение с другими принципами, имеющимися в перечне, например с принципом справедливости. Важно отметить, что содержащиеся в Концепции положения, касающиеся норм-принципов законодательства об административных правонарушениях,

туционных прав и свобод частью 1 статьи 4.1.1, частью 1 статьи 12.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также частью 1 статьи 1 и пунктом 1 статьи 2 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Решения Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru/ru> (дата обращения: 01.06.2023).

¹⁶ Переседов А. М. Установление дифференцированного размера административной ответственности для различных категорий подконтрольных субъектов в целях обеспечения и защиты интересов малого и среднего предпринимательства // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 30–34.

¹⁷ Например, назначение административного наказания для юридического лица менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией нормы (ч. 3–3.5 ст. 4.1 КоАП РФ).

¹⁸ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRvRfPpSydJQShBlwIAy7khO7Nat9EL.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

представляются недостаточно проработанными. В документе, который представляет собой основу реформирования отрасли законодательства, декларативно определяется только перечень норм-принципов.

Таким образом, основополагающие начала законодательства концептуально недоработаны, хотя именно на их особенности (в частности, исключениях из принципов) и следовало бы обратить особое внимание.

Дефекты взаимосвязи нормы-принципа равенства перед законом и норм Особенной части КоАП РФ

Норма-принцип равенства перед законом устанавливает те базовые начала, которым должны соответствовать другие нормы законодательства, в этом состоит их системная связь, но анализ последней не позволяет заключить, что данное правило соблюдается.

Нормами КоАП РФ предусмотрены более строгие меры административной ответственности за совершение административных правонарушений в сфере безопасности дорожного движения (ч. 5 и 7 ст. 12.16, ч. 1.2 ст. 12.17, ч. 5 и 6 ст. 12.19, ч. 2 ст. 12.28), миграционных правил (ч. 3, 3.1 ст. 18.8, ч. 2 ст. 18.8, ч. 4 ст. 18.15, ч. 3 ст. 18.16) и порядка управления (ч. 2 ст. 19.15, ч. 2 ст. 19.15.1, ч. 2 и 4 ст. 19.15.2, ч. 3 ст. 19.27) в городах Москве, Санкт-Петербурге, некоторых других субъектах России (Московской и Ленинградской области: ч. 3, 3.1 ст. 18.8, ч. 2 ст. 18.10, ч. 3 ст. 19.27 и некоторые другие).

Конституционный Суд РФ признал допустимость и законность подобного правового регулирования в сфере дорожного движения и отметил специфику дорожно-транспортной обстановки городов Москвы и Санкт-Петербурга как крупных транспортных узлов, что предопределяет более сложные условия дорожного движения в этих городах. Кроме этого, Суд обратил внимание на повышенную общественную опасность данных правонарушений¹⁹.

В юридических исследованиях отмечается, что признаки административного правонаруше-

ния имеются у всех правонарушений и место их совершения никак данное обстоятельство не отменяет²⁰, с таким подходом нельзя не согласиться.

Более того, как можно говорить о повышенных мерах административной ответственности за некоторые правонарушения в городах федерального значения, когда в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации нет ни одного слова о признаке общественной опасности правонарушения. Между тем фактически именно на данный признак указывает Конституционный Суд РФ в обоснование своей позиции о конституционности исключений из принципа равенства перед законом. Признак общественной опасности присущ понятию преступления, но не административного правонарушения. На сегодняшний день отсутствует установленный в законе критерий, который бы позволил проводить разграничение правонарушений.

Следует отметить, что даже если бы общественная опасность была формально-юридически определена в качестве признака административного правонарушения, то деяния, за которые установлены повышенные меры ответственности, все равно не отвечают заявленному критерию.

Так, за несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками, запрещающими движение грузовых транспортных средств, предусмотрен штраф в размере 500 руб. (ч. 6 ст. 12.6 КоАП РФ), за то же деяние в Москве или Санкт-Петербурге — 5 000 руб. (ч. 7 ст. 12.6 КоАП РФ). Вызывает сомнение, что общественная опасность данного административного правонарушения при совершении его в Москве и Санкт-Петербурге становится настолько больше, что административный штраф увеличивается десятикратно.

Части 5 и 6 ст. 12.19 КоАП РФ предусматривают повышенное наказание в виде административного штрафа за нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств, совершенное в Москве или Санкт-Петербурге, но при этом, например, за нарушение правил маневрирования или допустимой скорости дви-

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1.2 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2288.

²⁰ Кузьмичева Г. А., Молчанов П. В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 61–63.

жения, которые действительно в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, несут бóльшую общественную опасность, повышенный административный штраф не устанавливается.

Статистика за 2020, 2021 и 2022 гг.²¹ свидетельствует о том, что к наиболее соответствующим факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий относятся другие нарушения (управление транспортными средствами водителями, имеющими признаки опьянения (ч. 1 и 3 ст. 12.8, ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ); превышение установленной скорости движения транспортного средства (ст. 12.9 КоАП РФ); выезд в нарушение ПДД на полосу дороги, предназначенную для встречного движения (ч. 4 и 5 ст. 12.15 КоАП РФ); нарушение ПДД пешеходами и непредоставление преимущества в движении пешеходам (ч. 1 ст. 12.29, ст. 12.30, 12.18 КоАП РФ)). Однако повышенная административная ответственность на территории субъектов Российской Федерации, являющихся крупными транспортными узлами, с более сложными условиями дорожного движения (городов Москвы и Санкт-Петербурга), где вероятность совершения большинства из перечисленных правонарушений повышается (соответственно, их общественная опасность выше), не предусмотрена.

Такой подход законодателя к определению размеров административных наказаний нельзя назвать последовательным, системным и оправданным, учитывая явное несоответствие принципу равенства перед законом.

Вместе с тем ни статья 19 Конституции РФ, ни статья 1.4 КоАП РФ не декларируют равенство ответственности вне зависимости от места совершения правонарушения. Данный признак состава правонарушения в некоторых случаях действительно влияет на характер и степень его общественной опасности и, соответственно, на вид и размер наказания.

Например, нарушение правил охраны водных биологических ресурсов влечет административную ответственность, предусмотренную статьей 8.38 КоАП РФ, но то же деяние, совершенное на особо охраняемых природных территориях, влечет более строгие меры административной ответственности, предусмотренные статьей 8.39 КоАП РФ. Лицо по своей

воле совершает последнее названное правонарушение на территории с особым юридическим режимом (что представляет бóльшую угрозу охраняемым отношениям), в том числе поэтому более строгие меры ответственности являются оправданными.

Применительно к гл. 12 КоАП РФ о такой свободе воли лица, совершающего административное правонарушение, говорить нельзя, так как место совершения административного правонарушения в абсолютном большинстве случаев предопределено местом жительства (или местом работы) водителя. Человек, зарегистрированный по месту жительства в Москве (Санкт-Петербурге) или работающий и временно проживающий в Москве (Санкт-Петербурге), находится в неравном положении с проживающими и работающими в других субъектах Российской Федерации.

Однако составы административных правонарушений с повышенными мерами ответственности не ограничиваются главой 12 КоАП РФ, например, часть 2 ст. 19.15 КоАП РФ предусматривает повышенный размер административного штрафа за проживание гражданина Российской Федерации без документа, удостоверяющего личность гражданина (паспорта), совершенное в Москве или Санкт-Петербурге. По общему правилу общественная опасность правонарушения должна определять размер штрафной санкции, но согласно данной норме (и аналогичным ей) повышенная общественная опасность правонарушения заключается только в том, что оно совершено в городах федерального значения.

Представляется, что в перспективе следует отказаться от установления повышенной административной ответственности на федеральном уровне за совершение административных правонарушений в отдельных субъектах Российской Федерации. К тому же аксиоматичной является закономерность, согласно которой предупреждению правонарушений в большей степени способствуют не повышенные меры ответственности, а их неотвратимость.

В этой связи, например, увеличение количества средств автоматизированной фото- и видеofиксации правонарушений в области дорожного движения является более целесообразной мерой, чем точечное увеличение размеров адми-

²¹ Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году : информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев [и др.]. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. С. 11, 16, 17.

нистративных штрафов за совершение таких административных правонарушений в городах Москве и Санкт-Петербурге или каких-либо иных субъектах России. При этом на официальном уровне (заседание Президиума Государственного Совета) на обсуждение выносятся вопросы о закреплении за субъектами России права устанавливать собственные системы административных штрафов за нарушение правил дорожного движения²². Представляется, что данные предложения являются теоретически необоснованными и требующими серьезного обсуждения в научном сообществе, так как их реализация расходится с действующим порядком правового регулирования административной ответственности на федеральном и региональном уровне.

Указанными недостатками проблемы реализации принципа равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях не ограничиваются.

Обращает на себя внимание противоречие между ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ и нормами Особенной части КоАП РФ, которые устанавливают повышенные меры административной ответственности для должностных лиц или специальных субъектов административных правонарушений, которые подлежат административной ответственности как должностные лица (примечание к ст. 2.4 КоАП РФ). При действующем правиле о том, что физические лица подлежат административной ответственности независимо от должностного положения (ч. 1 ст. 1.4 КоАП РФ) за одно противоправное деяние, описанное в диспозиции нормы, в ее санкции устанавливаются разные меры ответственности для физических лиц: граждан и должностных лиц.

Повышенная административная ответственность для должностных лиц может быть оправдана при совершении правонарушения с использованием служебного (должностного) положения, но для такой формулировки норм Особенной части целесообразен пересмотр оснований и условий административной ответственности должностных лиц, в том числе отказ от отождествления с должностными лицами ряда специальных субъектов²³.

Для должностных лиц и приравненных к ним специальных субъектов административ-

ных правонарушений (ст. 2.4 КоАП РФ) в ст. 3.5 КоАП РФ установлены повышенные размеры административного штрафа, что не соответствует провозглашенному принципу равенства. Повышенная ответственность специальных субъектов административных правонарушений, приравненных к должностным лицам, не может быть признана согласующейся с принципом равенства, так как во многих случаях данные субъекты не подпадают под критерии, которые обуславливают более строгие меры ответственности для должностных лиц. Представляется, что эта проблема может являться предметом самостоятельного исследования.

Заключение

Законодательство об административных правонарушениях не свободно от многих недостатков, которые имеют различное происхождение и характер. Однако именно нехватка норм-принципов или их недостаточно качественное юридическое оформление в законе оказывают наибольший негативный эффект на правотворческую и правоприменительную деятельность.

Нормы-принципы определяют стандарты нормотворчества, границы усмотрения правоприменителей и служат средством преодоления противоречий. Поэтому исследование их состояния, проблем и перспектив совершенствования является важной задачей для юридического сообщества.

Резюмируя проведенное исследование нормативного оформления принципа равенства перед законом (ст. 1.4 КоАП РФ), а также состояния его взаимосвязи с другими нормами законодательства об административных правонарушениях, можно сделать выводы о наличии неправомерных и необоснованных исключений, о несогласованности некоторых административно-деликтных норм с требованиями принципа равенства всех перед законом.

Предложены изменения действующего законодательства об административных правонарушениях, которые устраняют выявленные недостатки правового регулирования.

²² Глава государства в режиме видеоконференции провел заседание Президиума Государственного Совета, на котором рассматривалась транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом до 2035 года // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66968> (дата обращения: 01.10.2023).

²³ Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Специальные субъекты административных правонарушений, подлежащие ответственности как должностные лица // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 50–54.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов А. Б. Публичное принуждение или общественная санация... // Административное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 743–752.

Бабаян К. А. Принципы доказывания в административно-юрисдикционной деятельности таможенных органов // Административное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 680–688.

Зубакин В. Ю. Конституционный принцип равенства всех перед законом в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Саратов, 2006. 26 с.

Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Специальные субъекты административных правонарушений, подлежащие ответственности как должностные лица // Административное право и процесс. 2023. № 3. С. 50–54.

Кузьмичева Г. А., Молчанов П. В. Принцип равенства перед законом и административная ответственность // Административное право и процесс. 2014. № 9. С. 61–63.

Нобель А. Р. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в контексте реализации принципа равенства при привлечении к административной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5 (138). С. 54–62.

Новиков А. В. Принцип равенства перед законом в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 1 (32). С. 125–143.

Переседов А. М. Установление дифференцированного размера административной ответственности для различных категорий подконтрольных субъектов в целях обеспечения и защиты интересов малого и среднего предпринимательства // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 30–34.

Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году: информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, М. М. Исаев [и др.]. М. : НЦ БДД МВД России, 2023. 150 с.

Хромов Е. В. Привлечение к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом // Lex russica (Русский закон). 2017. № 6 (127). С. 60–67.

Whitman J. Q. Equality in Criminal Law: The Two Divergent Western Roads // Journal of Legal Analysis. Vol. 1. Iss. 1. Winter 2009. P. 119–165. URL: <https://doi.org/10.4159/jla.v1i1.8>.

REFERENCES

Agapov AV. Public coercion or public rehabilitation. *Administrative and municipal law*. 2013;7:743-752. (In Russ.).

Babayan KA. Principles of proof in the administrative and jurisdictional activities of customs authorities. *Administrative and municipal law*. 2014;7:680-688. (In Russ.).

Bakanov KS, Lyakhov PV, Isaev MM, et al. Law enforcement activities in the field of road safety in 2022: an information and analytical review. Moscow: NTs BDD of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2023. (In Russ.).

Khromov EV. Bringing Persons with a Specific Legal Status to Administrative Responsibility. *Lex Russica*. 2017;6(127):60-67. (In Russ.).

Kisin VR, Khadisov GK. Special subjects of administrative offenses to be held liable as being officials. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2023;3:50-54. (In Russ.).

Kuzmicheva GA, Molchanov PV. Equality before the law principle and administrative responsibility. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2014;9:61-63. (In Russ.).

Nobel AR. Features of proceedings in cases of administrative offenses in the context of implementation of the principle of equality in bringing to administrative responsibility. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;5(138):54-62. (In Russ.).

Novikov AV. The principle of equality before the law in proceedings on administrative offences. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» [Proceedings of Voronezh State University. The Law Series]*. 2018;1(32):125-143. (In Russ.).

Peresedov AM. The establishment of a differentiated amount of administrative responsibility for different categories of controlled entities in order to ensure and protect the interests of small and medium-sized businesses. *Bezopasnost biznesa [Business security]*. 2018;1:30-34. (In Russ.).

Whitman JQ. Equality in Criminal Law: The Two Divergent Western Roads. *Journal of Legal Analysis*. Winter 2009;1(1):119-165. Available from: <https://doi.org/10.4159/jla.v1i1.8>.

Zubakin VYu. The constitutional principle of equality of all before the law in the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Saratov; 2006. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малахов Сергей Алексеевич, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя д. 12, ул. Академика Волгина, г. Москва 117997, Российская Федерация
srgmlh@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Malakhov, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Administrative Law, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
12, Akademika Volgina St., Moscow 117997, Russian Federation
srgmlh@ya.ru

Материал поступил в редакцию 10 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 4 ноября 2023 г.

Принята к печати 18 декабря 2023 г.

Received 10.10.2023.

Revised 04.11.2023.

Accepted 18.12.2023.

И. М. Лифшиц
А. С. Смбалян
М. Р. Салия

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Имплементация Парижского соглашения по климату в правовых системах государств — участников ЕАЭС

Резюме. Парижское соглашение по климату предусматривает принятие государствами-участниками обязательств, которые данный договор закрепляет как «определяемые на национальном уровне вклады» (ОНУВ). Цель этих обязательств — сократить выбросы парниковых газов и удержать прирост глобальной температуры значительно ниже 2 °С по сравнению с доиндустриальным уровнем. Данный механизм имеет ряд правовых особенностей: во-первых, каждое государство устанавливает ОНУВ самостоятельно, сообщает о них Конференции сторон Рамочной конвенции об изменении климата ООН (РКИК ООН), действующей в качестве совещания сторон Парижского соглашения, и регистрирует их в Секретариате. С этого момента возникает новое международно-правовое обязательство государства по реализации ОНУВ. Во-вторых, ОНУВ можно изменять, но только в сторону большей «амбициозности», то есть повысив целевые показатели по ограничению выбросов парниковых газов. В-третьих, Парижское соглашение не требует согласовывать национальные меры с остальными участниками договора — каждый участник Парижского соглашения представляет ОНУВ, который определяет объем собственных обязательств без участия других государств, в отличие от механизма, предусмотренного в ГАТТ и ГАТС, где государства — члены ВТО обязаны согласовывать свои национальные меры с остальными участниками (Goods schedule / Services schedule). В-четвертых, механизм контроля предусматривает первый этап подведения итогов в 2023 г., когда будет дана оценка хода достижения целей Парижского соглашения.

Сравнительный анализ ОНУВ государств — членов ЕАЭС, все из которых являются участниками Парижского соглашения, позволяет сделать несколько обобщений. Республика Казахстан и Российская Федерация заявили о достижении углеродной нейтральности к 2060 г., остальные государства — к 2050 г., часть государств (Республика Беларусь, Кыргызская Республика, Республика Казахстан) установили два целевых показателя выполнения ОНУВ: условный (достижение показателя при наличии международной финансовой поддержки и доступа к современным технологиям) и безусловный (достижение показателя за счет собственных средств). Уровень развития правовой базы для реализации ОНУВ Республики Армения, Республики Беларусь и Кыргызской Республики уступают уровню Российской Федерации и Республики Казахстан в части ограничения выбросов парниковых газов, оборота углеродных единиц и налогообложения углеродных выбросов (введение углеродного налога). На уровне ЕАЭС государства-члены приняли дорожную карту по климатической повестке, предстоит большая работа по разработке нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: Парижское соглашение; климатическая повестка; ЕАЭС; определяемые на национальном уровне вклады; ОНУВ; устойчивое развитие; выбросы парниковых газов; углеродное регулирование

Для цитирования: Лифшиц И. М., Смбалян А. С., Салия М. Р. Имплементация Парижского соглашения по климату в правовых системах государств — участников ЕАЭС. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 103–118. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.103-118

Благодарности. Статья подготовлена в рамках НИР № П303-10-22 «Трансграничное углеродное регулирование Европейского Союза: оценка последствий введения механизма для отраслей экономики государств — членов ЕАЭС, разработка моделей преодоления климатических барьеров во внешней и взаимной торговле государств — членов ЕАЭС».

Implementation of the Paris Climate Agreement in the Legal Systems of the EAEU Member States

Ilya M. Lifshits

Anait S. Smbatyan

Marianna R. Saliya

All-Russian Academy of Foreign Trade

Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Abstract. The Paris Climate Agreement provides for the acceptance by the participating States of obligations, which this treaty enshrines as «nationally determined contributions» (NDC). The goal of these commitments is to reduce greenhouse gas emissions and keep global temperature increases well below 2°C compared to pre-industrial levels. This mechanism has a number of legal features: first, each state establishes NDC independently, reports them to the Conference of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), acting as the meeting of the Parties to the Paris Agreement, and registers them with the Secretariat. From this moment, a new international legal obligation of the state to implement the NDC arises. Secondly, it can be changed only in the direction of greater «ambition», that is, by increasing targets for limiting greenhouse gas emissions. Thirdly, the Paris Agreement does not require the coordination of national measures with the rest of the parties to the treaty. Each participant in the Paris Agreement represents an NDC, which determines the scope of its own obligations without the participation of other states, unlike the mechanism provided for in the GATT and GATS, where WTO member states are required to coordinate their national measures with the rest of the participants (Goods schedule / Services schedule). Fourthly, the monitoring mechanism provides for the first stage of summing up in 2023, when an assessment of the progress towards achieving the goals of the Paris Agreement will be given.

A comparative analysis of the NDC of the EAEU member states, all of which are parties to the Paris Agreement, allows us to generalize. The Republic of Kazakhstan and the Russian Federation announced the achievement of carbon neutrality by 2060, the rest of the states — by 2050. Some states (the Republic of Belarus, the Kyrgyz Republic, the Republic of Kazakhstan) have set two targets for the implementation of NDC: conditional (achievement of the indicator with international financial support and access to modern technologies) and unconditional (achievement of the indicator at own expense). The level of development of the legal framework for the implementation of the NDC of the Republic of Armenia, the Republic of Belarus and the Kyrgyz Republic is inferior to the level of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in terms of limiting greenhouse gas emissions, turnover of carbon units and taxation of carbon emissions (introduction of a carbon tax). At the EAEU level, the member states have adopted a roadmap on the climate agenda, and much work remains to be done to develop a regulatory framework.

Keywords: Paris Agreement; climate agenda; EAEU; nationally determined contributions; NDC; sustainable development; greenhouse gas emissions; carbon regulation

Cite as: Lifshits IM, Smbatyan AS, Saliya MR. Implementation of the Paris Climate Agreement in the Legal Systems of the EAEU Member States. *Lex russica*. 2024;77(1):103-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.103-118

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research No. P303-10-22 «Cross-border carbon regulation of the European Union: assessment of the consequences of the introduction of the mechanism for the economic sectors of the EAEU member States, development of models for overcoming climate barriers in foreign and mutual trade of the EAEU member States.»

Введение

Достижение целей устойчивого развития и внедрение принципов зеленой экономики стоят в авангарде международной климатической повестки. Принятие Парижского соглашения 2015 г. запустило механизм реализации мер по удержанию прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °С сверх доиндустриальных уровней и по возможности ограничению роста температуры на 1,5 °С (ст. 2 Парижского соглашения)¹.

Выполнение цели соглашения предполагает экономическую и социальную трансформацию государств — участников соглашения: определяются национальные цели по достижению углеродной нейтральности (нетто-нулевой уровень выбросов парниковых газов), разрабатываются стратегии низкоуглеродного развития и создаются соответствующие механизмы регулирования².

Согласно Докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) 2021 г., именно выбросы парниковых газов³, образуемые в результате деятельности человека, являются причиной потепления примерно на 1,1 °С с уровня 1850–1900 гг.⁴ В связи с этим так важно направить усилия на ограничение выбросов парниковых газов, в особенности CO₂. Однако, как указывает Евразийская экономическая комиссия, новая международная климатическая архитектура не сформировалась, международному сообществу еще предстоит согласовать параметры определения углеродного следа и методики оценки поглощения накоплений массы парниковых газов⁵.

Каждое из государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в рамках Парижского соглашения представило в секретариат свои определяемые на национальном

уровне вклады (ОНУВ) в глобальное реагирование на изменение климата⁶. Содержательно можно выделить общие критерии:

- 1) целевые показатели выбросов;
- 2) дата достижения углеродной нейтральности;
- 3) сектора экономики, на которые распространяется действие ОНУВ;
- 4) перечень видов парниковых газов и стратегии финансирования.

Различия в основном касаются предоставления дополнительной информации по экономическим, географическим и иным показателям, включения в ОНУВ диаграмм и таблиц, а также перечисления нормативно-правовой базы для осуществления целей Парижского соглашения.

В первом разделе статьи будет дана правовая характеристика Парижского соглашения, включая основные приемы достижения его целей, во втором разделе будут последовательно проанализированы ОНУВ государств — членов ЕАЭС, в заключении будут даны выводы.

I. Правовой анализ Парижского соглашения

1.1. Общая характеристика

Парижское соглашение было заключено 12 декабря 2015 г. на 21-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН) и вступило в силу 4 ноября 2016 г.⁷ Беспрецедентно быстрое его вступление в силу уже в октябре 2016 г. (к марту 2018 г. его ратифицировали 175 государств⁸) является свидетельством несомненной заинтересованности международного сообщества противодействовать изменению климата в рамках ООН⁹.

¹ URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf.

² Глоссарий терминов в области устойчивого развития // ЦБ РФ : сайт. URL: <https://cbr.ru/develop/ur/faq/>.

³ Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/climate-change>.

⁴ Официальный сайт МГЭИК. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/#FullReport>.

⁵ Доклад ЕЭК «О международном опыте разработки и внедрения принципов, мер и механизмов “зеленой” экономики и концептуальных подходах в Евразийском экономическом союзе» // URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/939/Doklad_Zelenaya_ekonomika_PDF_sayt.pdf С. 56.

⁶ URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/Pages/All.aspx>.

⁷ Соглашение вступило в силу 4 ноября 2016 г. после выполнения условия о его ратификации (принятии, одобрении) 55 сторонами РКИК ООН (ст. 21 Парижского соглашения), на долю которых приходится более 55 % объема глобальной эмиссии парниковых газов.

⁸ Статус см.: United Nations Climate Change. URL: <http://unfccc.int/2860.php>.

⁹ А. М. Солнцев называет вступление в силу Парижского соглашения «изумительно быстрым» (Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 64).

Парижское соглашение — это первый в истории международный договор, который объединяет государства в их стремлении к достижению общей цели в отношении борьбы с изменением климата и адаптации к нему. Парижское соглашение сочетает в себе коллективную цель по сдерживанию глобального потепления с определяемыми на национальном уровне вкладами стран по снижению выбросов. Условия Парижского соглашения принципиально отличны от условий Киотского протокола. В Киотском протоколе обязательства по сокращению выбросов несли только развитые страны и страны с переходной экономикой, в то время как развивающиеся страны не имели обязательств. С принятием Парижского соглашения обязательства появились у всех стран. В то же время страны сами решают, каким будет их конкретный вклад в борьбу с изменением климата.

1.2. Цели и задачи

Стратегической целью Парижского соглашения является удержание прироста глобальной средней температуры к концу XXI в. в пределах «намного ниже» 2 °С сверх доиндустриальных показателей и «приложение усилий» в целях ограничения роста температуры до 1,5 °С. Для достижения поставленной стратегической цели стороны Парижского соглашения договорились стремиться к максимально скорому прохождению пика глобальной эмиссии парниковых газов для построения климатически нейтрального мира во второй половине этого века. Таким образом, при заключении соглашения стороны

фактически признали, что пик выбросов еще не пройден.

1.3. Инструменты достижения поставленных целей и задач

Для выполнения поставленных целей и как того требует статья 3, стороны должны определить на национальных уровнях свои вклады¹⁰ в глобальное реагирование на изменение климата и сообщить их в Секретариат ООН по климату¹¹. Как указано в ст. 4.12, «определяемые на национальном уровне вклады, сообщенные Сторонами, регистрируются в публичном реестре, который ведется секретариатом» (ст. 4.12 Парижского соглашения). Создан интернет-сайт публичного реестра, где представлены документы сторон¹². Национальные планы по борьбе с изменением климата также должны направляться в Секретариат ООН по климату до конца 2020 г.

Стороны должны вести учет своих определяемых на национальном уровне вкладов, в том числе учет антропогенных выбросов и абсорбцию парниковых газов¹³. При этом леса рассматриваются в качестве «поглотителей и накопителей парниковых газов»¹⁴. Согласно ст. 4.2, стороны будут «принимать» внутренние меры по предотвращению изменения климата, с тем чтобы достичь [определяемых на национальном уровне] вкладов». Как отмечается в литературе, такой подход соответствует методу bottom-up («снизу вверх») Э. Острома¹⁵. Автор разработал модель, при которой жители деревни без участия государства договариваются

¹⁰ См.: Mayer B. International Law Obligations Arising in relation to Nationally Determined Contributions // *Transnational Environmental Law*. 2018. 7(2). P. 251–275.

¹¹ Mayer B. Climate Change Mitigation as an Obligation under Customary International Law // *Yale Journal of International Law*. 2023. P. 106.

¹² URL: <https://www4.unfccc.int/sites/NDCStaging/Pages/All.aspx>.

¹³ В статье 4.13 Парижского соглашения отмечается: «При учете антропогенных выбросов и абсорбции, соответствующих их определяемым на национальном уровне вкладам, Стороны способствуют экологической целостности, транспарентности, точности, полноте, сопоставимости и согласованности, а также обеспечивают недопущение двойного учета в соответствии с руководящими указаниями, принятыми Конференцией Сторон, действующей в качестве совещания Сторон настоящего Соглашения».

¹⁴ В соответствии со ст. 5.1 «Сторонам следует предпринимать действия по охране и повышению качества в соответствующих случаях поглотителей и накопителей парниковых газов, как это упомянуто в статье 4, пункт 1(d) Конвенции, включая леса». В пункте 1(d) статьи РКК ООН указывается, что стороны «оказывают содействие рациональному использованию поглотителей и накопителей всех парниковых газов, не регулируемых Монреальским протоколом, включая биомассу, леса и океаны и другие наземные, прибрежные и морские экосистемы, а также, в соответствующих случаях, оказывают содействие и сотрудничают в их охране и повышении их качества».

¹⁵ Ostrom E. *Governing the commons. The evolution of institutions for collective action*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.

между собой и выстраивают свою систему правил по защите природного ресурса от истощения¹⁶. Так же и государства — участники настоящего соглашения сами определяют свой вклад и затем представляют его на международном уровне. При этом каждый последующий вклад «отражает как можно более высокую амбициозность». Ключевой термин «амбициозность» вызывает вопросы: в чем она выражается? Как ее оценить? По смыслу ст. 3 амбициозность предполагает совокупность действий, направленных на достижение целей Парижского соглашения, а именно: принятия определяемых на национальном уровне вкладов, мер по адаптации, финансовой помощи развивающимся странам, передачи технологий, транспарентности. Следует обратить внимание на формулировку решения сторон 1/СР.21, где сказано, что сторона, помимо прочего, предоставляет информацию о том, почему она считает, что ее определяемый на национальном уровне вклад является справедливым и амбициозным в свете ее национальных условий, и как он способствует достижению цели Парижского соглашения¹⁷. Таким образом, оценку амбициозности вклада дает само государство с учетом своих национальных особенностей, что не отменяет глобальной оценки общего вклада международного сообщества в борьбу с изменением климата в соответствии с утвержденным механизмом отчетности. В Парижском соглашении предусмотрен обзор действий государств-участников как на индивидуальном (ст. 13)¹⁸, так и на коллективном уровне (ст. 14). Первое глобальное подведение итогов будет проводиться в 2023 г.

Гибкость Парижского соглашения отражается также в заложенном принципе общей, но дифференцированной ответственности, что означает следующее: все государства принимают меры по борьбе с изменением климата, но с учетом национальных условий¹⁹. Сюда же входит финансовая помощь со стороны раз-

витых стран развивающимся, чтобы последние могли осуществлять необходимые действия по борьбе с изменением климата. Данный принцип был заложен еще в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (принцип 7), РКИК ООН (ст. 3), Киотском протоколе (ст. 10). Таким образом, по сравнению с РКИК и Киотским протоколом, Парижское соглашение предлагает новый, более детализированный и гибкий подход к дифференциации, частично устраняя неравенство между обязательствами развитых и развивающихся стран.

Осуществлению Парижского соглашения должен содействовать механизм соблюдения в виде комитета экспертов (ст. 15). Конференция сторон РКИК ООН действует в качестве совещания сторон Парижского соглашения (ст. 16 Парижского соглашения), а Секретариат РКИК ООН — в качестве Секретариата Парижского соглашения (ст. 17 Парижского соглашения). Вспомогательные органы, созданные для консультирования по научным и техническим аспектам и по осуществлению, действуют соответственно в качестве таковых и для целей Парижского соглашения (ст. 18 Парижского соглашения).

Формулировки Парижского соглашения могут создать впечатление, что государства лишь договорились «прилагать усилия» для достижения целей, установленных в документе. Исследователи отмечали, что соглашение представляет собой «любопытный инструмент, избобилующий положениями, которые либо имеют слабое нормативное содержание, либо, похоже, вовсе его лишены»²⁰. Однако детальный анализ документа показывает, что глагол «должны» (англ. — shall) используется в нем 117 раз, что говорит об установлении достаточно четких международно-правовых обязательств сторон. Большинство таких обязательств основано на национальных программах сокращения выброса парниковых газов и достижения углеродной нейтральности. Данные

¹⁶ Makarov I. A. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime // *Global Governance in Transformation Challenges for International Cooperation* / ed. by L. M. Grigoryev, A. Pabst. Springer, 2020. P. 174.

¹⁷ Официальный сайт UNFCCC. Decision 1/CP.21 // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/parisagreement_publication.pdf (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁸ См.: Mayer B. Transparency under the Paris Rulebook: An Enhanced Transparency Framework? // *Climate Law*, 2019. 40–64 p.

¹⁹ Соколова Н. А. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16, № 12 (133). С. 179.

²⁰ Lavanya Rajamani, The 2015 Paris Agreement: Interplay Between Hard, Soft and Non-Obligations, *Journal of Environmental Law*, (2016), 28, at 337.

программы Парижское соглашение называет «определяемыми на национальном уровне вкладами», а после принятия государствами такие программы становятся международно-правовыми обязательствами сторон соглашения. Характерно, что в отличие, например, от Генерального соглашения по тарифам и торговле и Генерального соглашения по торговле услугами данные национальные меры не подлежат согласованию с другими участниками международно-правового договора.

Рассмотрим ниже ОНУВ членов Евразийского экономического союза.

II. Имплементация норм Парижского соглашения в государствах — членах ЕАЭС

II.1. Республика Армения

Парламент Республики Армения ратифицировал Парижское соглашение 9 февраля 2017 г.²¹ Решением Правительства Республики Армения № 610-L 22 апреля 2021 г. был принят обновленный ОНУВ²². В нем содержится конкретная информация по принимаемым вкладам, стратегии развития правового регулирования, международного сотрудничества и финансирования; устанавливается размер сокращения выбросов парниковых газов к 2030 г. на 40 % от уровня 1990 г.; предусматривается принятие Стратегии долгосрочного низкоуглеродного развития, а выход на климатическую нейтральность к 2050 г. ставится в зависимость от помощи международных доноров.

В Республике Армения действует Закон «Об охране атмосферного воздуха» 1994 г.,

регулирующий отношения в области чистоты атмосферного воздуха, снижения и предотвращения вредных воздействий на атмосферный воздух²³. Поправки от 2020 г. устанавливают более жесткие меры контроля, в частности, наделают уполномоченные органы в сфере охраны атмосферного воздуха правом ограничивать или запрещать выброс веществ, загрязняющих атмосферный воздух, вплоть до прекращения деятельности отдельных учреждений, предприятий, производственных цехов и организаций²⁴.

Республика Армения в мае 2019 г. приняла Кигалийскую поправку²⁵ к Монреальскому протоколу²⁶, что отразилось в Законе «О веществах, разрушающих озоновый слой». Согласно ст. 6 в государстве запрещены: производство веществ, разрушающих озоновый слой; импорт из стран, не являющихся сторонами Венской конвенции «Об охране озонового слоя» и Монреальского протокола, и экспорт в эти страны веществ, разрушающих озоновый слой, а также транзит по территории Республики Армения веществ, разрушающих озоновый слой, если эти вещества были поставлены из страны, не являющейся стороной, либо поставляются в страну, не являющуюся стороной; импорт из стран, не являющихся сторонами подписанного в Кигали 15 октября 2016 г. договора «Кигалийская поправка к Монреальскому протоколу “О веществах, разрушающих озоновый слой”», и экспорт в эти страны гидрофторуглеродов (ГФУ), а также транзит по территории Республики Армения ГФУ, если они были поставлены из страны, не являющейся стороной, либо поставляются в

²¹ URL: <https://www.ecolur.org/ru/news/officials/8881/> (дата обращения: 20.09.2023).

²² Определяемый на национальном уровне вклад Республики Армения // URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Armenia%20First/NDC%20of%20Republic%20of%20Armenia%20%202021-2030.pdf>.

²³ Закон Республики Армения от 01.11.1994 № ЗР-121 «Об охране атмосферного воздуха» // Официальные ведомости Республики Армения. 1994. № 21. Ст. 365.

²⁴ Закон Республики Армения от 07.10.2020 № ЗР-454 «О внесении изменений и дополнений в Закон “Об охране атмосферного воздуха”» // Официальные ведомости Республика Армения. 07.10.2020.

²⁵ Кигалийская поправка призвана смягчить изменение климата путем поэтапного сокращения производства и потребления гидрофторуглеродов (ГФУ) — группы сверхпарниковых газов в целях удержания потепления атмосферы в пределах 2,0–1,5 °C за счет уменьшения воздействия парниковых газов.

²⁶ 2.f Amendment to the Montreal Protocol on Substances that Deplete the Ozone Layer. Kigali, 15 October 2016 // URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-2-f&chapter=27&clang=_en.

²⁷ Закон Республики Армения от 26.03.2020 № ЗР-148 «О внесении изменения в Закон “О веществах, разрушающих озоновый слой”» // Официальные ведомости Республики Армения. 01.04.2020. № 30 (1585). Ст. 352.

страну, не являющуюся стороной указанного в настоящем пункте договора²⁷.

Задача по выполнению требований Парижского соглашения относится к компетенции межведомственного координационного Совета по выполнению требований и положений Рамочной конвенции ООН «Об изменении климата» и Парижского соглашения²⁸.

II.2. Республика Беларусь

Республика Беларусь стала участником Парижского соглашения в 2016 г.²⁹, взяв на себя обязательство по абсолютному сокращению парниковых газов³⁰, а Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь является органом, ответственным за выполнение обязательств по нему³¹. Изначально Республика Беларусь подготовила предполагаемый ОНУВ в 2016 г. Обновленный ОНУВ от 11.10.2021 составлен на 7 страницах, поделен на главы: гл. 1 «Общие положения», гл. 2 «Количественные показатели», гл. 3 «Период исполнения обязательств», гл. 4 «Особенности исполнения», гл. 5 «Планирование процессов», гл. 6 «Методические подходы», гл. 7 «Амбициозность обязательства». Программа включает две цели:

1) безусловную — по сокращению выбросов парниковых газов не менее чем на 35 %

до 2030 г. от уровня выбросов 1990 г. с учетом сектора «Землепользование, изменение землепользования и лесное хозяйство» («ЗИЗЛХ»);

2) условную — по сокращению выбросов парниковых газов до 2030 г. не менее чем на 40 % от уровня выбросов 1990 г. с учетом сектора «ЗИЗЛХ» при использовании международного финансирования для доступа к технологиям по сокращению выбросов³².

Правовая база в части природоохранной сферы и защиты окружающей среды достаточно развита и включает в себя соответствующие законы: «Об охране окружающей среды»³³, «О возобновляемых источниках энергии»³⁴, «Об охране атмосферного воздуха»³⁵; программы социально-экономического развития; дорожные карты по реализации ОНУВ и др.³⁶ Однако в части углеродного регулирования и налогообложения законодательство находится на стадии разработки.

II.3. Республика Казахстан

Республика Казахстан стала полноправным участником Парижского соглашения с 4 ноября 2016 г., приняв Закон о ратификации Парижского соглашения № 20-VI ЗРК³⁷. Казахстан представил первичный ОНУВ в форме таблицы на 4 страницах с целевыми показателями и инфор-

²⁸ URL: <http://www.mnp.am/ru/novosti/budet-sozdan-mezhvedomstvennyj-koordinacionnyj-sovet-povypolneniyu-trebovanij-i-polozenij-ramochnoj-konvencii-organizacii-ob-edinennyh-nacij-ob-izmenenii-klimata-i-parizhskogo-soglasheniya>.

²⁹ Указ Президента Республики Беларусь от 20.09.2016 № 345 «О принятии международного договора» (с изм. и доп. по состоянию на 22.12.2018) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 22.09.2016. № 1/16644.

³⁰ Определяемый на национальном уровне вклад Республики Беларусь // URL: https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Belarus%20First/Belarus_NDC_Russian.pdf.

³¹ Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь / под ред. Е. В. Лаевской. Минск : Четыре четверти, 2017.

³² Определяемый на национальном уровне вклад Республики Беларусь. Глава 2 // URL: https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Belarus%20First/Belarus_INDC_Rus_25.09.2015.pdf.

³³ Закон Республики Беларусь от 26.11.1992 № 1982-XII (ред. от 18.06.2019, с изм. от 18.12.2019) «Об охране окружающей среды» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 16.03.2001. № 2/360.

³⁴ Закон Республики Беларусь от 27.12.2010 № 204-З «О возобновляемых источниках энергии» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 28.12.2010 (опубликован 4 января 2011 г.). № 2.2/1756.

³⁵ Закон Республики Беларусь от 16.12.2008 «Об охране атмосферного воздуха» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 24.12.2008 (опубликован 9 января 2009 г.). № 4.2/155.

³⁶ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29.09.2021 № 553 «Об установлении определяемого на национальном уровне вклада Республики Беларусь в сокращение выбросов парниковых газов до 2030 года» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 29.09.2021. № 5/49478.

³⁷ Закон Республики Казахстан от 04.11.2016 № 20-VI «О ратификации Парижского соглашения» // Ведомости Парламента РК. 2016. Ноябрь. № 20 (2717). Ст. 110.

мацией о планировании, финансировании 6 декабря 2016 г.³⁸ Документ содержал две цели:

— безусловное сокращение выбросов парниковых газов на 15 % от уровня 1990 г. к 31 декабря 2030 г.;

— сокращение выбросов парниковых газов на 25 % от уровня 1990 г. к 31 декабря 2030 г. при наличии определенных условий: дополнительных международных инвестиций, доступа к международному механизму трансферта низкоуглеродных технологий, доступа к Зеленому климатическому фонду³⁹.

Обновленный ОНУВ был принят 19 апреля 2023 г.⁴⁰, это 19-страничный документ, который по-прежнему сохраняет две цели по сокращению выбросов: условную и безусловную, с теми же показателями к концу 2030 г.

Методология для учета выбросов парниковых газов основана на Руководящих принципах национальных инвентаризаций парниковых газов МГЭИК 2006 г. (Руководящие принципы)⁴¹, на Пересмотренных в 2013 г. дополнительных методах и руководящих указаниях в отношении передового опыта, вытекающего из Киотского протокола и на Дополнении 2013 г. к Руководящим принципам МГЭИК национальных инвентаризаций парниковых газов 2006 г.

В документе ОНУВ содержатся указания на ряд национальных правовых актов, в которые были внесены изменения для реализации низкоуглеродного регулирования. В пункте 1 ст. 283 Экологического кодекса Республики Казахстан установлена цель сократить углеродный выброс до 31 декабря 2030 г. не менее чем на 15 % от уровня углеродного баланса 1990 г. Согласно п. 3 ст. 283 Экологического кодекса Министерство экологии и природных ресурсов является органом по реализации международных договоров в сфере изменения климата. Министерство осуществляет госрегулирование в сфере выбросов парниковых газов для обес-

печения достижения ОНУВ⁴². В соответствии с п. 2 ст. 284 Экологического кодекса существует рыночный механизм торговли углеродными единицами, который охватывает почти половину общих национальных выбросов.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 15.07.2022 № 482 принята Концепция инвестиционной политики Республики Казахстан до 2026 года, в которой определяются основные принципы инвестиционной политики, включая переход к зеленому росту, разработке устойчивых инструментов и зеленое финансирование, а также внедрение принципов экологического, социального и корпоративного управления.

Таксономия зеленых проектов принята постановлением Правительства Республики Казахстан от 31.12.2021 № 996 и содержит классификацию зеленых проектов, имеющих право на финансирование через зеленые облигации и зеленое кредитование. Таксономия связывает экологическую и низкоуглеродную политику с различными финансовыми инструментами и институтами для создания выгодных условий в целях реализации проектов с экологическими преимуществами.

II.4. Кыргызская Республика

Кыргызская Республика приняла закон о ратификации Парижского соглашения 11 ноября 2019 г.⁴³ С того момента государство успело представить две версии ОНУВ. Обновленная версия ОНУВ от 09.10.2021 составлена на 36 страницах, по содержанию напоминает полноценный доклад с целевыми показателями и сводными схемами и таблицами по правовым и экономическим аспектам реализации утвержденных вкладов. ОНУВ включает две категории целей: безусловную и условную. Первая устанавливает снижение выбросов парниковых газов на 16,63 % к 2025 г. и на 15,97 % к 2030 г.

³⁸ URL: https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Kazakhstan%20First/INDC%20Kz_eng.pdf.

³⁹ Официальный сайт Зеленого климатического фонда. URL: <https://www.greenclimate.fund/about>.

⁴⁰ Определяемый на национальном уровне вклад Республики Казахстан // URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-06/12updated%20NDC%20KAZ_Gov%20Decree313_19042023_en_cover%20page.pdf.

⁴¹ Руководящие принципы были дополнены в 2019 г., уже после опубликования ОНУВ Казахстана.

⁴² URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2023-06/12updated%20NDC%20KAZ_Gov%20Decree313_19042023_en_cover%20page.pdf.

⁴³ Закон КР от 11.11.2019 № 125 «О ратификации Парижского соглашения по Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, подписанного 12 декабря 2015 г. в городе Париж» // Эркин Тоо. 15.11.2019. № 95.

При наличии международной поддержки (условная цель) выбросы сократятся на 36,61 % к 2025 г. и 43,62 % к 2030 г.⁴⁴

Правовая база для реализации ОНУВ включает в себя следующие нормативные правовые акты и документы:

— Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы⁴⁵ содержит общие положения о переходе к устойчивому развитию, внедрению мер по адаптации к изменению климата и тесному сотрудничеству с Глобальным климатическим фондом (ч. 3.2);

— Климатическая инвестиционная программа 2018 года⁴⁶ представляет собой масштабный инвестиционный план по реализации как отраслевых, так и межотраслевых проектов по адаптации к изменению климата. Цель программы — привлечь климатическое финансирование: «Данный документ послужит основой для разработки национальной адаптационной программы и стратегических приоритетов низкоуглеродного развития — зеленой экономики, которые будут отвечать требованиям Парижского соглашения»;

— Указ Президента КР от 19.03.2021 № 77 «О мерах по обеспечению экологической безопасности и климатической устойчивости»⁴⁷ ставит задачу оценить на национальном уровне вклад Кыргызской Республики в сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию к последствиям изменения климата, способствующий достижению цели Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г.; разработать и внести на рассмотрение проект Концепции экологической безопасности Кыргызской Республики (п. 2);

— Концепция экологической безопасности, утвержденная Указом Президента КР от 23.11.2007 № 506⁴⁸, содержит ряд общих поло-

жений о снижении выбросов парниковых газов с привлечением как внешних, так и внутренних ресурсов благодаря участию в Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) и Киотского протокола (ст. 3.1.1);

— Закон КР от 25.05.2007 № 71 «О государственном регулировании и политике в области эмиссии и поглощения парниковых газов»⁴⁹ будет подвержен изменению в части определения национальной системы мониторинга и оценки климатических изменений.

II.5. Российская Федерация

Российская Федерация приняла Парижское соглашение в 2019 г. с некоторыми заявлениями. Во-первых, Россия заявила, что она не включена в приложение II РКИК ООН, которое касается обязательств развитых стран предоставлять финансовые ресурсы развивающимся и содействовать в адаптации и борьбе с изменением климата (ст. 4.3 РКИК ООН). Таким образом, подчеркивается отсутствие международного финансового обязательства нашей страны помогать развивающимся странам. Тем не менее Россия выразила намерение оказывать добровольную поддержку развивающимся странам в своем ОНУВ (разд. 3). Во-вторых, в заявлении подчеркивается необходимость учета поглощающей способности лесов при реализации механизмов Парижского соглашения. В-третьих, акцентируется внимание на неприемлемости использования положений Парижского соглашения в качестве барьеров для устойчивого развития, на недопущении дискриминации и ограничений доступа к новым технологиям и средствам устойчивого развития⁵⁰.

Стоит отдельно рассмотреть вопрос о форме выражения согласия Россией на обязательность для нее Парижского соглашения. Распоряжени-

⁴⁴ Определяемый на национальном уровне вклад Кыргызской Республики // URL: <https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Kyrgyzstan%20First/%D0%9E%D0%9D%D0%A3%D0%92%20%D0%A0%D0%A3%D0%A1%20%D0%BE%D1%82%2008102021.pdf>.

⁴⁵ Указ Президента КР от 31.10.2018 УП № 221 «О Национальной стратегии развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы» // Эркин Тоо. 02.11.2018. № 91.

⁴⁶ Официальный сайт Центра по климатическому финансированию Кыргызской Республики. URL: <http://cfc.kg/wp-content/uploads/2019/03/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D>.

⁴⁷ Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/430478/10>.

⁴⁸ Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4683>.

⁴⁹ Сайт Министерства юстиции КР. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202104/10?cl=ru-ru>.

⁵⁰ URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_FEDERATION_cop26cmp16cma3_HLS_EN.pdf.

ем Правительства РФ от 14.12.2016 было одобрено Парижское соглашение в соответствии с п. 1 ст. 11 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (далее — Закон о международных договорах), а заместителю Председателя Правительства РФ А. Г. Хлопонину были предоставлены полномочия на подписание Парижского соглашения от имени Российской Федерации⁵¹. Согласно п. 1 ст. 21 Парижского соглашения оно вступает в силу после того, как не менее 55 сторон Конвенции, на долю которых по оценкам приходится в совокупности как минимум 55 % общих глобальных выбросов парниковых газов, сдадут на хранение свои документы о ратификации, принятии, одобрении или присоединении. Таким образом, выражение согласия на обязательность соглашения предусмотрено в 4 формах. Российская Федерация выбрала для себя принятие как форму выражения согласия на обязательность. Так, почти через три года после подписания, 21 сентября 2019 г., было принято постановление Правительства РФ «О принятии Парижского соглашения». Пунктом 1 данного акта было постановлено принять соглашение с заявлениями, а пунктом 2 Министерству иностранных дел было предписано уведомить Генерального секретаря ООН о принятии соглашения Российской Федерацией. Такое уведомление, видимо, состоялось, поскольку в Статусе Парижского соглашения указано, что это соглашение принято Российской Федерацией 7 октября 2019 г. На официальном портале правовой информации Парижское соглашение было опубликовано 6 ноября 2019 г., и в этот же день оно вступило для нашей страны в силу.

Возникает вопрос, почему Парижское соглашение не было ратифицировано, ведь в рамках реализации обязательств Российской Федера-

ции по данному договору были приняты несколько федеральных законов, а в соответствии Законом о международных договорах (пп. «а» п. 1 ст. 15) ратификации подлежат такие договоры, исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов⁵². Ответ, видимо, заключается в том, что, по мнению Правительства России, исполнение Парижского соглашения подразумевало реализацию мер органами исполнительной власти, и такое исполнение с необходимостью не требовало принятия новых федеральных законов или изменения действующих.

В любом случае, выбор способа выражения согласия на обязательность международного договора — это всегда вопрос национального права участника такого договора, а выбор ненадлежащего способа выражения согласия на обязательность договора в соответствии с п. 1 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров⁵³ может привести к его недействительности только в случае явного нарушения и нарушения нормы внутреннего права особо важного значения. Явное нарушение объективно очевидно для любого государства, действующего добросовестно и в соответствии с обычной практикой (п. 2 ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров), а норма внутреннего права особо важного значения — это, например, конституционные нормы о компетенции различных государственных органов при заключении международных договоров. Если даже предположить, что Парижское соглашение должно было быть ратифицировано, а статья 15 Закона о международных договорах есть норма особо важного значения⁵⁴, то и в этом случае критерий очевидности нарушения национального права России для любого государства едва ли можно доказать.

⁵¹ Распоряжение Правительства РФ от 14.04.2016 № 670-р «О подписании Парижского соглашения» // СЗ РФ. 2016. № 17. Ст. 2427.

⁵² Так, А. М. Солнцев в 2018 г. указывал, что нужно провести большую работу в период до ратификации Российской Федерацией Парижского соглашения в целях соответствия норм российского законодательства положениям этого договора (Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 74).

⁵³ Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / сост. А. Н. Талалаев (коммент.); отв. ред. Н. В. Захарова (предисл.). М.: Юрид. лит., 1997. С. 131.

⁵⁴ Исследователи подчеркивают, что к нормам особо важного значения может относиться не только конституционное законодательство (constitutional law), но и законы парламента (acts of parliament) и подзаконные акты (administrative provisions), если они в принципе удовлетворяют требованию особо важного значения (Vienna Convention on the Law of Treaties A Commentary. Second Edition / O. Dörr, K. Schmalenbach (eds). Springer-Verlag GmbH Germany, 2018. P. 847).

Первый и пока единственный ОНУВ Российской Федерации от 25.11.2020 предусматривает сокращение выбросов парниковых газов к 2030 г. до 70 % относительно уровня 1990 г. Данный целевой показатель установлен с учетом максимальной поглощающей способности лесов и иных экосистем и при условии устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития⁵⁵. Выступая на Климатическом саммите в Глазго, Российская Федерация подтвердила свое намерение достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г.⁵⁶

Первый этап государственной системы мер политического, законодательного, нормативно-правового, экономического и социального характера в рамках реализации Парижского соглашения утвержден распоряжением Правительства РФ от 25.12.2019 № 3183-р⁵⁷ и предусматривает период до 2022 г. Второй этап государственной системы мер был утвержден распоряжением Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р⁵⁸. План действий предусматривает комплекс мер законодательного, научного, организационного характера. В частности, запланирована модернизация страхового законодательства, выявление лучших международных и российских практик адаптации к изменению климата, информационно-просветительские и иные мероприятия для населения и организаций, касающиеся мер адаптации к изменениям климата, и др.

Указом Президента РФ от 30.09.2013 № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов»⁵⁹ было предписано принятие плана по сокращению выбросов парниковых газов не более 75 %

объемов 1990 г. План мероприятий был утвержден распоряжением Правительства РФ в 2014 г. и предусматривал:

- формирование системы учета объема выбросов парниковых газов;
- оценку и прогнозирование объема выбросов парниковых газов;
- принятие мер государственного регулирования⁶⁰.

II.6. Некоторые обобщения

Обобщая информацию, содержащуюся в рассмотренных выше ОНУВ, следует отметить различные уровни развития правового регулирования отдельных участков климатической повестки государств — членов ЕАЭС. Так, у Республики Казахстан детально проработана правовая база углеродного регулирования, Россия также активно разрабатывает и принимает нормативные правовые акты в этой части. В остальных государствах — членах ЕАЭС законодательство в области квотирования и углеродного регулирования находится лишь на стадии разработки. Следует, пожалуй, согласиться с мнением исследователей⁶¹, что составление и реализация ОНУВ в значительной степени зависит от усмотрения сторон Парижского соглашения, несмотря на издание соответствующего свода правил (Rulebook)⁶².

III. ЕАЭС и климатическая повестка

В рамках ЕАЭС во исполнение принятого 20 августа 2021 г. Распоряжения Евразийского межпра-

⁵⁵ Определяемый на национальном уровне вклад Российской Федерации // URL: https://www4.unfccc.int/sites/ndcstaging/PublishedDocuments/Russian%20Federation%20First/NDC_RF_ru.pdf.

⁵⁶ URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/RUSSIAN_FEDERATION_cop26cmp16cma3_HLS_EN.pdf.

⁵⁷ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202001040016> (дата обращения: 20.09.2023).

⁵⁸ Распоряжение Правительства РФ от 11.03.2023 № 559-р «Об утверждении национального плана мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата на период до 2025 года» (с изм. и доп.) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406426879/?ysclid=ll7ztu0cu5163778020> (дата обращения: 20.09.2023).

⁵⁹ СЗ РФ. 2013. № 40 (ч. III). Ст. 5053.

⁶⁰ Распоряжение Правительства РФ от 02.04.2014 № 504-р «Об утверждении плана мероприятий по обеспечению к 2020 году сокращения объема выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 году» // СЗ РФ. 2014. № 15. Ст. 1778.

⁶¹ *Dobson N. L. Extraterritoriality and Climate Change Jurisdiction Exploring EU Climate Protection under International Law. Hurt, 2021. P. 25.*

⁶² COP26 Outcomes: Transparency and Reporting // URL: <https://unfccc.int/process-and-meetings/the-paris-agreement/the-glasgow-climate-pact/cop26-outcomes-transparency-and-reporting> (дата обращения: 28.09.2023).

вительственного совета № 10⁶³ создана Рабочая группа по климатической повестке. Ее состав утвержден Распоряжением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.09.2021 № 150⁶⁴. На заседании Высшего Евразийского экономического совета 14 октября 2021 г. было принято заявление об экономическом сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки⁶⁵.

В документе отмечены основные вызовы, стоящие перед государствами — членами ЕАЭС и мировым сообществом в рамках происходящих процессов технологической трансформации производства и изменения структуры мировой экономики. Кроме того, главы государств заявили о необходимости развивать экономическое сотрудничество государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки, в том числе для достижения целей Парижского соглашения и Целей устойчивого развития ООН, включая формирование необходимых подходов и механизмов, исходя из принципов функционирования единого рынка ЕАЭС. На заседании Евразийского межправительственного совета в 2022 г. была принята Дорожная карта по сотрудничеству государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки. В рамках ее реализации была поставлена задача формирования согласованных подходов к национальным системам аккредитации органов по валидации и верификации в сфере защиты климата⁶⁶.

Без сомнения, для реализации общей климатической повестки ЕАЭС необходимо гармонизировать национальные программы, вводить общее определение терминов, обеспечивать сотрудничество уполномоченных органов. В литературе, в частности, в качестве общих задач членов ЕАЭС отмечается необходимость создания общей системы углеродного регулирования⁶⁷. Первое знакомство с национальным углеродным регулированием показывает, что требуется гармонизация правового статуса углеродных единиц — отнесение данного объекта к товару, имущественному праву или услуге. В Республике Казахстан, например, правовой статус углеродных единиц определен: в соответствии со ст. 299 Экологического кодекса углеродная единица (единица углеродной квоты, офсетная единица) является товаром. В российском Федеральном законе от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁶⁸ дано следующее определение углеродной единицы — «верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа» (ст. 2.9). Очевидно, что правовой статус данной единицы не определен⁶⁹.

Все государства — члены ЕАЭС являются участниками Парижского соглашения, однако данная сфера отношений не предусмотрена прямо в Договоре о ЕАЭС и, соответственно, унифицированное правовое регулирование мероприятий в рамках борьбы с изменением кли-

⁶³ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 20.08.2021 № 10 «О формировании рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов Евразийского экономического союза в рамках климатической повестки» // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d1d/3.-Rasporyazhenie-10-EMPS.pdf>.

⁶⁴ URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d1d/3.-Rasporyazhenie-10-EMPS.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

⁶⁵ *Смбатян А. С., Салия М. Р.* Климатическая повестка в деятельности ЕАЭС и его государств-членов / Международное экологическое право : материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 6 июня 2022 г. = International Environmental Law : Proceedings of the Roundtables Discussion of the XVII Blischenko Congress. Moscow, 6 June 2022 / отв. ред.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. М. : РУДН, 2023. С. 148–156.

⁶⁶ Официальный сайт ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/news/glavami-pravitelstv-stran-eaes-porucheno-razrabotat-podkhody-po-regulirovaniyu-voprosov-klimatichesk/?sphrase_id=208431 (дата обращения: 05.09.2023).

⁶⁷ *Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л.* Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 2 (40). С. 48.

⁶⁸ СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

⁶⁹ *Ситников С.* В России начался эксперимент по квотированию выбросов парниковых газов // URL: <https://empp.ru/assets/files/empp-alert-sakhalin.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

мата не осуществляется. Вместе с тем достижение целей Парижского соглашения напрямую затрагивает экономическую деятельность государств-членов: энергетику, промышленность и т.д. В рамках ЕАЭС был одобрен региональный перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития ООН⁷⁰, а Цель № 13 касается борьбы с изменением климата. Кроме того, в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия-2025) предусмотрены развитие экономического сотрудничества в сфере зеленых технологий и защиты окружающей среды (8.3) и разработка концепции внедрения принципов зеленой экономики в Союзе (8.3.7). Таким образом, органы ЕАЭС даже в отсутствие прямо выраженной «климатической» компетенции Союза пытаются обеспечить сотрудничество государств-членов по некоторым вопросам борьбы с изменением климата.

Выводы

Парижское соглашение ознаменовало новый подход международного сообщества к международно-правовым обязательствам по изменению климата. Метод bottom-up реализуется в самостоятельной выработке каждым государством-членом своего национального вклада в достижение общей цели.

В целом Парижское соглашение закладывает основу новой эпохи международного климатического регулирования. Безусловно, не следует ожидать, что Парижское соглашение станет чудодейственным решением всех про-

блем климатического режима. Тем не менее на данный момент оно представляет собой единственный многосторонний механизм принятия международных климатических обязательств и обмена информацией о мерах противодействия изменению климата.

Среди государств — членов ЕАЭС правовая база по осуществлению ОНУВ наиболее проработана в Республике Казахстан и Российской Федерации. На уровне ЕАЭС как интеграционного образования подлежит выработке система реализации согласованной дорожной карты и разработки соответствующего правового регулирования в государствах-членах. Выход на наднациональный уровень регулирования затруднен следующими обстоятельствами: отсутствие компетенции органов ЕАЭС в сфере окружающей среды и борьбы с изменением климата; отсутствие нормативной базы по углеродному регулированию в трех государствах-членах из пяти; различия в углеродном регулировании в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Несмотря на указанные затруднения, органы ЕАЭС предпринимают попытки подступить к реализации климатической повестки. Курс на зеленую экономику и сотрудничество в данном направлении был утвержден Высшим советом в Стратегии-2025, создана рабочая группа, утверждена дорожная карта по сотрудничеству в рамках климатической повестки. Следует признать, что даже в отсутствие необходимой правовой базы на союзном уровне органы ЕАЭС совместно с государствами-членами пытаются реализовывать амбициозные цели Парижского соглашения.

Данные по участию государств — членов ЕАЭС в Парижском соглашении⁷¹

	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
Дата уведомления / депонирования ⁷²	23.03.2017	21.09.2016	06.12.2016	18.02.2020	07.10.2019
Дата вступления в силу Парижского соглашения	22.04.2017	04.11.2016	05.01.2017	19.03.2020	06.11.2019

⁷⁰ Достижение Целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза : статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. М., 2022. С. 5.

⁷¹ В таблице собраны данные из ОНУВ государств — членов ЕАЭС, нормативных правовых актов о ратификации Парижского соглашения или присоединения к нему и сайта ООН.

⁷² URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280458f37&clang=_en (дата обращения: 30.09.2023).

	Республика Армения	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Российская Федерация
Целевые показатели по ограничению выбросов парниковых газов: безусловный/условный	40 %	35 % / 40 %	15 % / 25 %	15,97 % / 43,62 %	70 %
Год достижения углеродной нейтральности	2050 г.	2050 г.	2060 г.	2050 г.	2060 г.
Сектора МГЭИК	Энергетика; сельское хозяйство; отходы; землепользование; изменение в землепользовании и лесное хозяйство				
	Промышленные процессы и использование продуктов			Промышленные процессы и использование продуктов	
Уровень проработки	Достаточно развито законодательство в области охраны окружающей среды, защиты природы, ограничения выбросов парниковых газов				
	Законодательство в области квотирования и углеродного регулирования находится на стадии разработки	Достаточно развито законодательство в области квотирования, торговли квотами. Действует законодательство в сфере углеродного регулирования	Достаточно развито законодательство в области квотирования. Действует законодательство в сфере торговли квотами. Законодательство в сфере углеродного регулирования находится на стадии разработки	Достаточно развито законодательство в области квотирования. Действует законодательство в сфере, торговли углеродными квотами	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий / сост. А. Н. Талалаев (коммент.); отв. ред. Н. В. Захарова (предисл.). М. : Юрид. лит., 1997. 336 с.

Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь / под ред. Е. В. Лаевской. Минск : Четыре четверти, 2017.

Мигалева Т. Е., Подбиралина Г. В., Разумнова Л. Л. Сближение позиций государств — членов ЕАЭС по вопросам климатической повестки и углеродного регулирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 2 (40). С. 41–50.

Ситников С. В России начался эксперимент по квотированию выбросов парниковых газов // URL: <https://empp.ru/assets/files/empp-alert-sakhalin.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

Смбатян А. С., Салия М. Р. Климатическая повестка в деятельности ЕАЭС и его государств-членов // Международное экологическое право : материалы круглого стола XVIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 6 июня 2022 г. = International Environmental Law : Proceedings of the Roundtables Discussion of the XVII Blischenko Congress. Moscow, 6 June 2022 / отв. ред.: А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев. М. : РУДН, 2023. С. 148–156.

Соколова Н. А. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 12 (133). С. 177–184.

Солнцев А. М. Изменение климата: международно-правовое измерение // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 60–78.

Dobson N. L. Extraterritoriality and Climate Change Jurisdiction Exploring EU Climate Protection under International Law. Hurt, 2021. 300 p.

Makarov I. A. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime // Global Governance in Transformation Challenges for International Cooperation / ed. by L. M. Grigoryev, A. Pabst. Springer, 2020.

Mayer B. Climate Change Mitigation as an Obligation under Customary International Law // Yale Journal of International Law. 2023. Vol. 48(1). P. 105–151.

Mayer B. Transparency under the Paris Rulebook: An Enhanced Transparency Framework? // Climate Law. 2019. Vol. 9:1. P. 40–64.

Ostrom E. Governing the commons. The evolution of institutions for collective action. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 280 p.

Rajamani L. The 2015 Paris Agreement: Interplay Between Hard, Soft and Non-Obligations // Journal of Environmental Law. 2016. № 28. P. 337–358.

REFERENCES

Dobson NL. Extraterritoriality and Climate Change Jurisdiction Exploring EU Climate Protection under International Law. Hurt; 2021.

Laevskaya EV. Legal support for the «green» economy principles implementation in the Republic of Belarus. Minsk: Chetyre chetverti Publ.; 2017. (In Russ.).

Makarov IA. Bridging the Gaps in the Polycentric Climate Change Regime. In: Grigiryev LM, Pabst A, editors. Global Governance in Transformation Challenges for International Cooperation. Springer; 2020.

Mayer B. Climate Change Mitigation as an Obligation under Customary International Law. *Yale Journal of International Law*. 2023;48(1):105-151.

Mayer B. Transparency under the Paris Rulebook: An Enhanced Transparency Framework? *Climate Law*. 2019;9(1):40-64.

Migaleva TE, Podbiralina GV, Razumnova LL. Convergence of the positions of the EAEU Member States on the climate agenda and carbon regulation. *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;2(40):41-50. (In Russ.).

Ostrom E. Governing the commons. The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press; 1990.

Rajamani L. The 2015 Paris Agreement: Interplay between Hard, Soft and Non-Obligations. *Journal of Environmental Law*. 2016;28:337-358.

Sitnikov S. An experiment on greenhouse gas emissions quotas has begun in Russia. Available from: <https://empp.ru/assets/files/empp-alert-sakhalin.pdf> [cited 2023 September 050]. (In Russ.).

Smbatyan AS, Saliya MR. The climate agenda in the activities of the EAEU and its member States. International environmental law. Proceedings of the 28th round table The International Congress «Blishchenkov readings». Moscow, June 6, 2022 = International Environmental Law: Proceedings of the Roundtables Discussion of the XVII Blischenko Congress. Moscow, 6 June 2022. Abashidze AKh, Solntsev AM, editors. Moscow: RUDN Publ.; 2010. Pp. 148–156. (In Russ.).

Sokolova NA. Climate Change: International Legal Regulation Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(12):177-184. (In Russ.).

Solntsev AM. Climate change: an international legal dimension. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2018;1:60-78. (In Russ.).

Vienna Convention on the Law of Treaties. Commentaries. Comp. by Talalaev AN (commentaries); Zakharova NV, editor (preface). Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1997. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лифшиц Илья Михайлович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
д. 32, стр. 1, Левобережная ул., г. Москва 125445, Российская Федерация
i.lifshits@edaslawfirm.ru

Смбатян Анаит Сергеевна, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
д. 32, стр. 1, Левобережная ул., г. Москва 125445, Российская Федерация
anait_smbatyan@mail.ru

Салия Марианна Романовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
д. 32, стр. 1, Левобережная ул., г. Москва 125445, Российская Федерация
m.saliya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ilya M. Lifshits, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy
32, building 1, Levoberezhnaya St., Moscow 125445, Russian Federation
i.lifshits@edaslawfirm.ru

Anait S. Smbatyan, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of International Law, Russian Foreign Trade Academy
32, building 1, Levoberezhnaya St., Moscow 125445, Russian Federation
anait_smbatyan@mail.ru

Marianna R. Salia, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Russian Foreign Trade Academy
32, building 1, Levoberezhnaya St., Moscow 125445, Russian Federation
m.saliya@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 26 сентября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 26 октября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 26.09.2023.
Revised 26.10.2023.
Accepted 18.12.2023.*

Э. Л. Сидоренко

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России (МГИМО МИД России)
г. Москва, Российская Федерация

Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы

Резюме. В работе рассматриваются вопросы адаптивности юридических конструкций к потребностям цифровой экономики под углом анализа статуса децентрализованных автономных организаций; раскрываются ключевые тренды развития блокчейн-технологий, выявляются глубинные системные связи между потребностями и инструментальными возможностями гражданского права в цифровую эпоху. Рефреном в статье звучит мысль о том, что цифровая экономика бросает законодателю новые вызовы и порождает ранее неизвестные формы организации бизнес-процессов, на которые право попросту не успевает реагировать, и оно вынуждено искать новые методологические решения. Одним из таких решений видится регулирование статуса децентрализованной автономной организации (ДАО) как альтернативы традиционным корпорациям. В числе юридически значимых признаков ДАО отмечается характер взаимодействия участников на основе системы распределенного реестра, отсутствие единого органа управления, автоматизированное исполнение принятых решений и др. Основываясь на концепции функциональной эквивалентности, автор рассматривает уже существующие модели правовой регламентации ДАО и выделяет их общие правовые свойства, позволяющие в перспективе предложить универсальную матрицу регулирования децентрализованных обществ. В работе оцениваются также перспективы «вживления» ДАО в российское правовое поле и делаются выводы об инструментальной и концептуальной неспособности гражданского права предложить правовую матрицу ДАО, отвечающую современным экономическим и цифровым запросам.

Ключевые слова: децентрализованная автономная организация; ДАО; блокчейн; смарт-контракт; цифровая экономика; концепция функциональной эквивалентности; токен; криптовалюта; устав; непубличное акционерное общество

Для цитирования: Сидоренко Э. Л. Децентрализованные автономные организации в системе современного права: к постановке проблемы. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 119–132. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.119-132

Decentralized Autonomous Organizations in the System of Modern law: Towards the Problem Statement

Elina L. Sidorenko
MGIMO University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the issues of adaptability of legal structures to the needs of the digital economy from the angle of analyzing the status of decentralized autonomous organizations. It reveals key trends in the development of blockchain technologies, reveals deep systemic connections between the needs and instrumental

© Сидоренко Э. Л., 2024

capabilities of civil law in the digital age. The refrain in the article is the idea that the digital economy throws new challenges to the legislator and generates previously unknown forms of business process organization, to which the law simply does not have time to respond, and it is forced to look for new methodological solutions. One such solution is to regulate the status of decentralized autonomous organizations (DAO) as an alternative to traditional corporations. Among the legally significant signs of DAO, the nature of the interaction of participants based on a distributed registry system, the absence of a single management body, automated execution of decisions, etc. is noted. Based on the concept of functional equivalence, the author examines the existing models of DAO legal regulation and highlights their common legal properties, which in the future allow us to propose a universal matrix of regulation of decentralized societies. The paper also evaluates the prospects for the «implantation» of DAO into the Russian legal field and draws conclusions about the instrumental and conceptual inability of civil law to offer a legal matrix of DAO that meets modern economic and digital demands.

Keywords: decentralized autonomous organization; DAO; blockchain; smart contract; digital economy; concept of functional equivalence; token; cryptocurrency; charter; non-public joint stock company

Cite as: Sidorenko EL. Decentralized Autonomous Organizations in the System of Modern law: Towards the Problem Statement. *Lex russica*. 2024;77(1):119-132. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.119-132

Стремительное развитие цифровых технологий вызвало к жизни новые явления и заставило пересмотреть подходы ко многим традиционным правовым и экономическим категориям. В значительной мере это коснулось вопросов определения гражданско-правового статуса новых цифровых сущностей, построенных на основе сквозных технологий: больших данных, блокчейна и искусственного интеллекта¹. Но, к сожалению, юридическая наука пока сдержанно реагирует на эти запросы.

Ориентация на фрагментарный анализ современных цифровых процессов, к сожалению, не позволяет выявить скрытые системные зависимости между явлениями и, как следствие, выработать приемлемые решения для адаптации российского права к новой цифровой реальности. Наиболее остро дефицит системного анализа проявился при обращении к тематике децентрализованных автономных организаций (ДАО).

В современной науке правовой статус таких организаций либо рассматривается в постановочном ключе при обзоре трендов цифровизации², либо не упоминается вовсе. А между тем ДАО в геометрической прогрессии увеличивают свою капитализацию и по праву признаются флагманами современной цифровой компаративистики.

Впервые о возможности легализации в России децентрализованных организаций заявил представитель Минфина России И. Чебесков: «Мы активно выступаем за развитие ЦФА [цифровых финансовых активов], но мы понимаем, что отдельно ЦФА сами по себе “не полетят”, нужна связка ЦФА с децентрализованным миром финансов для того, чтобы использовать ликвидность, которая уже есть в децентрализованных финансах, ту ликвидность в криптоактивах, которая уже есть у граждан, чтобы они могли через эти активы инвестировать в ЦФА по российскому законодательству, инвестировать в российскую экономику, в российские активы»³.

Данная позиция, однако, пока не встретила поддержки. Во-первых, в цифровой среде отсутствует сколько-нибудь предметное представление о том, как ДАО может быть интегрирована в действующее гражданское законодательство: должна ли быть предложена новая организационно-правовая форма, или могут быть использованы уже существующие конструкции? Во-вторых, деятельность ДАО ассоциируется с громким скандалом проекта венчурного финансирования The DAO. Организация накопила 3,6 млн эфиров (ETH) (около 70 млн долл. США), и в 2016 г. эти деньги были украдены с ее ци-

¹ *Сидоренко Э. Л.* DeFi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17, № 2. С. 327–341. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341 ; *Она же.* Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 3. С. 87–99. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099.

² *Шевченко О. М.* Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 11 ; *Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее* : монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М. : ИЗИСП, Юриспруденция, 2022.

³ URL: <https://www.interfax.ru/business/920389> (дата обращения: 01.10.2023).

фрового кошелька. Организация, сославшись на свой неопределенный статус и статус своих токенов, отказалась выплачивать компенсацию инвесторам, что заставило Комиссию по биржам и ценным бумагам США кардинально пересмотреть регулирование цифровых монет и ввести режим оборота «секьюрити-токенов» как цифровых аналогов ценных бумаг⁴.

Сдержанный подход к правовому регулированию ДАО расходится с экономическими темпами их развития. О востребованности идеи децентрализованного управления говорит статистика: в настоящее время капитализация ДАО превышает 10 млрд долл. США при наличии 1,7 млн инвесторов. По данным популярной платформы для голосований Snapshot, количество ДАО только в 2021 г. выросло с 700 до 6 000. Участники стали проявлять больше активности: количество вынесенных на голосование предложений увеличилось 8,5 раз, а количество активных членов ДАО, принимающих участие в голосовании, увеличилось в 8,3 раза⁵. В июне 2022 г. статистику ДАО подвел сайт DeepDAO. На тот момент децентрализованные автономные организации держали на балансе \$10 млрд. В тройку самых масштабных организаций вошли: Uniswap с капитализацией 2,2 млрд долл. США, Gnosis (1,5 млрд долл. США) и BitDAO (1,3 млрд долл. США)⁶. По оценкам DaoStats, только с апреля по ноябрь 2023 г. количество ДАО в мире увеличилось на 1 051 организацию⁷.

Децентрализованные организации не ограничиваются какой-либо одной сферой экономической деятельности. Правовая конструкция ДАО лежит как в основе проекта валюты повышенной конфиденциальности Dash, так и токенизированного золота Digix. Большой активностью отличаются децентрализованные транспортные компании (например, Backfeed) и проекты коллективного управления и инфра-

структурного управления (DAOstack). В особую группу следует отнести организации, построенные по принципу децентрализованного регионального управления⁸. В качестве примера можно привести компанию Colony, управляющую на принципах децентрализации самоорганизующимися компаниями, именуемыми колониями. В колониях присутствует механизм голосования по ключевым вопросам работы. Колоний может быть несколько, и каждая из них — самостоятельна в своем секторе, что позволяет организации одновременно реализовывать различные по характеру проекты под единым децентрализованным управлением.

Для дальнейшего поступательного развития экономики ДАО необходимо разработать единые стандарты их правового регулирования, предусмотрев в первую очередь гарантии защиты их участников.

Решение данной проблемы предполагает поиск ответа на ряд вопросов: какова цифровая и правовая природа ДАО, каковы ее юридически значимые признаки, с какими рисками сталкивается ДАО и как они могут быть преодолены правовыми средствами.

Понятие, признаки и виды децентрализованных автономных организаций

Современная наука и практика только начинают обращаться к вопросу о правовой природе ДАО.

Под ними, как правило, понимаются организации, функционал, полномочия и ответственность в которых распределены между держателями токенов, в частности между сотрудниками ДАО⁹. ДАО трактуется и как фонд, в котором решения принимаются не советом директоров, а коллективно всеми держателями токенов на смарт-контрактах. Когда выполняется некоторое predetermined условие,

⁴ URL: <https://www.businessinsider.com/DAO-hacked-ethereum-crashing-in-value-tens-of-millions-allegedly-stolen-2016-6> (дата обращения: 02.10.2023).

⁵ URL: <https://coinspaidmedia.com/ru/news/daos-grew-by-750-over-12-months/> (дата обращения: 09.10.2023).

⁶ URL: <https://news.bitcoin.com/decentralized-autonomous-organization-statistics-show-10-billion-is-held-by-DAO-treasuries/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁷ URL: <https://daostats.io/astro/general-info/dao-count> (дата обращения: 10.09.2023).

⁸ Prakash I., Tiwari A., Hariharan U. (2023). Fully On-Chain DAO to Invest in NFTs. 1–8. 10.1109/ICoSEC58147.2023.10275875.

⁹ Schuppli B., Golnaz A. J. Piercing the Digital Veil: A Case Study for a DAO Legal Framework under Swiss Law // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law «JIPITEC». October 28, 2021. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3951804>

умный контракт выполняет соответствующий пункт договора¹⁰. В отечественной науке под децентрализованной автономной организацией понимается гибридная договорная организация (со статусом юридического лица или без него), которая сочетает применение генерального соглашения и технологии блокчейн; сделки совершаются через смарт-контракты; отсутствуют классические органы управления, есть модератор; применяется автоматизированное управление и взаимодействие участников¹¹.

Децентрализованные автономные организации работают на основе блокчейн-технологии и смарт-контрактов по следующему принципу:

1) организация, как правило, создается на основе блокчейн-платформы (Ethereum). Создатели определяют правила и параметры, которые будут управлять организацией: права голоса, механизмы принятия решений, распределение финансовых средств и другие аспекты функционирования;

2) оговоренные условия и правила взаимодействия участников записываются в код смарт-контракта, после чего они автоматически выполняются участниками без обращения к центральным органам управления;

3) любой человек может стать участником децентрализованной автономной организации, вступив в нее и вложив средства или монеты. Пользователи имеют право голоса при принятии решений пропорционально владению токенами или долями. Голосование может проводиться по вопросам, связанным с изменением правил, распределением средств или участием в проектах;

4) решения принимаются путем голосования, основанного на технических или экономических параметрах;

5) решения исполняются автоматически и не требуют подтверждения центральных органов управления. Например, если большинство голосов приняло решение о распределении средств, смарт-контракт автоматически переводит деньги в соответствии с результатом;

6) DAO функционируют на основе блокчейна. Это означает, что транзакции неизменные, а в их основе лежит оборот токенов.

Изложенные выше признаки DAO позволяют выделить признаки, отличающие их от традиционных корпораций и обществ:

1) децентрализация. DAO функционируют без центрального управления или контроля. В отличие от традиционных компаний, где управление и реализация задач сосредоточены в руках определенного органа, в децентрализованных организациях решения принимаются участниками коллективно. Все пользователи имеют равные голоса и могут влиять на принятие решений;

2) автономность: организации выполняют функции автоматически и без вмешательства третьих сторон. Они опираются на смарт-контракты, которые содержат правила и условия работы DAO и автоматически выполняют их без необходимости доверять центральному учреждению или управляющей команде;

3) прозрачность: деятельность DAO открыта для проверки. Благодаря использованию блокчейн-технологии, операции и транзакции записываются в публичном реестре для отслеживания и проверки деятельности;

4) участие сообщества. Пользователи имеют возможность активно принимать решения, касающиеся как распределения средств, так и корректировки деятельности организации, и влиять на деятельность. Голосование и механизмы позволяют выражать предпочтения и голосовать.

Современные децентрализованные организации отличаются большим разнообразием.

Комиссия по законодательству Англии и Уэльса выделила несколько разновидностей DAO:

1. Инвестиционные — позволяют группам инвесторов объединять капитал и, как правило, имеют более низкую планку для входа, чем традиционный инвестиционный клуб.

2. Социальные — организованы вокруг определенного интереса или клуба.

3. Благотворительные — позволяют участникам объединять пожертвования и решать, как их распределять.

4. Потребительские — направляют и распределяют товары и услуги среди участников.

5. Коллекционные — стремятся приобретать предметы коллекционирования, такие как не-

¹⁰ Tiu Lu, Zhou Sicong, Huang Huawei, Zheng Zibin. From Technology to Society: An Overview of Blockchain-Based DAO // IEEE Open Journal of the Computer Society. 2021. P. 1–1. DOI: 10.1109/OJCS.2021.3072661.

¹¹ Олейник Е. В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // Гражданское право. 2023. № 4. С. 32–36.

взаимозаменяемые токены, и курировать коллекции таких предметов. Во многом сходны с инвестиционными ДАО.

6. Лоббистские или информационно-пропагандистские ДАО — организованы вокруг конкретных целей или инициатив¹².

В зависимости от своей функциональной роли децентрализованные организации могут быть разделены на следующие разновидности:

— финансирование: разработка проекта с целью привлечения ликвидности с помощью смарт-контракта;

— голосовые: апробация и внедрение проектов коллективного голосования. Как правило, такие проекты востребованы в некоммерческой сфере;

— технологические: разрабатывают и поддерживают соответствующие проекты и технические прорывные технологии;

— культурные и исследовательские: внедряют программы поддержки социально значимых и наукоемких проектов.

Правовое регулирование децентрализованных обществ: национальные модели

Режим правового регулирования ДАО в настоящее время только прорабатывается, но уже имеются интересные решения, способные послужить основой для разработки российской модели правового регулирования.

Условно можно выделить три реализованных подхода к нормативному регулированию ДАО: 1) модель штата Вермонт, 2) модель штатов Вайоминг и Теннесси; 3) модель Маршалловых Островов.

Модель Вермонта. Штат Вермонт первым в англо-американской правовой семье создал правовую базу для ДАО. Режим децентрализованных обществ регламентируется в рамках гл. 25 «Общества с ограниченной ответственностью (LLC)» Кодекса законов штата Вермонт¹³. В ней ДАО названы «основанными на блокчейне ООО» (Blockchain-based Limited Liability Companies, BBLLC)¹⁴.

Согласно § 4171 Кодекса законов штата Вермонт к существенным признакам BBLLC относятся:

1) особый статус участников. Участником ДАО может быть лицо: а) имеющее частичную или полную копию базы данных блокчейна или иным образом участвующее в процессах проверки содержания данной базы данных; б) лицо, контролирующее любой цифровой актив, присущий технологии блокчейн; в) каждое лицо, которое вносит существенный вклад в протоколы;

2) наличие протокола (смарт-контракта), т.е. назначенной нормативной модели программного обеспечения, которая регулирует правила, операции и связь между узлами в сети, используемой участниками;

3) криптовалюта проекта, т.е. цифровое представление стоимости, которое используется в качестве средства обмена, расчетной единицы или средства сбережения и не является законным платежным средством.

Для создания BBLLC необходимо, чтобы организация использовала технологию блокчейна для существенной части своей деятельности и статус BBLLC был указан в уставе (§ 4172). При этом блокчейн может составлять основу или часть внутреннего управления (§ 4173).

Операционное соглашение для BBLLC должно содержать:

1) краткое описание миссии или цели BBLLC;

2) степень децентрализации реестра, режим допуска и редактирования решений участниками;

3) процедуры голосования, которые могут включать смарт-контракты, по следующим вопросам: внесение изменений в смарт-контракты; внесение изменений в операционное соглашение о BBLLC; любой другой вопрос управления или деятельности в рамках целей BBLLC;

4) протоколы для реагирования на нарушение безопасности системы или другие несанкционированные действия, которые влияют на целостность блокчейна BBLLC;

5) требования, предъявляемые к членам BBLLC;

¹² URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=66943ce0-e5ce-4e48-a463-965f8a7ec16d> (дата обращения: 01.10.2023).

¹³ URL: <https://www.legalcheek.com/lc-journal-posts/welcome-to-the-futuristic-world-of-the-decentralised-autonomous-organisation/>; <https://legislature.vermont.gov/bill/status/2018/S.269> (дата обращения: 05.09.2023).

¹⁴ URL: <https://legislature.vermont.gov/statutes/fullchapter/11/025> (дата обращения: 09.10.2023).

б) права и обязанности каждой группы участников в рамках BVLLC (§ 4173).

Член или менеджер BVLLC могут выступать в нескольких ролях, в том числе в качестве члена, менеджера, разработчика, узла, майнера или другого участника BVLLC либо в качестве трейдера и держателя токенов, при условии, что такой член или менеджер соблюдает любые применимые фидуциарные обязанности (§ 4174).

При этом закон устанавливает важное юрисдикционное правило: деятельность члена или менеджера, который взаимодействует с BVLLC через несколько ролей, не считается происходящей в штате Вермонт только потому, что BVLLC организована в этом штате.

Закон не жестко лимитирует правомочия организации в механизмах внутреннего управления. BVLLC может принять любые разумные алгоритмические средства для достижения согласованного процесса проверки записей, а также требований, процессов и процедур для проведения операций или принятия организационных решений в отношении блокчейна, используемого BVLLC, и на основании операционного соглашения изменить нормы и процедуры голосования (§ 4175)¹⁵.

Модель Вайоминга и Теннесси. 1 июля 2021 г. в штате Вайоминг вступил в силу закон, который первым в США разрешил децентрализованным автономным организациям получать статус законной компании.

По состоянию на март 2023 г. в реестре ООО Вайоминга насчитывалось более 800 организаций, которые содержат DAO в фирменном наименовании¹⁶.

Правовой статус децентрализованных компаний регламентируется главой 31 Кодекса законов штата Вайоминг¹⁷.

Согласно ст. 17-31-104 децентрализованная автономная организация — это ООО, устав которой содержит заявление о том, что компания является DAO. Название должно включать формулировку или аббревиатуру, обозначающую ее статус DAO, например DAO, LAO или DAO LLC.

Устав DAO должен предусматривать тип управления: участниками или смарт-контрактами. Если это не предусмотрено, DAO считается управляемой участниками. Особенности

управления DAO могут быть уточнены в уставе организации или ее операционном соглашении. Алгоритмически управляемая DAO может быть создана, лишь если ее базовые смарт-контракты могут быть изменены (ст. 17-31-105).

Закон не устанавливает особых требований к учредителям DAO. Для создания организации надо подписать и предоставить госсекретарю один оригинал и одну заверенную копию свидетельства о создании организации и соглашения об обществе с ограниченной ответственностью. DAO может состоять из одного или более участников.

Каждая DAO должна постоянно поддерживать в Вайоминге зарегистрированного агента, как если бы эта DAO имела место деятельности в штате, как это предусмотрено в Законе об ООО.

Организация может формироваться и действовать для любой законной цели, коммерческой или некоммерческой.

Устав децентрализованной организации должен непременно включать: заявление о том, что организация является DAO; общедоступный идентификатор любого смарт-контракта, непосредственно используемого для управления, содействия или эксплуатации DAO.

Остальные вопросы могут закладываться в алгоритм смарт-контракта, а именно: отношения между членами DAO; права и обязанности члена DAO, включая права при голосованиях; характер и порядок осуществления деятельности DAO; порядок внесения поправок в операционное соглашение; возможность передачи членских долей; прекращение членства; порядок выплат членам до роспуска DAO; внесение поправок в устав; процедуры внесения поправок в смарт-контракты и др. (ст. 17-31-106).

Если вопросы управления организацией не урегулированы в уставе и смарт-контракте, они должны быть отражены в другом учредительном документе — операционном соглашении. Если устав и операционное соглашение противоречат друг другу, положения устава имеют приоритет. Если есть противоречие между уставом и смарт-контрактом, смарт-контракт имеет преимущественную силу перед любыми конфликтующими положениями устава.

¹⁵ URL: <https://legislature.vermont.gov/statutes/fullchapter/11/025> (дата обращения: 09.10.2023).

¹⁶ URL: <https://legalnodes.com/article/wyoming-dao-llc#:~:text=DAOs%2C%20like%20any%20other%20LLCs,considered%20as%20DAO%20legal%20entities> (дата обращения: 05.10.2023).

¹⁷ URL: <https://www.wyoleg.gov/Legislation/2021/SF0038#:~:text=17-31-105.,secretary%20of%20state%20for%20filing> (дата обращения: 06.10.2023).

Показательно, что ни один член ДАО не должен иметь никаких фидуциарных обязательств перед организацией или любым членом, за исключением того, что члены должны подчиняться подразумеваемому обязательству добросовестности и честности ведения дел.

Статья 17-31-111 закрепляет порядок голосования. Если иное не предусмотрено уставом, смарт-контрактом или операционным соглашением:

(а) доли участия в ДАО, управляемой участниками, рассчитываются путем деления токенов управления, которыми владеет участник, на общую сумму токенов организации на момент голосования;

(b) если участники не владеют токенами управления, каждый член должен иметь одну долю участия и один голос;

(с) для кворума требуется более 50 % долей участия, имеющих право голоса.

Закон в заметной степени ограничивает членов и менеджеров организации на получение информации. В частности, они не вправе проверять или копировать записи ДАО и получать информации больше, чем доступно в самой системе распределенного реестра.

Если член ДАО выходит из организации, он лишается всех долей членства в ДАО, включая любые права на управление и экономические права.

Прекращение деятельности организации возможно при наличии одного из следующих факторов:

- истечение срока, установленного для существования организации;
- решение большинства членов ДАО;
- наступление условия, предусмотренного в уставе ДАО, операционном соглашении или смарт-контрактах;
- бездействие ДАО в течение одного года;
- приказ государственного секретаря (ст. 17-31-114).

Важно отметить, что закон штата напрямую запрещает регистрировать иностранную децентрализованную организацию по праву Вайоминга¹⁸.

6 апреля 2022 г. Генеральная ассамблея штата Теннесси приняла поправки к закону о децентрализованных автономных организациях¹⁹.

Закон штата Теннесси почти дословно повторяет закон штата Вайоминг²⁰: определяет ДАО как ООО, регламентирует статус участников и менеджеров, определяет порядок создания и прекращения деятельности организации.

Модель Маршалловых Островов. Маршалловы Острова приняли закон «О децентрализованных автономных обществах» в феврале 2022 г.²¹

Островное государство создало фирму MIDAO Directory Services Inc., чтобы помочь регистрировать ДАО в качестве юридических лиц²².

§ 104 Закона определяет ДАО как общество с ограниченной ответственностью, зарегистрированное в соответствии с правом Маршалловых Островов, в учредительном документе которого содержится отметка о том, что общество является ДАО.

Чтобы организация считалась ДАО, в ее учредительном документе должна быть предусмотрена глава, посвященная особому порядку работы и управления ДАО. Название организации должно включать формулировку или аббревиатуру, обозначающую ее статус ДАО, например DAO LLC.

Уже существующее ООО может преобразоваться в ДАО путем внесения поправок в учредительный документ. Учредителем ДАО может выступить любое лицо.

Для создания организации нужно подписать и предоставить регистратору один оригинал и одну заверенную копию свидетельства о создании организации и соглашения об обществе с ограниченной ответственностью.

¹⁸ URL: <https://www.wyoleg.gov/Legislation/2021/SF0038#:~:text=17-31-105.,secretary%20of%20state%20for%20filing> (дата обращения: 03.10.2023).

¹⁹ URL: <https://casetext.com/statute/tennessee-code/title-48-corporations-and-associations/limited-liability-companies/chapter-250-blockchains> (дата обращения: 03.10.2023).

²⁰ URL: <https://www.tba.org/?pg=Articles&blAction=showEntry&blogEntry=73474> (дата обращения: 03.10.2023).

²¹ URL: <https://rmicourts.org/wp-content/uploads/2022/12/PL-2022-50-Decentralized-Autonomous.pdf> (дата обращения: 03.10.2023).

²² URL: <https://news.bitcoin.com/the-republic-of-the-marshall-islands-allows-registration-of-DAOs-as-legal-entities/> (дата обращения: 03.10.2023).

ДАО должна состоять из одного или более участников. Она обязана постоянно поддерживать в Республике Маршалловых Островов зарегистрированного агента, как если бы эта ДАО имела место деятельности в Республике, как это предусмотрено в Законе об ООО.

ДАО может формироваться и действовать для любой законной цели, коммерческой или некоммерческой. ДАО может регистрироваться в качестве некоммерческой организации в соответствии с Законом о некоммерческих организациях.

Учредительными документами децентрализованной организации являются свидетельство о создании организации и соглашение об ООО, а документами, подтверждающими полномочия, — те же свидетельство о создании организации и соглашение об ООО, а также смарт-контракты (§ 115). В отличие от ранее рассмотренных моделей, в Законе Маршалловых Островов устав имеет преимущество перед смарт-контрактом.

Управление ДАО может возлагаться на участников или смарт-контракт. Если тип управления в учредительных документах не прописан, предполагается, что ДАО управляется участниками.

Параграф 109 Закона устанавливает стандарты поведения для членов ДАО и прописывает, что ни один член ДАО не должен иметь никаких фидуциарных обязательств перед организацией или любым членом.

Если иное не предусмотрено учредительными документами или смарт-контрактом:

(а) доли участия в ДАО, управляемой участниками, рассчитываются путем деления токенов управления, которыми владеет участник, на общую сумму токенов организации на момент голосования;

(б) если участники не владеют токенами управления, каждый член должен иметь одну долю участия и один голос;

(с) для кворума требуется более 50 % долей участия, имеющих право голоса.

Если учредительные документы или смарт-контракты не предусматривают иное:

— лицо становится членом ДАО, если оно любым образом приобретает право собственности на членские доли, другое имущество или имущественное право, которое дает этому лицу право голоса в ДАО;

— лицо перестает быть членом ДАО, если оно любым образом отчуждает всякое право собственности на членские доли, другое имущество или имущественное право, которое дает этому лицу право голоса в ДАО²³.

Рассмотренные выше подходы позволяют выделить ряд устойчивых закономерностей в правовом регулировании ДАО, которые должны быть осмыслены в рамках разработки российской стратегии регулирования децентрализованных обществ:

1) существующие правовые нормы относят автономные децентрализованные организации к обществам с ограниченной ответственностью (LLD). И хотя LLD не являются полным аналогом российской модели ООО, вопрос привязки к уже существующим организационно-правовым формам заслуживает более пристального и детального анализа;

2) вместе с тем зарубежный законодатель не проводит различий между коммерческими и некоммерческими децентрализованными организациями, в свете чего первый из озвученных выше признаков находится в заметном противоречии со вторым;

3) смарт-контракты приравнены к учредительным документам и в отдельных законах имеют приоритет по отношению к уставу;

4) существование ДАО напрямую связывается с наличием внутренней валюты управления (токенов, криптовалюты). Как известно, функционирование любого смарт-контракта невозможно без токенов, и законы приравнивают функционал последних к голосующим акциям;

5) действующие модели правового регулирования в части определения статуса участников, порядка создания и прекращения деятельности организации устанавливают лишь общие требования и тем самым расширяют дискреционные возможности организаций. Такой осторожный и гибкий подход позволяет отслеживать динамику и тенденции развития децентрализованных обществ и аккуратно регламентировать их работу.

Говоря о тенденциях правовой регламентации децентрализованных обществ, нельзя не упомянуть Типовой закон о децентрализованных автономных обществах Коалиции автоматизированных юридических приложений (Coalition of Automated Legal Applications (COALA))²⁴.

²³ URL: <https://rmicourts.org/wp-content/uploads/2022/12/PL-2022-50-Decentralized-Autonomous.pdf> (дата обращения: 04.10.2023).

²⁴ Model Law for Decentralized Autonomous Organizations (DAOs) // URL: <https://www.lextechinstitute.ch/wp-content/uploads/2021/06/DAO-Model-Law.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

Согласно данному проекту, ДАО признается юридическим лицом, которое может использоваться в коммерческих, социальных, экологических или политических целях, характер которых будет указан в его уставе. Фактически речь идет не об определении юридически значимых признаков, а об установлении общих рамок дозволенного. Как отмечают разработчики документа, такой подход позволяет организации, не зарегистрированной в качестве коммерческого юридического лица или некоммерческой организации, получать выгоду от статуса, эквивалентного отечественной компании с ограниченной ответственностью или кооперативу с ограниченной ответственностью.

В соответствии со ст. 2 Типового закона ДАО способна самостоятельно выступать в качестве истца и ответчика по искам, приобретать, владеть, использовать и распоряжаться как движимым, так и недвижимым имуществом, совершать и претерпевать юридически значимые действия. ДАО отвечает своим имуществом по обязательствам перед кредиторами. Таким образом, имущество участников ДАО и самой ДАО отделены друг от друга.

Типовой закон понимает под ДАО смарт-контракт (программное обеспечение), развернутый на общедоступном блокчейне, который реализует конкретные правила принятия решений или управления, позволяющие множеству участников децентрализованно координировать свои действия. Под смарт-контрактом понимается код, используемый в рамках общедоступного блокчейна. Он состоит из набора предопределенных и детерминированных инструкций, выполняемых в распределенной манере узлами базовой блокчейн-сети, если и когда выполняются основные условия.

Любая децентрализованная организация должна хотя бы потенциально обеспечивать возможность децентрализованного принятия решений. Если ДАО функционирует на основе токенов, то требования к ней будут выполняться, даже если один участник обладает большинством токенов.

В соответствии со ст. 4 Типового закона для того, чтобы организация могла иметь статус юридического лица, она должно отвечать следующим требованиям:

— осуществлять деятельность на общедоступном блокчейне;

— предоставлять уникальный публичный адрес, через который любой желающий может просматривать деятельность организации и контролировать ее операции;

— иметь программный код в формате Open-Source на публичном форуме, чтобы любой желающий мог ознакомиться с ним;

— программный код ДАО должен пройти проверку качества;

— должен быть хотя бы один графический интерфейс, который позволит неспециалисту читать значения ключевых переменных смарт-контрактов организации и отслеживать все транзакции, исходящие от или адресованные любому из смарт-контрактов ДАО. Графический интерфейс должен также определять, могут ли участники выкупать свои токены без ограничений, и если нет, то в графическом интерфейсе должны быть четко указаны действующие ограничения;

— организация должна иметь уставные документы, понятные неспециалистам;

— независимо от выбранной системы управления, в любой момент в компании должен быть один член;

— должен быть проработан публично оговоренный механизм, позволяющий неспециалисту связаться с организацией. Все члены и администраторы ДАО должны иметь доступ к содержимому этого механизма связи;

— должен быть предусмотрен механизм разрешения споров.

Типовым законом не устанавливается требование к минимальному уставному капиталу. Согласно комментарию к ст. 4 Типового закона это обусловлено тем, что функционирующее на основании общедоступного блокчейна ДАО характеризуется повышенной степенью прозрачности, при которой каждое лицо может узнать об имуществе и о сделках ДАО. При этом отпадает необходимость установления требования к минимальному уставному капиталу²⁵.

Ст. 5 Типового закона ограничивает ответственность участников ДАО суммой взносов, которые обязались внести участники ДАО, что отражается в блоках блокчейна. Участники также могут нести личную ответственность за принятие решений, которые причиняют вред ДАО. В этом случае они несут ответственность только за свои действия (например, голосование «за» при одобрении сделки, направленной на вывод активов юридического лица).

²⁵ Talbot L. Critical Corporate Governance and the Demise of the Ultra Vires Doctrine // Common Law World Review. 2009. № 38. DOI: 10.1350/clwr.2009.38.2.0187.

В соответствии с комментарием к ст. 7 Типового закона в отношении ДАО не предусматриваются какие-либо ограничения в отношении распоряжения имуществом ДАО, даже если ДАО преследует некоммерческие цели. Это объясняется тем, что все операции с имуществом ДАО отражены в цепочке блокчейна и доступны для контроля²⁶.

Согласно ст. 6 Типового закона внутренними правилами ДАО должны быть предусмотрены правила выхода участника из юридического лица. Типовой закон не устанавливает какого-либо общего правила по вопросу выхода участника из ДАО, а также не соотносит предусмотренные правила с национальными законодательствами. Однако согласно комментарию к ст. 6 Типового закона в вопросе выхода участника из ДАО не нужно закреплять в национальных законах какие-либо подробные правила. Регулирование входа и выхода участников ДАО должно быть гибким, т.к. это связано с оборотом токенов. В каждом ДАО могут быть предусмотрены свои правила отъезда или передачи токенов.

В соответствии со ст. 7 Типового закона в одном ДАО могут быть разные классы участников, чьи права выражены в разных категориях токенов. Часть токенов может предоставлять право участия в управлении ДАО, а другие токены — нет. Участники ДАО вправе самостоятельно решить, как определяется круг участников ДАО, которые могут принимать участие в управлении ДАО.

Изложенный выше подход предоставляет широкие возможности для учредителей и участников децентрализованных обществ, определяя лишь общие требования и ориентируя национального законодателя на разработку и принятие законов, которые могли бы гармонизировать друг с другом и создавать единую международную регуляторную среду децентрализованных обществ.

Данный подход с точки зрения права грешит некоторой неустойчивостью в части произвольного переноса и обмена статусами между различными правовыми и техническими явлениями и процессами, в частности, статус ООО переносится на АО и некоммерческие органи-

зации, а функции токенов приравниваются к голосующим акциям. И как ни странно, именно эта парадигма — парадигма функциональной эквивалентности — всё чаще используется в зарубежной законодательной деятельности для закрепления и регламентации цифровых явлений.

Рассмотрим методологическую состоятельность такого подхода применительно к регламентации статуса децентрализованных автономных обществ.

Перспективы регулирования ДАО в контексте парадигмы функциональной эквивалентности

Теория функциональной эквивалентности изначально развивалась в экологии и биологии. Автор теории Стивен Хаббелл предложил новую типизацию видов животных и растений на основании их функционального сходства, а не морфологической или эволюционной истории. Под функциональной эквивалентностью он предложил понимать явление, когда несколько видов, представляющих различные таксономические группы, могут выполнять сходные, если не идентичные роли в функционировании экосистемы (например, фиксаторы азота, очистители водорослей, мусорщики)²⁷.

Немного ранее известный филолог Л. К. Латышев, рассуждая о соответствии переведенных и оригинальных текстов, выделял четыре концепции эквивалентности:

— концепция формального соответствия (максимально полное техническое соответствие);

— концепция нормативно-содержательного соответствия (соответствие содержанию и нормам построения);

— концепция полноценного (адекватного) перевода (исчерпывающая передача содержания и использование аналогичных языковых приемов и инструментов);

— концепция динамической (функциональной) эквивалентности. Речь идет о совпадении реакции получателя исходного текста и носителя одного языка с реакцией получателя текста перевода, носителя другого языка²⁸.

²⁶ Harris R. A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing // Journal of Institutional Economics. 2020. № 16(5). P. 643–664. DOI: 10.1017/S1744137420000181.

²⁷ Hubbell S. P. Neutral Theory in Community Ecology and the Hypothesis of Functional Equivalence // Functional Ecology. 2005. № 19(1). P. 166–172. DOI: 10.1111/j.0269-8463.2005.00965.x. JSTOR 3599285.

²⁸ Латышев Л. К. Курс перевода : Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1981. С. 93.

И хотя отечественная юридическая доктрина пока глубоко не прорабатывает концепцию функциональной эквивалентности в контексте развития цифрового права, позволю себе высказать некоторые соображения, способные послужить основой для дальнейшего анализа:

1) теория функциональной эквивалентности ориентирована на соотнесение категорий и институтов с точки зрения их смысловой наполненности, а не формального построения;

2) любое отождествление в контексте настоящей теории не носит категоричного характера и ориентировано в большей мере на демонстрацию сходства целей, а не способов правового регулирования. В основе теории лежит простая модальная установка: если те или иные явления имеют похожий функционал и ориентированы на решение сходных правовых задач, их регламентация должна строиться на основе единых принципов и задач при несомненном допущении формально-юридических различий;

3) для установления функциональной эквивалентности необходимо определить цель или задачу политики, а затем продемонстрировать, что эта цель может быть достигнута либо путем применения правовой нормы, либо путем использования конкретной технологии.

Именно парадигма функциональной эквивалентности легла в основу ранее рассмотренных подходов к регламентации ДАО. На это указывает ряд обстоятельств.

Во-первых, вместо введения новых корпоративных правил для «токенизированных» активов, акции, зарегистрированные в основанной на блокчейне системе, рассматриваются авторами законов как действительные права собственности на акцию, а токены напрямую приравниваются к привилегированным акциям.

Во-вторых, законодатель идет дальше и применяет принцип эквивалентности к сравнению правовых и технологических явлений. Например, юридическую процедуру голосования он сводит к действиям в рамках смарт-контракта, а возникновение ДАО напрямую связывает с регистрацией публичного адреса на блокчейне.

Рассмотрим эту идею на примере регистрации компании. Государственная регистрация проводится с целью гласности и прозрачности

хозяйственной деятельности. Эти же цели достигаются при записи данных в общедоступном блокчейне. Таким образом, даже если незарегистрированные ДАО не полностью соответствуют законодательным требованиям, особенности технологии удовлетворяют некоторым из этих требований посредством другого процесса или процедуры²⁹.

По мнению зарубежных экспертов, преимущество такого подхода состоит в том, что он позволяет инкорпорировать новые технологии в существующую правовую базу без необходимости масштабных правовых реформ, предотвращая фрагментацию нормативного поля и создание всё более специализированных законов для регулирования той или иной технологии³⁰.

В предлагаемом контексте возможность правовой регламентации новых правовых явлений на основе принципа функциональной эквивалентности видится аргументированной и приемлемой, особенно в тех правовых системах, где допускается судебное усмотрение. Что же касается российского законодательства, то дискретность здесь ограничена формальными рамками отраслевого регулирования и косностью отдельных юридических предписаний в части регламентации организационно-правовых форм юридических лиц.

ДАО в России: в поисках правовой модели

Вопрос о правовом регулировании ДАО в России не только не решен, но и в должной степени не поставлен.

Как правило, в основе дискурса о перспективах развития права лежит понятие «цифровая корпорация». Под ней понимается, с одной стороны, хозяйствующий субъект, в котором организация управления деятельностью автоматизируется посредством цифровых технологий, без участия человека в вопросах корпоративного менеджмента, а с другой — технологически единый цифровой организм с внутренней автоматизированной экосистемой, позволяющей автоматически управлять бизнесом³¹.

Заметным шагом на пути признания цифрового корпоративного управления стало принятие Федерального закона от 31.07.2020

²⁹ URL: <https://coala.global/wp-content/uploads/2021/06/DAO-Model-Law.pdf> (дата обращения: 05.10.2023).

³⁰ Bainbridge S., Henderson M. Limited Liability: A Legal and Economic Analysis. 2016. 10.4337/9781783473038.

³¹ Лаптев В. А., Чуча С. Ю., Фейзрахманова Д. Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // Правоприменение. 2022. № 1. С. 231.

№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³². Он ввел институт непубличных акционерных обществ, акции которых выпускаются в виде цифровых финансовых активов.

Одновременно с легализацией статуса цифровых прав в непубличных акционерных обществах были внесены изменения и в Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Непубличное акционерное общество получило право выпускать цифровые акции в виде цифровых финансовых активов в момент своего учреждения (абз. 2 п. 1 ст. 25), при этом возможности эмиссии полностью исключаются, если юридическое лицо уже существует. Закон исключает любую форму конвертации цифровых акций в нецифровые, в том числе в процессе реорганизации общества.

Показательно, что при определении роли цифровых активов в управлении организацией законодатель проявил завидную консервативность и не предусмотрел никаких изъятий и исключений в системе органов управления и порядке контроля для так называемых цифровых акционерных обществ.

Таким образом, заявленный тренд на цифровизацию корпоративного управления не вышел за рамки программных заявлений.

В отличие от выше рассмотренных ДАО, цифровые общества имеют традиционные формы управления, не используют смарт-контракты, а права владельцев цифровых акций полностью приравниваются к правам владельцев обыкновенных и привилегированных акций.

Что же касается иных организационно-правовых форм, в том числе и статуса некоммерческих организаций, то возможность введения в механизм их управления принципов ДАО пока не предусмотрена. Вместе с тем порядок функционирования товариществ и обществ с ограниченной ответственностью не исключает децентрализованного управления, хотя предпосылок для его внедрения в настоящее время нет.

Российское право пока демонстрирует резистентность к самой идее нормативного регулирования на основе принципа функциональной эквивалентности.

Как отмечено в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона “Об акционерных обществах”, статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО “Медиа-Мост” и ЗАО “Московская независимая вещательная корпорация”», устанавливая правовое положение юридических лиц как участников гражданского оборота и субъектов предпринимательской деятельности, Гражданский кодекс РФ предусматривает, что юридическое лицо в случае осуществления им деятельности без надлежащего разрешения (лицензии) либо деятельности, запрещенной законом, либо с иными неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов может быть ликвидировано по решению суда (п. 2 ст. 61). Названная норма под угрозой содержащейся в ней санкции понуждает юридические лица — коммерческие организации различных организационно-правовых форм, включая производственные кооперативы, осуществлять предпринимательскую деятельность в рамках существующего правопорядка, не нарушая предписания законодательства, и тем самым призвана обеспечить защиту прав и законных интересов других лиц³³. Указывая на незыблемость установленного правопорядка, Конституционный Суд РФ признает важность соблюдения требований гражданского и корпоративного права и придает первостепенное значение организационно-правовой форме юридического лица.

Заключение

Легализация правового статуса ДАО в России предполагает в первую очередь следующие действия:

1) расширение функциональной значимости ЦФА посредством придания им статуса активов, учитываемых при голосовании и в коммерческих, и в некоммерческих организациях;

³² Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

³³ СПС «КонсультантПлюс».

2) использование ЦФА в механизмах токенизации корпоративного управления как в акционерных обществах, так и в ООО и некоммерческих организациях;

3) расширение дискретных полномочий владельцев ЦФА при создании и реорганизации юридических лиц.

Очевидно, что регулирование ДАО в рамках функциональной эквивалентности придаст запас прочности правовым конструкциям и сможет в перспективе более оперативно и качественно реагировать на вызовы современного цифрового общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лаптев В. А., Чуча С. Ю., Фейзрахманова Д. Р. Цифровая трансформация инструментов управления современными корпорациями: состояние и пути развития // *Правоприменение*. 2022. № 1. С. 231–234.

Латышев Л. К. Курс перевода : Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1981.

Олейник Е. В. Цифровизация корпоративного права: современные тенденции // *Гражданское право*. 2023. № 4. С. 32–36.

Сидоренко Э. Л. DeFi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17. № 2. С. 327–341. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341.

Сидоренко Э. Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // *Lex russica*. 2024. № 3. С. 87–99. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099.

Цифровая сущность финансового права: прошлое, настоящее, будущее : монография / под ред. И. И. Кучерова, Н. А. Поветкиной. М. : ИЗиСП, Юриспруденция, 2022.

Шевченко О. М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 11. С. 76–86.

Harris R. A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing // *Journal of Institutional Economics*. 2020. № 16(5). P. 643–664. DOI: 10.1017/S1744137420000181.

Hubbell S. P. Neutral Theory in Community Ecology and the Hypothesis of Functional Equivalence // *Functional Ecology*. 2005. № 19 (1). P. 66–172. DOI: 10.1111/j.0269-8463.2005.00965.x. JSTOR 3599285.

Schuppli B., Golnaz A. J. Piercing the Digital Veil: A Case Study for a DAO Legal Framework under Swiss Law // *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law «JIPITEC»*. October 28, 2021. SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3951804>.

Talbot L. Critical Corporate Governance and the Demise of the Ultra Vires Doctrine // *Common Law World Review*. 2009. № 38. DOI: 10.1350/clwr.2009.38.2.0187.

Tiu Lu, Zhou Sicong, Huang Huawei, Zheng Zibin. From Technology to Society: An Overview of Blockchain-Based DAO // *IEEE Open Journal of the Computer Society*. 2021. P. 1–1. DOI: 10.1109/OJCS.2021.3072661.

REFERENCES

Harris R. A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing. *Journal of Institutional Economics*. 2020;16(5):643-664. DOI: 10.1017/S1744137420000181.

Hubbell SP. Neutral Theory in Community Ecology and the Hypothesis of Functional Equivalence. *Functional Ecology*. 2005;19(1):66-172. DOI: 10.1111/j.0269-8463.2005.00965.x. JSTOR 3599285.

Kucherov II, Povetkina NA, editor. The digital essence of financial law: past, present, future. Moscow: IZiSP, Yurisprudentsiya Publ.; 2022. (In Russ.).

Laptev VA, Chucha SYu, Feizrakhmanova DR. Digital transformation of management tools of modern corporations: the state and ways of development. *Law enforcement*. 2022;1:231-234. (In Russ.).

Latyshev LK. Translation course: Translation equivalence and ways to achieve it. Moscow; 1981. (In Russ.).

Oleynik EV. Digitalization of corporate law: current trends. *Civil law*. 2023;4:32-36. (In Russ.).

Schuppli B, Golnaz AJ. Piercing the Digital Veil: A Case Study for a DAO Legal Framework under Swiss Law. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law «JIPITEC»*. October 28, 2021. Available from: <https://ssrn.com/abstract=3951804>.

Shevchenko OM. The impact of new technologies on the development of legislation on the securities market. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;11:76-86. (In Russ.).

Sidorenko EL. DeFi-crime: state, trends and criminological models. *Russian Journal of Economics and Law*. 2023;17(2):327-341. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341.

Sidorenko EL. Status of Decentralized Finance: Towards the Articulation of Issue. *Lex russica*. 2024;3:87-99. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099.

Talbot L. Critical Corporate Governance and the Demise of the Ultra Vires Doctrine. *Common Law World Review*. 2009;38. DOI: 10.1350/clwr.2009.38.2.0187.

Tiu Lu, Zhou Sicong, Huang Huawei, Zheng Zibin. From Technology to Society: An Overview of Blockchain-Based DAO. *IEEE Open Journal of the Computer Society*. 2021;1-1. DOI: 10.1109/OJCS.2021.3072661.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО МИД России, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций ИМИ МГИМО МИД России
д. 76, пр. Вернадского, г. Москва 119454, Российская Федерация
12011979@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elina L. Sidorenko, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, MGIMO University, Director, Center for Digital Economy and Financial Innovations of MGIMO University
76, Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russian Federation
12011979@list.ru

Материал поступил в редакцию 20 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 11 декабря 2023 г.

Принята к печати 18 декабря 2023 г.

Received 20.10.2023.

Revised 11.12.2023.

Accepted 18.12.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.133-143

А. А. Уваров

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
г. Москва, Российская Федерация

Информационная безопасность граждан России: современное состояние

Резюме. В статье рассматриваются концептуальные, отраслевые и практические аспекты правового регулирования информационной безопасности граждан России. В связи с развитием информационных технологий, ростом цифровых информационных ресурсов, их транснациональной природой усложняется контроль за безопасностью использования этих ресурсов в интересах граждан. Внедрение новых информационных технологий представляет определенные технические трудности для неподготовленных к ним граждан и вызывает в связи с этим некоторую социально-психологическую напряженность. Развитие законодательства об информационной безопасности тесно связано с конституционным принципом свободы массовой информации, который предусматривает некоторые ограничения этой свободы в интересах безопасности в различных сферах нашей жизни. Специфика современных информационных технологий требует качественно нового подхода и самостоятельного направления деятельности государства для обеспечения безопасности как граждан, так и самого государства и общества в целом. Отмечается, что помимо злонамеренных информационных вбросов недружественных государств существуют и собственные проблемы, связанные с низким уровнем цифровой культуры граждан, проблемы гарантированности сохранения тайны данных цифрового документооборота и др. Проблемными участками правового регулирования в области информационной безопасности граждан остается: практика сокрытия необходимой для реализации прав граждан информации органами публичной власти под грифом служебной тайны; недостоверная и недобросовестная реклама; распространение информационной продукции, представляющей опасность для здоровья и нормального развития детей, и т.д. Обращается внимание на особенности предоставления информационных ресурсов в условиях чрезвычайного и военного положения. Отмечается высокая востребованность Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», благодаря которому удалось ранжировать субъекты и объекты информационной инфраструктуры в зависимости от их сферы реализации и целей безопасности.

Ключевые слова: коммуникационные технологии; угрозы информационной безопасности; вредоносный контент; безопасность граждан; цифровая культура; информационные ограничения; цифровые данные; защита информации; информационная гарантированность; информационные объекты; субъекты информационных ресурсов

Для цитирования: Уваров А. А. Информационная безопасность граждан России: современное состояние. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 133–143. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.133-143

Information Security as to Russian Citizens: Current State

Alexander A. Uvarov

The All-Russian State University of Justice
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the conceptual, sectoral and practical aspects of the legal regulation of information security as to Russian citizens. Due to the development of information technologies, the growth of digital information resources, and their transnational nature, it is becoming more difficult to control the safety of using

© Уваров А. А., 2024

these resources in the interests of citizens. The introduction of new information technologies presents certain technical difficulties for citizens who are unprepared for them and causes some socio-psychological tension in this regard. The development of legislation on information security is closely linked to the constitutional principle of freedom of the media, which provides for some restrictions on this freedom in the interests of security in various spheres of our lives. The specifics of modern information technologies require a qualitatively new approach and an independent direction of the state's activities to ensure the safety of both citizens and the state itself and society as a whole. It is noted that in addition to malicious information stuffing by unfriendly states, there are also their own problems associated with the low level of digital culture of citizens, problems of guaranteeing the secrecy of digital document management data, etc. Problematic areas of legal regulation in the field of information security as to citizens remain: the practice of concealing information necessary for the realization of citizens' rights by public authorities classified as secret; unreliable and unfair advertising; distribution of information products that pose a danger to the health and normal development of children, etc. Attention is drawn to the specifics of the provision of information resources in conditions of emergency and martial law. There is a high demand for Federal Law No. 187-FZ dated 07.26.2017 «On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation», which made it possible to rank subjects and objects of information infrastructure depending on their scope of implementation and security objectives.

Keywords: communication technologies; threats to information security; malicious content; security of citizens; digital culture; information restrictions; digital data; information security; information safety; objects of information; subjects of information resources

Cite as: Uvarov AA. Information Security as to Russian Citizens: Current State *Lex russica*. 2024;77(1):133-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.133-143

Информационные ресурсы всё более становятся не только фактором развития и процветания нашего общества, залогом полного, гарантированного и всестороннего обеспечения российских граждан основными правами и свободами, но и фактором его стабильности и безопасности. Важность проблемы информационной безопасности многократно возросла с бурным развитием информационных и коммуникационных технологий. Данная проблема превратилась в неотъемлемую составляющую национальной безопасности, связанную с угрозами вмешательства во внутренние дела российского государства и защитой его граждан от вредоносного информационно-психологического воздействия¹.

Актуальность проблемы информационной безопасности также связана с увеличением

количества компьютерных атак на российские информационные ресурсы, активизацией деятельности иностранных разведывательных служб, распространением недостоверной информации и др. При этом анонимность использования в электронно-цифровой среде информационных ресурсов облегчает совершение многих опасных преступлений (финансирование терроризма, легализация преступных доходов, распространение наркотиков и психотропных веществ и др.). На информационные угрозы и задачи по их предотвращению указывается в целом ряде федеральных государственных документов².

Особую актуальность приобрели вопросы информационной безопасности в связи с международным военным конфликтом на Украине. Еще до его начала в отдельных федеральных

¹ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 ; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

² См.: Доктрина информационной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 ; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (необходимость проведения мониторинга массовой информации для запрета распространения экстремистской идеологии, создания информационных банков данных экстремистских материалов (пп. «д» п. 32)) ; Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (предупреждение с целью предотвращения угроз информационных вбросов деструктивной идеологии (саморазрушение общества), внедрение антиобщественных стереотипов поведения, причинение вреда нравственному здоровью людей, усиление социально-культурного расслоения, подрыв доверия к

документах³ уже обозначались основные угрозы этой безопасности: подрыв государственного суверенитета; террористические, экстремистские и иные преступные цели; проведение через электронные сети атак на информационные ресурсы государства; использование технологического доминирования в глобальном информационном пространстве для монополизации рынка информационно-коммуникационных технологий и др. В настоящее время по указанным основаниям признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ такие крупнейшие зарубежные цифровые платформы, как: Google Meta, Facebook, Twitter, Instagram, TikTok, YouTube.

По мнению А. А. Ганеева, «..недружественное давление на целостность, конфиденциальность и доступность информационных массивов кратно увеличивается и приобретает всё более агрессивные формы, остро ощущается недостаточность мер для обеспечения безопасности персональных данных граждан и сотрудников предприятий, защита значимых объектов критической информационной инфраструктуры, коммерческой тайны, управления активами информационной безопасности»⁴.

Необходимо признать, что объективно и сам по себе факт развития информационно-коммуникативных технологий уже вызывает некоторую социально-психологическую напряженность в обществе. Так, согласно проведенным в Курской области опросам, респонденты отмечают, что вследствие внедрения информационно-телекоммуникационных технологий жизнедеятельность в современном обществе становится опаснее или скорее опаснее (так считают 17,6 и

40,1 % соответственно). Для 38,3 % опрошенных жителей региона идет нарастание ощущения незащищенности в информационно-коммуникационной среде.

Чаще всего граждане сталкиваются со спамом, т.е. рассылкой корреспонденции лицам, не выразившим желание ее получать, — 86,1 %. На втором месте по частоте встречаемости находятся вирусы, ведущие к блокированию браузера или компьютера, — 78,7 %. И наконец, на третьем и четвертом месте находится фишинг (попытка несанкционированного доступа к логинам и паролям) и его частная версия — взлом и воровство в социальных сетях (соответственно 40,7 и 47,3 %) ⁵.

По статистическим данным количество компьютерных атак на частных лиц в 2022 г. в России увеличилось на 44 %. В этом же году произошло не менее 60 крупных утечек персональных данных, содержащих более 230 млн записей с личной информацией граждан⁶. Надо отметить, что преобладают здесь киберпреступления в финансовой среде, чья доля начиная с 2016 г. по стране ежегодно составляет 98 %, потерпевшими по которым выступают клиенты банковских организаций и сами банки⁷.

Тенденции развития российского законодательства об информационной безопасности граждан связаны с их защищаемыми законодательством интересами. Конституционный принцип свободы массовой информации (ч. 4 и 5 ст. 29 Конституции РФ) на самом деле имеет пределы своего распространения, касающиеся не только названного в ч. 4 перечня сведений государственной тайны. В упомянутых выше доктринальных документах уже отмечались

институтам государства и др. (п. 17)) ; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (необходимость формирования в обществе обстановки нетерпимости к пропаганде и распространению идей экстремизма, ксенофобии, национальной исключительности (пп. «в» п. 21), обеспечение открытости и публичности рассмотрения ситуаций, связанных с конфликтами в сфере межнациональных (межэтнических) отношений (пп. «з» п. 21)) // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

³ См.: Основы государственной политики России в области международной информационной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 12.04.2021 № 213 // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Ганеев А. А. Кибербезопасность в условиях агрессивной внешней информационной среды // Сборник материалов международного форума / под общ. ред. Р. Н. Минниханова. Казань, 2022. С. 286.

⁵ Кривоухов А. А. К оценке уровня безопасности личности в информационно-коммуникационной среде со стороны криминала // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 1. Т. 11 С. 4.

⁶ Капранов О. Эксперты по информационной безопасности назвали главные угрозы на 2023 год // URL: <https://rg.ru/2023/01/17-god.html> (дата обращения: 02.10.2023).

⁷ Афанасьева В. Р. Проблемы и пути решения информационной безопасности в банковской сфере // Эволюция российского права : материалы XVII Международной научной конференции, Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2019. С. 395–397.

некоторые виды информационных ресурсов, общественные носители которых, в соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, подлежат запрету, поскольку их деятельность по распространению этих информационных ресурсов угрожает государственной, общественной и личной безопасности граждан. Эти запреты обусловлены политическим режимом демократического государства. Разумеется, в авторитарном или тоталитарном государстве перечень запретов информационной свободы может быть значительно расширен за счет запретов на информацию, которая каким-либо образом несовместима с обязательной официальной государственной идеологией, с религиозными догматами клерикального государства или с установками военного диктаторского режима.

Конституционные ограничения права на информацию, предусмотренные частью 3 ст. 17 и частью 3 ст. 55 Конституции РФ, направлены на запрет распространения следующих видов информации:

1) разжигающей национальную ненависть и рознь;

2) фальсифицированной и нарушающей нормы приличия и нравственности;

3) посягающей на честь и достоинство граждан, представляющей опасность и вред физическому и духовно-нравственному состоянию людей;

4) искажающей память о прошлом, историю страны, посягающей на отечественные ценности поколений;

5) иницирующей разрушительные процессы (техногенные, природные, социальные).

Как в любом демократическом государстве, в России существуют и специальные ограничители информации — это разного рода запрещенная для посторонних лиц информация. Ограни-

ченность распространения такой информации может быть продиктована интересами государственной безопасности⁸, бизнеса⁹, органов публичной власти¹⁰. Действующим законодательством закреплен целый ряд прав граждан на охрану их личной информации (врачебная тайна, тайна исповеди, тайна усыновления, журналистская тайна, банковская тайна, депутатская тайна, тайна персональных данных и др.). Вопрос о закрытости (тайне) информации непосредственно связан с интересами граждан даже тогда, когда информация не является личной. Так, сохранение государственной тайны необходимо для обеспечения защиты государственного суверенитета нашего государства, а значит, всего общества и каждого гражданина. Сохранение коммерческой тайны, возможно, не так очевидно для обеспечения интересов каждого отдельного гражданина, но с учетом действия рыночных законов эта норма обеспечивает бизнесу благоприятные условия для конкуренции в производстве товаров и услуг, а значит, дает возможность более полного и качественного удовлетворения потребностей граждан.

Обилие информационных ресурсов и переход с бумажной на интернет-платформу делает этот ресурс с учетом международного характера последней недостаточно управляемым и контролируемым с точки зрения необходимости минимизации его негативного воздействия на защищаемые внутренним законодательством государственные, общественные и личные интересы граждан.

По мнению Т. Я. Хабриевой, «как самостоятельное новое направление государственной деятельности признается обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, оборота цифровых данных»¹¹. Вместе с тем,

⁸ Федеральный закон от 21.07.1993 № 5465-1-ФЗ «О государственной тайне» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

⁹ Федеральный закон от 29.07.2004 № 94-ФЗ «О коммерческой тайне» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁰ Федеральный закон от 26.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

Данные законы, к сожалению, не содержат положений о так называемой служебной тайне, поэтому законодатель здесь пошел по пути «обратного» регулирования, т.е. установил обязанность органов публичной власти обеспечить гарантированную доступность установленных этими законами информационных ресурсов их деятельности.

¹¹ Хабриева Т. Я. Доклад на Петербургском международном юридическом форуме «Конституционный контроль: развиваем доктрину и совершенствуем практику» // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 3–8.

как отмечает Т. Е. Колосова, «существующий сейчас уровень защиты цифровых данных не позволяет полностью отказаться от бумажного документооборота по следующим причинам: 1) легкость тиражирования и фальсификации электронных данных; 2) как программная, так и материальная составляющая электронных хранилищ информации на данный момент не обладают необходимым уровнем долговечности и надежности (так физические носители цифровой информации крайне не долговечны и редко служат дольше 10–15 лет, в то время как программы обработки и хранения информации обновляются еще быстрее).

Что же касается “облачных” технологий, то они далеко не совершенны. А с учетом складывающейся в последние годы геополитической обстановки следует учитывать, что подавляющее большинство дата-центров, обеспечивающих хранение таких данных, расположены за пределами нашей страны, а в случае неблагоприятного развития международной обстановки это может привести к полной утрате доступа к ним российских обладателей и пользователей, хранящейся в них информации»¹².

Следует отметить, что цифровая трансформация сама по себе продуцирует появление новых возможностей реализации интересов и потребностей человека, а вместе с ними возникновение новых прав человека и гражданина как участника всемирного информационного пространства. Традиционными и привычными стали права человека на доступ и использование коммуникационных сетей Интернета, право на защиту от компьютерных атак и действий хакеров, право на создание своих собственных компьютерных программ и иных компьютерных произведений. Цифровизация охватила целые отрасли индустрии, стала неотъемлемым фактором государственного управления и предоставления государственных услуг.

С точки зрения интересов личности данный процесс цифровизации, с одной стороны, на-

целен на обеспечение ее удобства, поскольку позволяет быстро получить необходимую для этого информацию, автоматизировав трудоемкий процесс поиска такой информации и выполнения иных рутинных операций. С другой стороны, как отмечает А. А. Подупейко, «повсеместное появление камер, развитие специального программного обеспечения... позволяет контролировать информацию о личности. При этом личность спокойно существует во множестве этих электронных баз данных, не задумываясь о том, что практически утрачивает право на личную жизнь, право на безопасность»¹³.

Расширяются и сами объекты информационных ресурсов. Так, помимо традиционной вербальной информации, с помощью современных технологий возникают возможности передачи на расстояние не только изображений, но и запахов, а также тактильных ощущений. По мнению отдельных авторов, термины «информационная безопасность» и «информационная приватность» стали использовать вместе. В научно-практической литературе приводятся примеры «негативного прогресса», совершенствования цифровых технологий в деле криминализации в области нарушений отдельных прав человека. Как отмечает А. Геращенко, «если в аналоговом мире злоумышленник мог получить (не только из сети Интернет) копию паспорта субъекта и оформить на него микрозайм, то сегодня утечка, к примеру, изображения гражданина (или геометрии его лица) может закончиться созданием злоумышленниками его дипфейка и использованием его личности в своих интересах, например для трудоустройства в качестве дистанционного работника»¹⁴. В настоящее время в международном праве определено три сферы наиболее активного применения методов биометрических данных: пограничный контроль, банковские онлайн-операции и сфера обслуживания клиентов¹⁵.

Одним из наиболее серьезных факторов риска в сфере информационной безопасности

¹² Колосова Т. Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 155.

¹³ Подупейко А. А. Некоторые вопросы обеспечения конституционных прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы республиканской науч.-практ. конференции. Минск, 2022. С. 316–317.

¹⁴ Геращенко А. Диалектика приватности в условиях развития информационной безопасности // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 69.

¹⁵ Международная конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : заключена в Страсбурге 28 января 1980 г. // СЗ РФ. 2014. № 5.

граждан, по мнению М. В. Пономарева, является неприемлемо низким уровень развития их цифровой культуры¹⁶. На доктринальном уровне уже сформулирован тезис о том, что государство должно обеспечить защищенность граждан от информационных угроз, в том числе за счет формирования культуры личной информационной безопасности¹⁷. Свое развитие данный тезис нашел в более поздних документах Правительства РФ, где отмечается, что для предотвращения угроз информационной безопасности граждан необходимо с раннего возраста прививать знания по распознаванию фишинговых сайтов и писем, телефонного мошенничества, созданию надежных паролей, распознаванию недостоверной информации и другого вредоносного контента.

Основными же принципами этой деятельности являются: усиление ответственности государства в информационной сфере наряду с консолидацией организационных структур гражданского общества по активизации усилий в проведении информационных компаний и иных мероприятий, формирование у граждан ответственного отношения к личной информационной безопасности в цифровом пространстве¹⁸. В апреле 2020 г. внесены изменения в административный и уголовный кодекс, предусматривающие ответственность «за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

На практике бывает достаточно сложно выявить истинные мотивы и цели человека, рас-

пространяющего такую информацию. Порой в подобной ситуации мы имеем дело с людьми, которые либо искренне убеждены в достоверности такой информации, либо легкомысленно полагают, что это всего лишь их «безобидная шутка», в действительности не представляя масштабы и последствия ее распространения. В этой связи Г. П. Корнев предлагает различать дезинформацию и заблуждение: «Если корреспондент сознательно ставит перед собой задачу ввести реципиента в заблуждение, то информационный процесс приобретает дезинформационную интенцию. Когда корреспондент при передаче ложных сведений уверен в их истинности, имеет место заблуждение»¹⁹.

Тем не менее гражданам, которые получают вредоносный контент в результате таких заблуждений, от этого не легче, поэтому и авторам, и издателям необходимо тщательно проверять такую информацию на достоверность, а для тех, кто в погоне за сенсацией все-таки пренебрегает этим советом, надо также предусмотреть соответствующую юридическую ответственность (за небрежность, халатность и т.п.).

Правовые основы информационной безопасности граждан — это не только конституционные нормы и доктрины, но и отраслевые нормативные правовые акты, а также постановления высших судов России, в которых более предметно отражены вопросы этой безопасности, наряду с общими вопросами политики предоставления потребителям публичной информации²⁰. Разумеется, в каждом отраслевом институте имеются и свои специфические

¹⁶ Пономарев М. В. Цифровая компетенция граждан как фактор информационной безопасности современного мегаполиса // Правовые аспекты безопасности города Москвы: исторический опыт, актуальные тенденции и перспективы : материалы круглого стола, проведенного в рамках XVI Фестиваля науки города Москвы. М., 2022. С. 113–119.

¹⁷ Пп. «д» п. 27 Доктрины информационной безопасности, утв. Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁸ См.: Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ утв. распоряжением Правительства РФ от 22.12.2022 № 4088-р // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

¹⁹ Корнев Г. П. Дезинформация и заблуждение в информационном пространстве // Труды III Всероссийской научной конференции. М., 2021. С. 210–214.

²⁰ Федеральный закон от 13.01.1995 № 6-ФЗ «О средствах массовой информации» ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ; Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» ; Федеральный закон от 13.02.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» ; постановление Правительства РФ от 12.02.2003 № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти» ; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения

проблемы информационной безопасности. Так, проблемным участком в области защиты прав потребителей оказалась сфера рекламного сопровождения предоставления гражданам товаров и услуг²¹, в области санитарно-эпидемиологического благополучия граждан — сфера информационного обеспечения защиты здоровья населения²², в области защиты прав детей — сфера защиты от вредной информации²³. Информационным дефектом в сфере рекламы товаров и услуг, не обеспечивающим или даже угрожающим интересам граждан, является недостоверная и недобросовестная реклама (ст. 5 Федерального закона «О рекламе»), за распространение которой предусмотрена соответствующая юридическая ответственность. Особое внимание необходимо уделять информации, адресатом которой являются дети. Детская психика более чувствительная, чем взрослая, и в большей степени подвержена внешнему влиянию. Требуется обезопасить самих детей, их жизнь и здоровье. Детская бравада и стремление скорее повзрослеть толкают их к употреблению наркотических и психотропных средств, занятию экстремальными (чаще всего противозаконными) видами деятельности, способствуют отчуждению от семейных традиций и ценностей, превалированию в отношении к окружающим их людям культа силы. Задачи информационной безопасности по отношению к этому контингенту граждан заключаются, наряду с законодательными запретами, и в проведении воспитательных мер, обеспечивающих позитивную социализацию детей, формиру-

вание у них механизмов критической оценки получаемых сведений²⁴.

Своевременное и оперативное предоставление достоверных информационных ресурсов для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения — залог его безопасности и здоровья²⁵. Именно здесь высока ответственность государственных структур, от которых зависит жизнь и здоровье жителей целых населенных пунктов и регионов. Масовость и ценность объекта угроз определяют важность профилактической работы по мониторингу чрезвычайных ситуаций и своевременного доведения информации об угрозе жизни и здоровью людей для предотвращения негативных последствий. В свою очередь, граждане должны иметь возможность самостоятельно получить от компетентных органов и организаций всю информацию, которая может каким-то образом обеспечить сохранение принадлежащих им ценностей, включая прежде всего их здоровье и жизнь, тем более что в силу ч. 3 ст. 41 Конституции РФ сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом.

Большой объем, важность и долгосрочность задач по обеспечению информационной безопасности граждан предполагают необходимость консолидации и активизации усилий государства в этом направлении. В связи с этим вполне уместны предложения А. А. Чеботаревой по созданию и закреплению «правового

судами Закона РФ «О средствах массовой информации»»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

²¹ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

²² Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

²³ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

В последнее время стала актуальной проблема сексуального просвещения несовершеннолетних, в связи с чем 5 декабря 2022 г. была внесена новая редакция ст. 6.21 КоАП РФ о запрете пропаганды информации о смене пола, о нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях.

²⁴ См.: Концепция информационной безопасности детей, утв. распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

²⁵ Среди такого рода информационных ресурсов статья 8 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» выделяет информацию о состоянии среды обитания, качестве и безопасности продукции производственно-технического назначения, пищевых продуктов, товаров для личных и бытовых нужд, о потенциальной опасности для здоровья человека выполняемых работ и оказываемых услуг.

механизма мониторинга состояния защищенности личности от внутренних и внешних угроз в информационной сфере, а также учреждения института Уполномоченного по защите прав личности в информационной сфере при Президенте РФ»²⁶. Это позволит систематизировать разнообразную государственную и общественную деятельность по выявлению и оценке информационных ресурсов, угрожающих безопасности граждан, институализировать ее организационную основу, придать ей более предметный, целенаправленный характер, консолидировать с другими важными направлениями государственной деятельности.

Как в любом ином государстве, режим информационной гарантированности и безопасности граждан в России непосредственно связан с режимом чрезвычайных ситуаций, которые могут быть вызваны военными действиями, природными катаклизмами, техногенными авариями, эпидемиями, массовыми беспорядками и иными чрезвычайными событиями, повлекшими массовое ухудшение состояния благополучия граждан на определенной территории государства, угрожающими их жизни и здоровью. На этот счет существует целый ряд федеральных актов, предписывающих алгоритм действий каждого уровня представителей публичной власти. Не последнее место среди этих мер отведено вопросам информационного обеспечения, предназначенного для урегулирования этих ситуаций в режиме, который будет максимально способствовать прежде всего интересам самих граждан.

Так, в условиях режима военного положения вводится военная цензура за почтовыми отправлениями и сообщениями, передаваемыми с помощью телекоммуникационных систем. В режиме контртеррористической операции вводится контроль телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем. При введении чрезвычайного положения, вызванного событиями социального характера, мерами ограничения информационных свобод граждан могут быть ограничены свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления, а также

временное изъятие или арест печатной продукции, радиопередающих, звукоусиливающих технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов.

Последние события, связанные с военной операцией России на Украине, актуализировали проблемы информационного противодействия воюющих сторон. Провокационная и сфальсифицированная информация противника, особенно в Интернете, наносит порой не менее тяжелый урон нашим интересам, чем его военные и террористические операции. Неслучайно эту войну называют гибридной, понятие которой связано с тем, что нападающая сторона, не прибегая к прямому вторжению, подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойн. Принятый еще до начала военной операции на Украине федеральный закон о безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации впервые собрал и ранжировал субъекты и объекты информационной инфраструктуры в зависимости от областей их использования (социальной, политической, экономической, экологической, а также с точки зрения оборонной, государственной и общественной безопасности)²⁷.

Само понятие объекта критической информационной инфраструктуры связано с информационными системами, информационно-телекоммуникационными сетями, автоматизированными системами управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также с управленческими, технологическими, производственными, финансово-экономическими и (или) иными процессами в рамках выполнения функций (полномочий) или осуществления видов деятельности субъектов критической информационной инфраструктуры в вышеуказанных областях их использования. Перечень сфер критической информационной инфраструктуры включает в себя: здравоохранение, науку, транспорт, связь, энергетику, банковскую сферу и иные сферы финансового рынка, топливно-энергетический комплекс, области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышлен-

²⁶ Чеботарева А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 17.

²⁷ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

ности (п. 8 ст. 2 Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»)²⁸.

Детализация положений данного закона осуществляется в постановлении Правительства РФ²⁹, где представлены три категории значимости объектов критической информационной инфраструктуры. При этом категория (первая — самая высокая, вторая и третья) устанавливается правительственной комиссией по категорированию с учетом показателей значимости объектов критической информационной инфраструктуры, установленных в каждой отраслевой сфере объектов информационной инфраструктуры.

Характерно, что ранжирование этих категорий в каждой области использования (социальной, политической, экономической и т.д.) зависит как от характера причиненного ущерба (угрозы его причинения), так и от степени его распространенности (чем большему количеству людей этот ущерб причинен, тем выше категория). Следует иметь в виду, что владельцами (субъектами) этих информационных ресурсов являются не только государственные органы и учреждения, но и юридические лица, инди-

видуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или ином законном основании принадлежат информационные системы и сети.

Все эти собственники и владельцы должны сознавать, что в условиях сбоя или повреждения их информационных систем происходит массовое, порой необратимое нарушение прав и свобод граждан, причем в наиболее важных и существенных для жизнеобеспечения сферах. Острая потребность в высоких компьютерных технологиях и программах, которые используются в современных информационных системах, отсутствие или дефицит соответствующих специалистов в IT-индустрии, массовый отток с отечественного рынка иностранных промышленных продуктов в области создания компьютерных программ, производства интеллектуальных продуктов, изделий и комплектующих, несомненно, негативным образом влияет на уровень информационной безопасности российского государства и наших граждан.

Эта задача требует комплексного решения, но консолидировать весь этот процесс можно только при помощи своевременно принятых и эффективных законодательных актов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева В. Р. Проблемы и пути решения информационной безопасности в банковской сфере // Эволюция российского права : материалы XVII Международной научной конференции, Уральский государственный университет. Екатеринбург, 2019. С. 395–397.

Ганеев А. А. Кибербезопасность в условиях агрессивной внешней информационной среды // Сборник материалов международного форума / под общ. ред. Р. Н. Минниханова. Казань, 2022. С. 286–290.

Герашенко А. Диалектика приватности в условиях развития информационной безопасности // Международное правосудие. 2022. № 4. С. 51–72.

Колосова Т. Е. Проблемы реализации охранительной функции государства в сфере защиты прав человека в цифровом пространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 151–157.

Корнев Г. П. Дезинформация и заблуждение в информационном пространстве // Труды III Всероссийской научной конференции. М., 2021. С. 210–214.

Кривоухов А. А. К оценке уровня безопасности личности в информационно-коммуникационной среде со стороны криминала // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. Т. 11. № 1. С. 3–10.

Подупейко А. А. Некоторые вопросы обеспечения конституционных прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь : материалы республиканской научно-практической конференции. Минск, 2022. С. 316–317.

²⁸ Данный перечень был дополнен 10 июля 2023 г. сферой регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

²⁹ Постановление Правительства РФ от 08.02.2018 № 127 «Об утверждении Правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 01.10.2023).

Пономарев М. В. Цифровая компетенция граждан как фактор информационной безопасности современного мегаполиса // Правовые аспекты безопасности города Москвы: исторический опыт, актуальные тенденции и перспективы : материалы круглого стола, проведенного в рамках XVI Фестиваля науки города Москвы. М., 2022. С. 113–119.

Хабриева Т. Я. Доклад на Петербургском международном юридическом форуме «Конституционный контроль: развиваем доктрину и совершенствуем практику» // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 3–8.

Чеботарева А. А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 55 с.

REFERENCES

Afanasieva VR. Problems and solutions of information security in the banking sector. In: The Evolution of Russian Law. Proceedings of the 27th International Scientific Conference, Ural State University. Ekaterinburg; 2019. Pp. 395–397. (In Russ.).

Chebotareva AA. Legal provision of information security of the individual in the global information society. The author's abstract of Dr. Diss. (Law). Moscow; 2017. (In Russ.).

Ganeev AA. Cybersecurity in an aggressive external information environment. In: Minnikhanov RN, editor. Collection of papers of the International forum. Kazan; 2022. Pp. 286–290. (In Russ.).

Gerashchenko A. The dialectic of privacy in the context of information security development. *International justice*. 2022;4:51-72. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Report at the St. Petersburg International Legal Forum «Constitutional Control: developing doctrine and improving practice». *The Russian justice system*. 2023;6:3-8. (In Russ.).

Kolosova TE. Problems of realization of the protective function of the state in the field of human rights protection in the digital space. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava [Current Issues of the State and Law]*. 2022;6(2):151-157. (In Russ.).

Kornev GP. Misinformation and misconception in the information space. Papers of the 3d All-Russian Scientific Conference. Moscow; 2021. Pp. 210–214. (In Russ.).

Krivoukhov AA. To the level of personal security assessment in the information and communication environment from the criminal side. *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2020;11(1):3-10. (In Russ.).

Podupeyko AA. Some issues of ensuring the constitutional rights and freedoms of the individual in the context of digital transformation. Current problems of achieving sustainable development goals in the context of digital transformation of the state and law in the Republic of Belarus. Proceedings of the Republican scientific and practical conference. Minsk; 2022. Pp. 316–317. (In Russ.).

Ponomarev MV. Digital competence of citizens as a factor of information security in a modern megalopolis. Legal aspects of the security of the city of Moscow: historical experience, current trends and prospects. Proceedings of the round table held as part of the 16th Moscow Science Festival. Moscow; 2022. Pp. 113–119. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уваров Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Всероссийского государственного университета юстиции д. 2, корп. 1, Азовская ул., г. Москва 117638, Российская Федерация
uvarov.al@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Uvarov, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of State and Legal Disciplines, the All-Russian State University of Justice
2, building 1, Azovskaya St., Moscow 117638, Russian Federation
uvarov.al@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 4 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 4 ноября 2023 г.
Принята к печати 18 декабря 2023 г.*

*Received 04.10.2023.
Revised 04.11.2023.
Accepted 18.12.2023.*

Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя

Резюме. Инновационная юриспруденция — открытая перспектива концептуального и инструментального развития юридической науки эпохи постмодерна или эпохи сдвигов юридических картин мира и стилей правового мышления и сопровождающих их социально-экономических и политико-правовых трансформаций. Становление и формирование нового юридического дисциплинарного комплекса связано с определением предметов и способов исследования и разработкой конкурирующих аналитических языков описания и объяснения изменений правовой реальности. Все три структурные составляющие дисциплины представлены в границах понятийного кластера: традиции и новации, правовое развитие и современный мир. Традиции и новации — вечные категории наличных практик социального существования с инвариантными и подвижными историческими формами и содержаниями. То, что для одной культурной формации традиция, для другой может рассматриваться в качестве новации. Это выражение накопленного опыта управления развитием, смещений и пересечений правовых коммуникаций, культурной памяти и наследия, передаваемого от поколения к поколению. Развитие институтов и процессов, идей и доктрин, языков юриспруденции имеет три вектора и стратегии своих проявлений и репрезентаций: эволюционные, инволюционные и парадигмальные переходы и сдвиги. Современность — это характеристика движения правовых систем в историческом времени и пространстве и как процессов и остаточных состояний эпох до модерна и модерна, так и еще неизвестных в своих следствиях правовых формаций постмодерна. Институциональные вызовы современного правового развития в определяющей степени зависят от способности юридической науки находить конструктивные аналитические и инструментальные решения. Инновационная юриспруденция и есть возможный культурный и концептуальный ответ на запросы новой реальности.

Ключевые слова: инновационная юриспруденция; правовое развитие и современность; нововведение; язык социокультуры; дисциплинарный кластер; постюриспруденция; политика; семантика; правовое общество; культурный капитал; право

Для цитирования: Веденеев Ю. А. Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 1. С. 144–155. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.144-155

The Jurisprudence of Traditions and Innovations of the Postmodern Era in Search of Self

Yuriy A. Vedeneev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Innovative jurisprudence is an open perspective for the conceptual and instrumental development of legal science in the postmodern era or the era of shifts in legal worldviews and styles of legal thinking and

the accompanying socio-economic and political-legal transformations. The formation and development of a new legal disciplinary complex is associated with the definition of subjects and methods of research and the development of competing analytical languages for describing and explaining changes in legal reality. All three structural components of the discipline are represented within the boundaries of a conceptual cluster: traditions and innovations, legal development and the modern world. Traditions and innovations are eternal categories of available practices of social existence with invariant and mobile historical forms and contents. What is a tradition for one cultural formation can be considered an innovation for another. It is an expression of accumulated experience in development management, mixing and intersections of legal communications, cultural memory and heritage passed down from generation to generation. The development of institutions and processes, ideas and doctrines, and languages of jurisprudence has three vectors and strategies of its manifestations and representations: evolutionary, involutorial, and paradigmatic transitions and shifts. Modernity is a characteristic of the movement of legal systems in historical time and space and both the processes and residual states of the epochs before modern and modernity, as well as the legal formations of postmodernity that are still unknown in their consequences. The institutional challenges of modern legal development depend to a certain extent on the ability of legal science to find constructive analytical and instrumental solutions. Innovative jurisprudence is a possible cultural and conceptual response to the demands of the new reality.

Keywords: innovative jurisprudence; legal development and modernity; innovation; language of socioculture; disciplinary cluster; post-jurisprudence; politics; semantics; legal communication; cultural capital; law

Cite as: Vedeneev YuA. The Jurisprudence of Traditions and Innovations of the Postmodern Era in Search of Self *Lex russica*. 2024;77(1):144-155. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.144-155

Постановка вопроса

Правовые традиции и новации в широком, метафизическом смысле — это социокультурные основания становления и развития правовых систем, институтов социально-нормативного общения, включая правовые идеи, принципы, правовые ценности и доктрины. Это цивилизационные рамки и критерии идентификации принадлежности к определенной культуре социальных коммуникаций, культуре юридических трансформаций и обменов, культуре поведения открытых или закрытых правовых систем. В узком, прикладном смысле это структурные и функциональные проекты, решения и модели, обеспечивающие производство правовых систем. То есть политики, направленные на преобразование наличных правопорядков, или политики, обеспечивающие сдерживание развития институтов, их консервацию в меняющихся контекстах существования. Мы привыкли отождествлять приверженность традиции как проявления инерционности и архаичности правопорядков и приверженность новациям как проявления их динамичности и актуальной востребованности. Считается, что традиционно-ориентированные правовые системы — закрытые и консервативные, а инновационно-ориентированные — открытые и современные. Мы не

должны забывать, что нечто, прежде чем стать традицией, когда-то было новацией, а новации когда-то будут традициями.

Второй элемент понятийного кластера — правовое развитие, или развитие правовых систем. С точки зрения современных подходов сюда включают взгляд на право как многомерное — многокомпонентное, многоуровневое и полицентрическое (*гетерархическое*) ментальное бытие права в его восприятиях, переживаниях и оценках правосознанием эпохи, так и существование права в сетевой структуре взаимодействий социальных отношений и политических решений, правовых доктрин и юридических концептов действительности. Это функция множества переменных с весьма неопределенной логикой процессов и границ изменений или возможных траекторий развития и конечных результатов. Полная реалистическая онтология права охватывает институты, ценности, концепты и эпистемы. Это также еще много чего, о чем мы можем только догадываться, вариативные отношения и процессы, события и состояния, константы культурно-исторической эпохи в ее прошлом, настоящем и будущем. Каждая культурно-историческая эпоха имеет дело со своим правом, знает о праве только то, что способна понять и осмыслить в определениях своего социального и культур-

¹ Одиссей. Человек в истории. М., 1995. С. 286.

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 29.

ного контекста и своего языка понимания права и рассуждения о праве. Феномен мифа, феномен веры и феномен логических построений правовых систем — всего лишь установленные в исторических практиках правового развития модусы и модальности их существования.

Правовое развитие обнаруживает себя не столько в изменениях системы государственно-правовых институтов с точки зрения преобразований в предметах и режимах правового регулирования социальных отношений (институциональное развитие), сколько в изменениях в системах знаний об институтах с точки зрения подходов, предметов и методов изучения государственно-правовых явлений (концептуальное развитие); среды обитания правовых институтов и юридических знаний или социальных, политических и культурных координат их становления в историческом времени и пространстве (контекстуальное развитие). Правовое развитие охватывает разнообразные процессы консервации и преобразований наличных порядков социальных отношений: актуальные и потенциальные возможности изменения правовых систем; линейные и циклические парадигмальные сдвиги в составе и структуре государственно-правовых институтов; сдвиги в системах концептуальных, институциональных и культурных рамок, ограничений, оснований и форм социального поведения. Квалификация юридических практик как *традиционных или инновационных* сама по себе условна (вариативна) и зависит от степени понимания последствий сохранения или изменения условий собственного существования, то есть политики развития или политики консервации наличных состояний права и науки права, практического и теоретического юридического языка.

Третье измерение понятийного кластера — современный мир. Резонно возникает сакраментальный вопрос: что есть «современный мир», в каком смысле «современный»? В радикальном варианте ответ дал один из самых глубоких отечественных филологов О. М. Фрейдберг: «В плане постановки новых научных проблем современность есть понятие хронологическое, а не методологическое»¹. В более широком культурно-историческом контексте понимание современности предложено Фернаном Броделем: «...современность есть продолжение — в разной степени — тех событий, которые имели место в ближайшем и далеком прошлом»². Современность не только фазовое состояние истории. Это ее срез, которому пред-

шествуют точки бифуркации, или накопления социальных дисфункций и переходов в другие культурные и политико-правовые состояния. Это прежде всего новое видение и понимание проблем развития правовой реальности в определениях ее социокультурных оснований, факторов и качественных параметров развития и будущих кризисов. Современность живет одновременно в структурных отношениях старых, переходных и новых институтов и их проявлений в системе базовых ментальных и аналитических рамок социального поведения, концептуальных оснований изменений или консервации в системах социально-правовых мотиваций и действий. Можно соглашаться или не соглашаться с такой постановкой вопроса, но это уже предмет критической юриспруденции.

Современный мир представляет многоуровневую и многополюсную систему социальных взаимодействий и пересечений исторических практик и механизмов социального общения. В нем обнаруживают себя практики параллельного сосуществования разнонаправленных архаичных, традиционных, религиозных и светских, секулярных, рациональных механизмов правового регулирования и самоуправления, знаниевых систем их аналитического описания и объяснения. Здесь имеет место сложное сочетание режимов повторяемости и инерции, сдвигов и трансформаций в формах и механизмах социального развития, процессов преемственности и разрывов. Нечто приходит, а нечто не уходит: инновации становятся регулятивным ядром правовой системы, традиции превращаются в ее маргинальную периферию, и наоборот. В реальности имеет место динамическое сосуществование традиций и новаций. Сегодня мы наблюдаем кризис глобальной модели государственно-правового развития: с одной стороны, попытки возвращения к ее исходным национальным государственно-правовым границам, а с другой стороны, поиски альтернатив социальным, культурным и технологическим основаниям собственного воспроизводства. В этом плане XXI век демонстрирует системный кризис глобального правопорядка своей макрокультуры. Это и новые аномальности, и негативные юридические практики в системе трансграничных правовых институтов, реализации прав человека и гражданина. Это переход от гражданского общества к сетевому обществу, от права социальных традиций и иерархий к праву институциональных и культурных деконструкций, от права письменных

текстов к цифровому праву или праву социальных сетей.

Пророчество Пифагора, или в современной терминологии — прогноз, сбывается: «мир управляется числами», правда, не с метафизическими коннотациями, а вполне реальными и практическими. Магия чисел сменяется прозой цифр. Постреальность становится исчисляемым социальным фактом, где уже не будет места многому из той культурной и политико-правовой среды обитания, которая пока окружает и еще обеспечивает привычный приватный порядок социальных отношений в границах понимания конститутивного значения неотчуждаемых прав человека и гражданина. На смену гражданскому обществу и демократическому государству приходят сообщества корпоративных сетей и регуляций. Иначе говоря, речь может идти о процессах развития внутри и вне отдельных правовых цивилизаций в границах пересечений и взаимодействия трансграничных институтов, культур и контактов. Проблема в том, что если раньше в рамках отдельных культур то, что являлось нормой для одной правовой системы, выступало новацией для другой правовой системы в силу неравномерности социального развития, то сегодня культура идентичности становится размытой и неопределенной. Таким образом, проблема выбора и предпочтений решений и моделей в условиях неравномерности и неопределенности социокультурного, институционального и концептуального развития становится кризисным фактором социального поведения. Границы имплементации новаций и сохранения традиций в настоящее время функция множества переменных, прежде всего способности правовой системы сохранять старые эффективные правовые институты и их языки и осваивать новые правовые институты и их языки, не разрушая онтологические и аксиологические основания своего воспроизводства. Здесь лежат точки бифуркации в историческом движении правовых систем или смены гештальта в терминах языка Освальда Шпенглера.

Важно иметь в виду, что ключевые принципы юридического освоения действительности, ее понимания и конструирования остаются тождественными самим себе. Как были базовые институты, процедуры и языки права *respondere, cavere* и *agere*, так ими и остаются. Это институциональные ядра любой правовой системы, разрушая которые система разрушает самое себя. Меняются контексты существова-

ния институтов, их конституирующие и обслуживающие дискурсы. В конечном итоге все сводится при всем разнообразии юридических подходов и решений к их квалификациям: правильное или неправильное, адекватное или неадекватное, должное или недолжное, правомерное или неправомерное, законное или незаконное. И, что немаловажно, к признанию эффективного или неэффективного правопорядка в выработанных в нем практиках политико-правового регулирования. А это уже вопрос взаимоотношений культур модерна и постмодерна в историческом пространстве и времени, точнее, цивилизационной принадлежности и идентичности правовой системы ее базовым ценностям. У каждой исторической эпохи свои представления и аксиология нормальности и приемлемости динамики институциональных и концептуальных превращений в системах традиций и новаций, свои выгоды и издержки их сохранения и освоения.

Концептуализация категории

«правовое развитие правовых систем»

Изменения правовых систем охватывают своими практиками как институциональные, так и концептуальные составляющие правопорядка. В сфере их воздействия элементы формального механизма правового регулирования: предметы и методы, субъекты, объекты и границы правового регулирования; элементы социокультурного механизма правового воздействия: ценности, представления, юридические картины мира, системы юридических знаний. Вопрос «правовое развитие чего?» остается открытым. Видимо, правовой системы в целом со всеми ее элементами, по крайней мере в определениях современного правопонимания, а именно системы права или институтов, системы источников — законодательства (романо-германской правовой системы) или судебных прецедентов (англосаксонской правовой системы); системы доктрин или санкционированных идеологических представлений об онтологических основаниях правовых систем; системы ценностей или регулятивных нормативных дискурсов юридической организации социального порядка, системы юридических языков (практических и теоретических), языка права и языка науки права, то есть практического и аналитического инструментария юриспруденции, систем правовых знаний и систем юридической техники или

техники прикладного юридического анализа, производства, реализации и применения права.

Правовые системы существуют и воспроизводят себя в границах наличных юридических картин мира. Правовое развитие — категория не только юриспруденции, но также социальных, политических и гуманитарных наук. Ее аналитические значения терминологически и понятийно связаны с процессом изменений и трансформаций социальных и политических институтов и языков их описания и объяснения. В составе языков описания и объяснения правовых явлений различают такие уровни и аспекты процессов политико-правового развития, как институциональные и концептуальные революции, институциональные и концептуальные новации, преемственность, совместимость или несовместимость институтов и концептов. В практическом языке особое место начинает занимать юридическая конструкция «институты развития». То есть финансово-экономические и административные комплексы учреждений и процедур, обеспечивающие разработку и внедрение юридических нововведений в практику социального развития, их экспертизу.

Правовое развитие составляет ключевой аспект и юридический механизм воспроизводства правовых систем, поскольку касается государственно-правовых решений и директив, определяющих тенденции и условия их собственного существования и воспроизводства. Актуализация категории инновации правового развития обусловлена тем, что решение проблемы социальных вызовов и ответов составляет объективное условие предвидения изменений в структуре действующих институтов или изменений в системах нормативных связей и сетей, переходов от юридической логики формальных институтов к логике сетевых институтов или цепочек взаимодействий. Основными характеристиками правового развития являются изменчивость, преемственность, непрерывность и их альтернатива — завершенность, консервативность, инерционность. Фазовые циклы процессов правового развития (непрерывность и преемственность) и их альтернативные версии (консервативность и инерционность) входят в категориально-понятийный кластер — социально-правовой континуитет. В юридической литературе этот термин в основном употребляется в международно-правовом значении применительно к вопросам предметного и функционального взаимодействия современных государственных

но-правовых систем. Континуитет следует рассматривать как пространство и процесс воспроизводства правосубъектности участников правового общения без утраты способности принимать самостоятельные и суверенные решения. В нем формируются и функционируют конкурирующие и альтернативные технологии будущего. Разрывы формальных и культурных связей вносят неопределенность в практики социально-правового общения и постепенное угасание субъектности как таковой. Суть инновационных процессов и состоит в поддержании необходимого уровня континуальности структур взаимодействия и способности в границах приемлемости реагировать на меняющиеся условия социального и культурного развития.

Культурно-исторические технологии правового развития

Выявление эволюционных и парадигмальных сдвигов и переходов правовых систем от одних типов и форм правового регулирования к новым моделям связано с адаптацией и разработкой адекватного языка юриспруденции. Механизм преемственной эволюции права невозможен без сохранения и пролонгации позитивных практик социального общения и выработанных ими форм языка правового поведения и мышления — своего рода словаря культурно-исторической эпохи. В этом плане преемственность является исходной базой границ и возможностей правового развития, поскольку здесь совмещаются прошлое, настоящее и будущее правовых систем, накопленные традиции и востребованные новации. Пересечения традиций и новаций выражают и заключают в себе совместимость ценностей социально-правового общения в истории становления и развития правовых цивилизаций. Для современного состояния правового развития фундаментальное значение имеет нормативная ценность представлений о должном правопорядке, таких как поддержание необходимого и достаточного уровня правовой определенности социального общения, своевременное разрешение социально-правовых конфликтов, подвижный баланс публичных и частных интересов, нормативное значение прав человека и гражданина в практиках деятельности государственно-правовых институтов. Определяющее значение имеет анализ методов и форм взаимодействия институтов гражданского общества и институтов законодательной,

исполнительной и судебной власти, поскольку здесь устанавливается (или не осуществляется) баланс-равновесие каждой составляющей гражданского и политического общества.

В социокультурных практиках развития правовых систем операциональное значение с различными последствиями их самосохранения и воспроизводства имеют три политико-правовые технологии: радикальные сдвиги или революции, постепенная имплементация новаций и преемственность базовых оснований существования и воспроизводства. Их можно измерять, взвешивать и оценивать только на весах истории. Революции как способ смены систем и режимов политико-правового развития являются радикальной формой разрешения социальных и культурных противоречий. Значение революции как фактора правового развития обусловлено наличием новой или модифицированной правовой идеологии, поскольку идеологии мотивируют институциональные изменения и поскольку преобразования и конвергенция институтов предполагают глубоко эшелонированную систему доктринальной аргументации и определений. Исторический опыт революционной смены политико-правовых систем показывает, наряду с позитивными результатами, негативные, влекущие необратимые разрушения в практиках социально-правового общения.

Другой инструмент и институт преобразований — правовые реформы, снимающие социальное напряжение и конфликты. Однако они нуждаются в гражданском признании или легитимации нововведений. Реформационные процессы и их результаты рассматриваются как процедуры и решения, влияющие на траектории, динамику и структуру правового развития. Обеспечение инновационного развития как регулярного процесса разработки и внедрения новых институтов составляет актуальное направление современного политико-правового развития. Проблема эффективности инновационных решений — это проблема экономии ресурсов развития и проблема способности осваивать инновационные решения в условиях социально-экономических и политических ограничений. В современных условиях наличие продвинутых технологически и юридически механизмов инновационного развития является залогом успешной конкуренции на рынках институциональных изменений и решений. Формирование и реализация инновационной политики основываются на создании систем, которые решают проблемы не только адапта-

ции к меняющимся практикам развития, но и внесения изменений, заключающих в себе ее будущее — новые стандарты и новые практики социально-правового развития.

Управление инновационными проектами — предмет таких правовых образований, как институты правового консалтинга и менеджмента, институты правовых экспертиз и программ. Это технико-юридические инструменты и элементы инновационной практики и юриспруденции. Успешное развитие современных обществ в условиях глобализации предполагает формирование не только одновременно устойчивых и подвижных правовых институтов, но и новых вариативных культурных стандартов социально-правового общения и поведения. Поэтому проблема правовых новаций — это и проблема новой институциональной системы юридического образования, и проблема новой институциональной системы организации и проведения научных исследований. Современное развитие связано с переходом к экономике знаний, для которой производство инноваций и их практическое освоение становятся ключевым фактором выживания в условиях глобальной конкуренции образовательно-исследовательских институтов.

Историческая логика развития систем социально-правового общения предполагает преемственность институционального развития. Институты живут в правосознании своего времени. С культурной динамикой отношений нового и старого сознания связаны процессы отрицания и сохранения стереотипов и стандартов социально-правового поведения. Преемственность — существенное условие самосохранения положительного опыта общения. Хотя очевидно, что положительное и отрицательное в любом явлении не просто сосуществуют одновременно и вместе, но имеют симбиотическую природу. Одно сопровождает другое и не существует без другого. Преемственность является особым механизмом исторической памяти и адаптации к меняющимся условиям существования конкретного общества. Историческая память — это и форма, и способ репрезентации социокультуры. Ее динамическая составляющая — культура памяти — и есть механизм преемственности в границах признания нового порядка отношений. Следовательно, преемственность может рассматриваться как институт легитимации историко-генетической связи и взаимозависимости традиций и инноваций. Тем более что сами традиции когда-то имели статус

новаций, а новации постепенно и неизбежно расходятся и утрачивают внутренний потенциал развития. Значение института преемственности правового развития связано с проблемой преемственности в практиках организации власти и нормативного регулирования. Это проблема системности и взаимозависимости в практиках институционального развития.

Таким образом, проблема сохранения или утраты нормативного континуитета в практиках правового регулирования — это проблема совмещения непрерывности и преемственности правового развития, совмещения традиций и новаций в ситуации сдвигов в институциональных полях социально-правового общения, то есть сохранения правовой системой своего потенциала через обновление институтов, что является общей темой и проблемой современного существования. Эволюция институтов предполагает эволюцию в формах и способах осмысления правовой реальности. Поэтому понимание места и роли самой юриспруденции в практиках правового общения и развития также фундаментально и является безусловным предметом и темой изучения парадигмальных институциональных и концептуальных сдвигов в правовых системах, взаимодополняющих друг друга на принципах субсидиарности и комплементарности, транзитивности и инклюзивности.

Инновационная юриспруденция: предмет и система

Инновационная юриспруденция и ее учебная редакция «Традиции и новации правового развития в современном мире» касаются как проблем понимания политики переходов в будущее, так и проблем понимания политики консервации практик социально-правового общения в культурно-историческом пространстве и времени. Ее предметная и аналитическая структура отражает взаимозависимые аспекты существования правовой реальности в ее разнообразных проявлениях, наложениях и трансграничных пересечениях, а именно: институциональных, концептуальных, социокультурных, языковых и ментальных основаниях права, что делает ее собственное развитие как научной и учебной дисциплины актуальной темой и проблемой юридической науки и практики в целом. Именно здесь лежат основания преобразования дисциплинарной системы юридической

науки, ее методологии и междисциплинарных связей. Каждая историческая эпоха в развитии юридической науки, ее аналитического языка и методов существует в рамках определенного политико-правового, социокультурного и концептуального контекста, то есть собственной системы конвенций относительно категорий, понятий и определений, или аналитического языка своего исторического времени, его философских, аксиоматических и догматических положений и представлений, принципов и ценностей. Поэтому с методологической точки зрения важнейшими дисциплинами в изучении государственно-правовых явлений в рамках современного кластера юридических дисциплин должны быть история политических и правовых учений и ее аналитическое продолжение — история и методология юридической науки, эпистемология и аксиология права.

Собственный предмет инновационной юриспруденции и ее категориально-понятийный аппарат имеют концептуальное значение в составе содержательных и формальных связей и пересечений, заимствований и обменов с идеями и концепциями, теориями и подходами с другими социальными и политическими науками. Отсюда формирование в общей системе юридической науки таких научных и учебных междисциплинарных комплексов, как социология права, политическая юриспруденция, антропология права, правовая лингвистика. В этом исследовательском или предметно-концептуальном поле открывается актуальная аналитическая перспектива изучения развития институтов государства и права в широком культурном контексте, пролонгированном в будущее. Во-первых, современных социальных оснований государственности или современных конститутивных правообразующих практик в динамике меняющихся социальных интересов и потребностей. Во-вторых, современных трансграничных политических оснований и влияний государственно-правового развития или динамики и условий совмещения внешних и внутренних факторов преобразований национальных правовых систем. В-третьих, меняющихся культурных оснований или правообразующих культурных практик, ценностей или представлений о новой институциональной и концептуальной реальности и сложности. В этом плане изучение юридических явлений включает в свой предмет изучение не только социальных, политических и культурных условий и процессов правового развития институтов, но и фундамен-

тальных сдвигов в предметной и дисциплинарной структуре самой юридической науки. Постюриспруденция — новый междисциплинарный формат и статус аналитико-концептуальной модели юридической науки и система взглядов на правовое развитие современного мира или текучей неопределенности реальности в терминах Зигмунта Баумана.

Юридическое знание исторически, в своих исходных эпистемологических основаниях и в своих первоначальных формах выражения, всегда носило практико-ориентированный характер. Классический пример составляет формат римской юриспруденции, в основании языка которой лежали юридические обобщения личной эмпирической практики или юридические конструкции. Наименование фактически означало квалифицированное мнение юристов о юридических ситуациях, выявленных в реальных процессах публично-правового и частноправового общения. Своего рода юриспруденция повседневности. Уже здесь просматривалось деление юридического языка на язык юриспруденции как науки, или язык правовых понятий, и на язык юриспруденции как практики, или правовых конструкций. Поэтому в литературе вопроса (эпистемологии) различают язык объекта (реальный конструкт социального факта) и язык науки (понятийный конструкт социального факта); язык существования явления и язык выражения, или концептуальной реконструкции, явления; язык юридической практики — институтов и язык юридической науки, или аналитический язык, со своей исторической лексикой, семантикой и грамматикой. Причем, учитывая разнообразие форм правовых коммуникаций в разных сферах социальной деятельности, различают язык (лексику, жанровые конструкции и стили мышления и изложения) текстов различной правовой природы и особые правила и процедуры формальной организации юридического материала, а именно: язык материального и процессуального, публичного и частного права, язык правовых актов — деклараций, законов и подзаконных актов, правоприменительных актов и актов интерпретации права, язык юридических концептов, правовых доктрин и аналитический язык. Особое место в системе юридической науки занимает язык формально-догматической юриспруденции, язык юриспруденции как таковой, очищенной от концептуальных влияний других социальных и политических наук. Это язык формальных юридических конструкций

вне культурно-исторического контекста их существования и выражения. Своего рода чистое учение о праве в концептуальных и аналитических построениях Г. Кельзена.

Признавая безусловный вклад в изучение права с позиций стандартной грамматики языка юридического текста, следует отметить абсолютную недостаточность подобной рефлексии на предмет права. Грамматика правопорядка — это не язык формальных высказываний о праве в грамматических конструкциях и в логических определениях. Это культурная грамматика насыщенная воображением и переживаниями правового отношения к действительности в собственном смысле и значениях данного отношения как ценности и принципа, то есть юридического концепта действительности. Право — это не то, что выражено в тексте нормативных правовых актов, право — это то, в чем и чем живет текст в определениях культуры своего исторического времени и пространства. Наибольший интерес представляет язык, возникающий на пересечении отдельных юридических и неюридических дисциплин, или язык междисциплинарных тем и предметов исследования, язык многосоставных и многоуровневых, комплексных предметов понимания и объяснения социально-правовой реальности.

В общем дисциплинарном кластере юридической науки особое место занимают когнитивная юриспруденция и эпистемология права, общий предмет которых образуют правовое мышление и формы его культурно-исторической репрезентации, то есть внутреннее и внешнее право — концепты и институты. В этом аспекте понимания предмета и методологии, ее аналитического ядра юриспруденция включает в себя изучение правовой реальности как языковой реальности, а именно: реальности регуляторных или рамочных и конкретных или операциональных определений и понятий; юридических дискурсов или способов и форм осмысления социальных фактов как юридических фактов; юридических текстов, структурированных по составу своих исторических элементов, их семантике и грамматике. Новое направление ее правовой рефлексии — поэтика (метафорика) и семиотика юридического мышления, или мышления в определениях понятий (гносеология права), мышления в определениях ценностей (аксиология права) и мышления в определениях нормативно-должного (деонтология). Юриспруденция как таковая превратилась в собственно правовую науку

тогда и только тогда, когда стала предметом собственной концептуальной и аналитической рефлексии, то есть понимания того, что есть и что не есть юридическое знание. В этом смысле юриспруденция в собственном смысле данного явления и понятия — это одновременно теория и технология, эпистемология и познавательная практика.

Генезис государственно-правовых институтов есть также генезис юридических картин мира, форм юридического мышления и юридических знаний. В общем процессе культурно-исторической эволюции права и науки права различают эпохи правовой архаики, эпохи до модерна, модерна и постмодерна. В них обнаруживают себя культурно-исторические практики сдвигов и трансформаций в системе базовых парадигм, эпистем и концептов социально-правового развития. Любые содержательные и формальные изменения связаны с переходами от органических фаз эволюции первоначальных правовых систем к политическим, от линейной логики изменений в системах иерархий, традиций и авторитетов к консенсуальным и контрактным формам взаимодействий, основанным на принципах симметричной взаимозависимости сторон, от донаучных форм юридических знаний (мифопоэтических) к научным (рационально-логическим).

Современная юридическая наука конституирует себя в трех ключевых направлениях понимания права: юридический позитивизм (правовой формализм), социологический позитивизм (правовой реализм) и философско-правовые концепции права (правовая метафизика). Им корреспондируют три формата знаниевой репрезентации права — классическая, неклассическая и постклассическая юриспруденция, со своими предметами и подходами, своими аналитическими языками описания и объяснения политико-правовых явлений. В рамках юридического позитивизма основной объект теории составляет законодательство, система источников права, позитивное или установленное государством право. В рамках социологического подхода основной объект теории составляют живое реальное государство и право, обнаруживающие себя в деструктивной правоприменительной практике и судебной деятельности. В рамках метаюриспруденции основной объект теории составляют базовые, фундаментальные юридические ценности и образы актуальной реальности в их юридических представлениях о будущем государственно-

правовых институтов. Новый подход развивает понимание теоретической юриспруденции и как интегральной научной дисциплины, основанной на системном видении государственно-правовых явлений, существующих в широком контексте социальных, политических и культурных связей, взаимодействий и зависимостей, и как комплексной научной дисциплины, включенной в сеть междисциплинарных научных обменов, заимствований и аналитических коммуникаций. Данное понимание вытекает из основной функции юридической науки в целом, а именно, представления о правовых явлениях, категориях и институтах как сложных, многосоставных и многоуровневых исторических формах социального общения и их концептуализации.

Особое место в аналитике и методологии современной юриспруденции занимает понятие-категория «концепт» — своего рода доктринальное ядро политических и юридических полей и практик отдельных социально-правовых систем. Концепты характеризуют правовую реальность в форме восприятия, переживания и отношения к праву. Концепты получают свое выражение и связаны с правопониманием или представлениями о природе феномена «право». В этом аспекте концепты являются когнитивными основаниями и источниками права. Вне концептов и манифестирующих их текстов нет ничего. Правовая реальность существует не только в системе институтов и изучается в предметной логике их развития, но также ментально переживается и оценивается — положительно или отрицательно. Переживание права является важнейшим моментом репрезентации права в коллективном и индивидуальном сознании и предметом научной саморефлексии. Поэтому право как явление и институт по своей сути имеет психологическое измерение. В терминах диалектического языка Маркса право не что иное, как опредмеченная глубинная психология. Факт исторического существования права лежит в определениях языка социокультуры определенной эпохи. Институты существуют в рамках юридико-психологических картин мира — предметов культурно-исторической юриспруденции и психоанализа. Именно в этом смысле право — не только институциональная реальность, это также и ментальная, когнитивная и языковая реальность. Акцентирование внимания на данных аспектах существования и выражения правовой реальности и лежит в основании перехода от классического формата

юриспруденции к неклассическому формату и постюриспруденции. Традиции и новации — исторические феномены культурной психологии определенного времени и пространства и внутренней готовности или способности конкретной правовой системы сохранять или принимать их в институциональных и концептуальных границах собственных траекторий развития и воспроизводства.

Культура постмодерна vs культура модерна

Правовые системы со всеми своими элементами — живые пульсирующие культурные реальности, существование которых определяется способностью реконструировать, обновлять и менять языковые и формальные практики социального общения. Ценностно-ориентированное юридическое знание — ключевой элемент культурно-исторического процесса образования новых институциональных и концептуальных оснований и механизмов развития и воспроизводства правовых систем. В этой логике самоопределения инновационная юриспруденция — составная часть общего процесса системных изменений и освоения нововведений в практиках политико-правового развития, то есть управления сознанием и поведением в мире глобальных трансформаций или борьбы за концептуальное доминирование в наличных и будущих юридических системах власти, собственности и регулирования. Новый поворот права и науки права заключен в переходе от юриспруденции технических нововведений (патентование) к юриспруденции культуральных новаций. Осознание значения ценностно-доктринальных текстов как факторов институционального развития права предполагает смещение в дисциплинарной структуре юридической науки от формально-догматической к социокультурной составляющей дискурса их общего предмета и методологии.

Сетевое будущее открыто изменениям и неопределенно в своих промежуточных и конечных результатах. Отсюда, собственно, и проистекает настоятельная потребность, а значит, необходимость поиска и самоопределения языков юриспруденции, языков социального общения и познания правовой реальности, способных адекватно понимать и гибко реагировать на меняющиеся условия развития правовых систем эпохи постмодерна в условиях перманентных деструкций. Постмодерн — не обязательно

позитивная фаза движения социально-правовых систем образа будущего в зеркале перемен при разрушенном настоящем. Оно проблематично, если не трагично, поскольку множество привычных форм социального общения должны исчезнуть, освобождая формальные пространства для подвижных этически и этнически культурно-биопсихологических трансформаций. Отсюда проблема критериев отнесения тех или иных состояний и событий, институтов и процедур, реформ и заимствований к современным или несовременным, открытым — гражданским или закрытым — теневым. Это также вопрос самосохранения и адекватной или неадекватной государственно-правовой политики в системах унифицированных языков общения грядущих эпох сетевого существования. Если классическая юриспруденция — юриспруденция санкционированных фактов и формальных определений застывшей в себе реальности, а неклассическая — юриспруденция конкурирующих концептуальных представлений и образов живой реальности, то новая юриспруденция — юриспруденция технологий и моделей реальности невидимых сетей и правил, задаваемых самой сетью.

На место права субъект-субъектных отношений — права крови и права почвы, эгалитарного и сегментарного права, права политических иерархий, права индивидов и корпораций — приходит право трансграничных, глобальных и самовоспроизводящихся, непрерывно меняющих свою конфигурацию анонимных квазисубъектных отношений. Индивида классической юриспруденции сменяет другой востребованный персонаж юридической сцены — человек-функция, индивид, ставший дивидом, то есть продуктом информационно-цифровой разработки сетевых траекторий статусов и ролей. На обломках эпохи модерна с его проблемами легитимности и свободы выбора, права собственности и прав человека и гражданина маячит нечто — постреальность или реальность конца времени человеческого общения — общества спектакля Ги Дебора, симулякров Жана Бодрийяра и деконструкций Жака Деррида, предчувствия сетевой модели социальных коммуникаций — ризомы Жюлья Делёза и Феликса Гваттари. Это вестники неотвратимо грядущей судьбы греческой трагедии, которая всех нас поджидает, не испрашивая разрешения быть или не быть, она уже есть. То, что существовало в воображении маргинальной философии жизни вытеснения и замещения социальной

реальности означающими без означаемых, состоялось.

Очередной поворот очередного цикла конца истории рождает свою скрытую и обезличенную юридическую реальность, и она имеет имя, ее зовут постмодерн или возвратно-поступательное движение к регулируемому хаосу — предмету юридической палеонтологии отсутствия общего права при обилии операциональных правил. Экстраполируя возникающий на глазах мир, появление которого спрятано в наличных и невидимых практиках прихода и ухода социальных институтов, их вытеснения и замещения имитациями или субститутами, в определениях философии социальной мобильности Джона Урри — офшорами, аутсорсингами, франшизами и т.п., уже можно увидеть контуры будущего, которое нас подкарауливает. Темная реальность тотального цифрового неравенства, культурных перверзий, теневых юрисдикций и отсутствия человека — юриспруденция конца света. Поэтому значение инновационной юриспруденции в представленном негативном ракурсе происходящего выходит за рамки привычного образа научной дисциплины. Это одновременно концепт и ценность, институт, технология и политика — пять фундаментальных оснований развития как такового. В этих дисциплинарных измерениях правовой реальности в контексте каждой исторической эпохи ее существования и проявлений заключена возможность увидеть и понять подлинные масштабы и последствия грядущих событий. Инновационная юриспруденция в определениях собственного предмета и мето-

дологии — юриспруденция производства и распределения культурного капитала в терминах Пьера Бурдьё.

Накопление и сохранение культурного капитала и есть главная инвестиция в действительно современное будущее и преодоления инерционного вращения вокруг сложившейся и уже изрядно обветшавшей исторической оси скачков из одной формации в другую и обратно. Выявление глубинных тенденций и культурных ориентаций развития ключевая аналитическая функция и проектная технология инновационной юриспруденции, поскольку именно культура либо открывает, либо закрывает будущее. Культура — это исторический текст, его словарь и дискурс, всё, что есть и что может быть уже задано языком культуры своего времени, его исторической лексикой и грамматикой. Границы существования и изменения наличной реальности установлены границами существования и изменения языка понимания и объяснения реальности. Новая реальность такова, какой новый язык рассуждения о реальности. Поэтому предмет и структура инновационной юриспруденции лежат в определениях ее культуры — языка правопорождающих концептов и их институтов. Главная проблема и тема инновационной юриспруденции это проблема открытости или закрытости культуры традиций и новаций, проблема взаимных отношений и пересечений, выражающих их суждений и понятий, проблема транзитивности и совместимости языков повседневного бытования и аналитического воспроизводства права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. В. Николаева ; вступ. ст. С. П. Баньковской. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: <http://exsistencia.livejournal.com/> (дата обращения: 10.09.2023).

Геллнер Э. Условия свободы. М., 1955.

Глоссарий основных понятий устойчивого развития с комментариями / под ред. М. В. Мажориной, Е. И. Михеевой, Е. А. Шахназаровой. М., 2022. 192 с.

Крауч К. Постдемократия. М., 2023. 192 с.

Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. СПб., 2018. 467 с.

Мальцев Г. В. Культурные традиции права : монография М. : Норма : Инфра-М, 2023. 608 с.

Сакс Д. Эпохи глобализации: география, технологии, институты. М., 2022. 380 с.

Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в XX веке. М., 2017. 384 с.

Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. М., 2009. 432 с.

Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018. 80 с.

Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы : кол. монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2020. 464 с.

Ямпольский М. Модернистская форма как способ мышления без понятий и больших идей. СПб., 2020.

REFERENCES

Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Transl. by Nikolaev V; preface by Bankovskaya SP. Moscow: Kuchkovo pole Publ.; 2016. (In Russ.).

Baudrillard J. Simulacra and simulation. Available at: <http://exsistencia.livejournal.com> / [cited 2023 October 09]. (In Russ.).

Chestnova IL, Tonkov EN, editors. Cultural Studies of Law. A monograph. St. Petersburg; 2018. (In Russ.).

Crouch C. Post-democracy. Moscow; 2023.

Eco U. The search for the perfect language in European culture. Moscow; 2009. (In Russ.).

Gellner E. Conditions of freedom. Moscow; 1955. (In Russ.).

Hobsbawm E. Fractured times. Culture and Society in the Twentieth Century. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Junger E. Change of gestalt. Forecast for the 21st century. Moscow; 2018. (In Russ.).

Maltsev GV. Cultural traditions of law. A monograph. Moscow: Norma Publ.: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Mazhorina MV, Mikheeva EI, Shakhnazarov EA, editors. Glossary of basic concepts of sustainable development with comments. Moscow; 2022. (In Russ.).

Sachs J. The age of globalization: geography, technology, and institutions. Moscow; 2022. (In Russ.).

Tonkov EN, Chestnov IL, editors. Legal thinking: classical and postclassical paradigms. A monograph. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2020. (In Russ.).

Yampolsky M. The modernist form as a way of thinking without concepts and big ideas. St. Petersburg; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Веденев Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vedpol45@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuriy A. Vedenev, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, build. 2, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
vedpol45@gmail.com

Материал поступил в редакцию 28 сентября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 6 октября 2023 г.

Принята к печати 18 декабря 2023 г.

Received 28.09.2023.

Revised 06.10.2023.

Accepted 18.12.2023.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

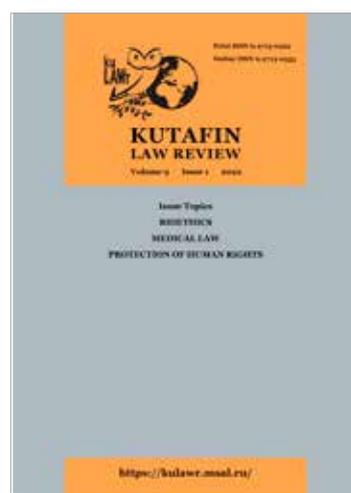
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008